

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Для служебного пользования

Экз. № 00151

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ
№ 6 (169)**

МОСКВА 1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Для служебного пользования

Экз. №

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ
№ 6 (169)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
МОСКВА 1975

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Кандидат исторических наук А.П.БАЗИЯНЦ

М. ГАСРАТЯН

КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТУРЦИИ

(1924-1939 гг.)

П р е д с л о в и е

Политическая актуальность курдской проблемы сегодня не вызывает сомнений и, естественно, исследование, посвященное важным событиям недавнего прошлого курдского народа, представляет большой научный интерес.

Историческая судьба курдского народа сложилась так, что основная часть его обитает в настоящее время в пределах государственных границ трех смежных государств: Ирана, Ирака и Турции. В таких условиях любое значительное движение среди курдов, любая государственная акция в отношении курдов в пределах одного государства вызывает пристальное внимание и отклик в смежных странах. Таким образом курдская проблема — проблема международная, имеющая первостепенное значение как для внутреннего положения указанных выше государств, так и для международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке.

Публикуемая первая часть монографии посвящена курдской проблеме в Турции в 20–30 годы нашего столетия, т.е. в период после победы кемалистов в буржуазной революции 1919–1923 гг. и до начала второй мировой войны.

Работа делится на три главы. В первой — автор исследует вопросы, связанные с подготовкой и ходом восстания шейха Саида 1925 г., характер восстания, законодательные и военно-административные меры турецких властей. Во второй главе — курдские выступления и полицейско-административные меры по их подавлению (1925–1927 гг.), восстание в районе Арарата (1927–1931 гг.), соглашения Турции с другими странами по курдскому вопросу.

В третьей главе — восстание в Дарсиме. Работу заключают выводы автора, к которым он приходит в результате исследования национально-освободительной борьбы курдов в 20-е — 30-е годы.

Автор справедливо считает восстания кульминационными событиями в истории курдов Турции до второй мировой войны.

М.А.Гасратян совершенно прав, утверждая, что подавление восстаний курдов турецкое правительство использовало для разгрома оппозиции справа и слева.

Автор работы ставит вопрос о восстаниях курдов в Турции в двадцатые-тридцатые годы по-новому.

Привлеченный М.А.Гасратяном материал (особо следует выделить впервые введенные в научный оборот турецкие источники - законодательные акты, договоры, работы курдских авторов и воспоминания участников описываемых событий) на русском, турецком, армянском, английском и французском языках, приводит автора к убеждению, что восстания курдов в Турции носили национально-освободительный характер. Политическая цель восстаний - борьба за независимость. Такую задачу ставили руководители восстаний, такой и была сущность восстаний курдов, по мнению М.А.Гасратяна.

Г Л А В А I

КУРДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1925 ГОДА (Восстание шейха Саида)

Подготовка и начало восстания

Подготовка восстания, получившего позже название "восстания шейха Саида", восходит к началу двадцатых годов. В результате активизации деятельности курдских подпольных организаций создалась возможность уже в мае 1923 г. объединить их в единую организацию, возглавляемую Центральным комитетом Курдистана. Организация носила конспиративный характер и состояла из подпольных групп (по пяти человек в каждой). Каждый член ее имел свое звание и свое вымышленное имя, должен был знать участников только своей пятерки, и поддерживал связь с одним из членов другой группы¹.

Название комитета также должно было держаться в тайне, а за выдачу организации предусматривалось суровое наказание. Во главе комитета стоял полковник Джибранлы Халит-бей. В сравнительно короткое время Джибранлы Халит-бей удалось заручиться сотрудничеством вождя племени мутки Хаджи Мусы, вождя племени хасананлы Хасананлы Халит-бея² и многих других вождей курдских племен. Комитет создал свои организации и в армии, где ему удалось привлечь на свою сторону некоторое число офицеров. Среди этих офицеров были выходцы из Ирака и это обстоятельство помогло установлению связей с Багдадом и Халебом. Руководство Центрального комитета Курдистана стремилось заручиться в своей деятельности поддержкой местных властей, а также влиятельных шейхов востока страны. По мнению руководства комитета это было важным фактором, необходимым для успешной вооруженной борьбы за осуществление целей комитета³. Внимание комитета особенно привлек шейх Саид, влияние ко-

торого распространялось на Хинис, Гендж, Палу и простира-
лось до Диярбакыра ⁴.

Шейх Саид обладал огромным богатством. У него рабо-
тало по меньшей мере 120 чабанов (батраков), которые еже-
годно выращивали около 10 стад овец для продажи. Как пра-
вило, эти стада перегонялись на рынок Халеба и за выру-
ченные от продажи овец деньги шейх приобретал там различ-
ные товары для продажи в курдских районах.

Богатство и влияние шейха Саида сыграли большую
роль при решении членов Центрального комитета Курдистана
о привлечении его на свою сторону. К концу лета 1923 г.
Юсуф Зия (один из руководителей курдского движения, в
прошлом депутат от Битлиса в ВНСТ первого созыва) отпра-
вился в Хинис к шейху Саиду. Во время встречи он говорил
о необходимости создания курдских организаций, которые бу-
дут бороться за предоставление независимости Курдистану.
При этом он обещал шейху высокий пост в будущем прави-
тельстве Курдистана. В результате шейх Саид был введен в
состав комитета. С ним было договорено о взаимной информа-
ции и координации мер по организации курдского восста-
ния. После этого Юсуф Зия сообщил шейху Саиду пароль
комитета ⁵.

Зимой 1923-1924 гг. в Палу состоялось совещание курд-
ских руководителей, на котором присутствовали и дербен
уезда Хани (вкл. Диярбакыр). Совещание приняло решение ак-
тивизировать курдское подпольное движение.

Постепенно число сторонников курдского движения воз-
растало: почти все племена с помощью Центрального комите-
та Курдистана получали значительное количество оружия
и боеприпасов.

Одновременно с вооружением племен и подготовкой вос-
стания руководители курдского движения стремились добить-
ся признания независимости Курдистана через Лигу Наций.
Чтобы не привлекать внимания властей, руководители движе-
ния принимали те или иные решения тайно, на малочисленных
по составу участников совещаниях. Так, весной 1924 г. Юсуф
Зия прибыл в "гости" к Джибранлы Халит-бею в Эрзурум. На
этой встрече было решено полностью вооружить племена с

помощью шейха Махмуда и Исмаил-аги Сивеко, находившихся за пределами Турции, а также послать через Сирию в Лигу Наций требование о признании независимости Курдистана.

С этим решением и личным письмом Джибранлы Халит-бей Юсуф Зия направился к шейху Самду в село Колхисар (уезд Хынис). Затем он посетил различные районы (Гёксу, Хаджи-Омер, Текман, Гёкоглан, Карлиова, Варто), где познакомил с решением руководителей курдских племен ⁶.

В это время в районе Хизана находилась турецкая дивизия, которая занималась подавлением движения ассирийцев. Начальником штаба этой дивизии был курд Ихсан Нури.⁷ Кроме того, в ней служили курдские офицеры — Ванли Расим, Хурит, Тевфик Джемаль и Риза. Эти офицеры в соответствии с указаниями комитета стали создавать на местах среди курдских племен повстанческие отряды.

Руководители курдского движения пытались наладить связи с оппозиционными Мустафе Кемалю кругами. С этой целью осенью 1924 г. Юсуф Зия в Стамбуле встречался с членами Прогрессивно-республиканской партии (ПРП) и другими оппозиционными правительству деятелями. После этого он выехал в Эрзурум и направил оттуда зашифрованную телеграмму своему брату лейтенанту Ризе, который служил в войсках, действующих по подавлению восстания ассирийцев в районе Хизана. Эта телеграмма была ошибочно принята за сигнал к всеобщему восстанию, и курдские офицеры дивизии во главе своих подразделений под общим командованием Ихсана Нури восстали и ушли в горы ⁸. Однако это смелое выступление так и осталось локальной вспышкой, поскольку курды еще не были готовы к всеобщему восстанию.

Естественно, что эта деятельность курдских лидеров не могла не привлечь внимания турецких властей. Впервые о готовившемся восстании в Анкару сообщили секретным письмом руководители племени хормек. Мустафа Кемаль, в связи с землетрясением в восточных вилайетах, находился осенью 1924 г. в Эрзуруме. Здесь он имел возможность убедиться в правильности сведений, сообщенных в письме. Вернувшись в Анкару, он отдал приказ об аресте Юсуфа Зия, Джибранлы

Халит-бей и других видных курдских деятелей. В октябре 1924 г. турецким властям удалось арестовать Сууфа Эню, и его отправили под сильной охраной в Битлис для предания суду военного трибунала. Помимо него был арестован бывший член Представительного комитета Хаджи Муса, а также были приняты меры с целью ареста других видных курдских патриотов. Оставшийся еще на свободе Джибранлы Халит-бей не сумел разобраться в сложившейся обстановке. Он рассчитывал, что правительство побоялся арестовать его. В крайнем случае, думал он, местное население и части армейского корпуса, расквартированные в Эрзуруме, а также связанные с ним племена поднимут восстание и освободят его. Но события приняли иной характер. Ночью 20 декабря 1924 г. верный правительству отряд арестовал Джибранлы Халит-бея в его резиденции и в ту же ночь отправили в Битлис ⁹. В 1924 г. были арестованы, а затем и высланы из страны другие курдские политические деятели ¹⁰.

После ареста Халит-бея председателем Центрального комитета Курдистана был избран шейх Саид. Центральный комитет принял решение начать всеобщее восстание, освободить арестованных курдских руководителей ¹¹.

Шейх Саид получил распоряжение ускорить восстание, возглавить его и через Диярбакыр установить связи с курдами Сирии. Получив это сообщение, шейх Саид отправил Хасанавлы Халит-бею письмо, в котором требовал при первой возможности атаковать Битлис и освободить Джибранлы Халит-бея, а сам 27 декабря 1924 г. прибыл в село Кырыкхан (уезд Палу). Здесь 4 января 1925 г. собрались вожди курдских племен близлежащих районов для обсуждения плана восстания. Туда же прибыл из Стамбула сын шейха Саида Али Риза ¹².

Еще до ареста Джибранлы Халит-бея Али Риза в ноябре 1924 г. выехал через Диярбакыр в Халеб, чтобы окончательно согласовать организацию восстания с другими курдскими лидерами. Туда съехалось довольно много курдских деятелей из Турции, Сирии и Ирака. На этом съезде подробно было обсуждено положение в турецком Курдистане. Почти все участники съезда пришли к выводу, что лишь восстанием

можно обеспечить национальные права курдского народа. Съезд принял решение начать всеобщее восстание в турецком Курдистане 21 марта 1925 г. (день праздника "новруз"), а также избрал руководящий орган восстания¹³. Обсудив мероприятия по подготовке восстания, Али Риза 15 ноября выехал из Халеба и через неделю прибыл в Стамбул, где встретился с Сейтом Абдулькадыром. Во время этой встречи Али Риза рассказал о положении дел в восточных вилайетах, изложив соображения Центрального комитета Курдистана относительно восстания, а также свою точку зрения на планы курдских руководителей, находившихся в Халебе и Ираке. Сейт Абдулькадыр пригласил Али Ризу на 2 декабря к себе в Суаде для более свободной беседы. Во время этой беседы присутствовал и сын Сейта Абдулькадыра Сейт Мехмед. Абдулькадыр предложил придать курдскому движению религиозный характер, заявив, что в таком случае он целиком присоединится к восстанию. Далее он передал Али Ризе антикемалистскую литературу для распространения в восточных вилайетах. 4 декабря 1924 г. Али Риза вновь посетил Сейта Абдулькадыра, который сообщил ему, что уже с сентября 1924 г. его представитель Кёр Саади ведет переговоры с сотрудником английского посольства о поддержке англичанами курдского движения. Далее он подчеркнул, что после успешного окончания этих переговоров он сам выедет в восточные вилайеты с целью обеспечения единства в курдском движении¹⁴.

Обо всем этом Али Риза рассказал участникам собрания. Кроме того Али Риза сообщил собранию, что в Анкаре и Стамбуле он встречался с оппозиционными правительству деятелями. Они якобы заявили, что, если восстание начнется, они сообщат об этом в Лигу Наций. Собрание приняло к сведению это сообщение Али Ризы. В то же время участники собрания напомнили шейху Саиду, что если племена кызылбаши (алеви), проживающие в районах Варто (вил. Муш) и Хыныса (вил. Эрзурум), не присоединятся к ним, могут возникнуть определенные трудности с проведением восстания.

Было известно, что племя хормек (кызылбаши), кочевавшее в районе Варто и Киги (вил. Бингаль), еще несколько лет назад выступило против планов Джибранлы Халил-бея.

Поэтому в этот же день три вооруженных представителя этого собрания с письмом шейха направились к вождям племени хормек. В связи с этим, вожди племен кызылбашей устроили собрание, на котором приняли решение всеми силами бороться против повстанцев, о чем и сообщили представителям шейха. Более того, они отправили письмо шейха турецкому чиновнику - каймакаму Варто Сырри-бей, который немедленно сообщил об этом в вилайет Муш. В то же время шейх Саид попытался присоединить к восстанию племени Дерсима и Муша. Однако эти попытки не дали положительного результата ¹⁵.

Шейх Саид, Али Риза и некоторые другие вожди и шейхи племен выехали из села Кырыкая и 6 января 1925 г. прибыли к Джибравли Халит-бей в село Каниреш (уезд Варто). Здесь состоялось второе собрание, на котором шейх Саид поручил вождям, в случае восстания, в первую очередь расправиться с племенем хормек. 8 января 1925 г. он прибыл в деревню Мелекан (уезд Солхан, вил. Бингёль), где курдские руководители приняли решение: начать восстание и наступать на Диярбакыр, Битлис, Эрзинджан и, двигаясь к границам Ирака, попытаться объединиться с шейхом Махмудом ¹⁶.

В то время как во многих курдских районах востока страны велась усиленная подготовка к восстанию, вожди племен Дерсима (кызылбашей) продолжали споры о путях борьбы против турецкого гнета. При этом многие из них вели соглашательскую политику, заботились главным образом о личном благополучии, все еще питая иллюзии относительно политики кемалистов в курдском вопросе. К числу их относился и "дерсимский" депутат ВНСТ первого созыва Хасан Хайри. На радикальных позициях стояли Байтар Нури Дерсими, Сеит Риза и некоторые другие курдские лидеры, которые не верили обещаниям турецких властей и считали, что курды смогут добиться своих национальных прав только путем вооруженной борьбы.

В один из вечеров конца 1924 г. в доме вождя племени ферхадан Джемшида в г. Хозате (вил. Тунджели) состоялось собрание руководителей курдских племен Дерсима, в котором приняли участие также Хасан Хайри и Нури Дерсими. На этом собрании Хасан Хайри выступил против анти-

турецкой борьбы дерсимцев, за сотрудничество с кемалистами, как это имело место в период Лозаннской конференции, когда курдские депутаты меджлиса, по предложению М.Кемаля, отправили на конференцию несколько телеграмм, в которых утверждали, что курды не хотят отделяться от турок. Затем Хасан Хайри, обращаясь к Байтару Нури, сказал: "Мой товарищ доктор Нури много лет направляет борьбу за независимость Курдистана. Эта борьба приведет к гибели Дерсима. Доктора Нури я очень люблю, однако его взглядов не разделяю. Мы, сотрудничая с турками, просветим нашу нацию, и тогда свобода придет сама собой..."

На это Нури Дерсими ответил: "Уважаемый Хайри-бей, ты сейчас являешься курдским депутатом, отделившимся от турок. Вступив в ряды РПД, ты стал противником Мустафы Кемаля; надеешься благодаря РПД вновь стать депутатом, но ошибаешься. Придет время, когда ты не сможешь произнести даже слово "курд"...".

Далее Нури Дерсими продолжал: "Мы должны воспользоваться представившейся возможностью и порвать связь с турками. Посылая телеграмму Лозаннской конференции, может быть вы вырыли себе могилу"¹⁷.

Последующие события показали, насколько пророческими были эти слова.

Следовательно, в то время как к востоку от Дерсима курды готовились к всеобщему выступлению, некоторые дерсимские лидеры, вопреки национальным интересам, вели междоусобную борьбу за теплые местечки в ВНСТ второго созыва. Все это, естественно было на руку правительству, которое, играя на межплеменных противоречиях, проводило свою антикурдскую политику.

9 января 1925 г. шейх Саид выехал из Мелекана и в течение января посетил города Дарахлини (Гендж), Лидже и Хани, где встречался с местными вождями племен¹⁸. 5 февраля со ста вооруженными всадниками и многочисленными вождями прибыл в деревню Пиран¹⁹ и остановился у своего брата Абдулрахима. Именно здесь произошло событие, ускорившее начало восстания.

Вечером того же дня в деревню Пиран прибыл отряд

из 15 хандармов, под командованием двух офицеров и потребовал от шейха Саида выдать 10 курдов, которые обвинялись в убийстве.

Переговоры в таких условиях, когда с каждой стороны противостояли вооруженные отряды, не могли принести успеха и в результате 8 февраля в столкновении было убито несколько хандармов, а остальные во главе с офицером взяты в плен. Эта преждевременная схватка практически сорвала план восстания.

Правда, после этой схватки шейх Саид, считая, что курды еще не готовы к всеобщему выступлению, выехал оттуда в сторону Генджа с намерением локализовать события в Пиране. Однако, узнав о событиях в Пиране, брат шейха Тахир 10 февраля захватил почту из Лидже в дер. Серди и с отрядом в 200 человек 11 февраля прибыл в Гендж к шейху Саиду и передал ему захваченные документы и деньги. Эти два события означали по существу начало восстания. В этих условиях шейх Саид смог только заявить: "Очевидно это судьба"²⁰.

Встав во главе восстания, шейх Саид и его соратники Хивли Салих, Омер Фаро, Муданлы Факи Хасан, Хаджи Салык силами примерно в 10 тыс. человек заняли 14 февраля Гендж²¹.

После захвата курдами губернаторов и турецких чиновников, губернатором Генджа был назначен вождь племени модан Фак Хасан. Он издал чрезвычайный закон, провозглашавший Гендж временной столицей Курдистана. Каждый курд объявлялся борцом за веру, вся власть, как светская, так и духовная переходила к шейху Саиду.

Повстанцы опубликовали также воззвание, в котором объявлялось об уничтожении тяжелого и ненавистного налога "амара". Взамен этого население призывалось снабжать повстанцев продовольствием. Это важное мероприятие нашло горячий отклик среди широких крестьянских масс, большая часть которых с оружием в руках выступила против гнета турецких властей²².

План организации восстания выглядел следующим образом: главнокомандующим всеми повстанческими силами стал шейх Саид, заместителем его — Факи Хасан, который

находился в Гендже. Шейх Самд должен был сосредоточить все свои отряды в Темялу и подготовить наступление на Диярбакир. Стремление занять Диярбакир имело две основные причины: во-первых, Диярбакир рассматривался как предполагаемая столица независимого курдского государства. Поэтому со взятием Диярбакира руководители восстания должны были провозгласить создание независимого Курдистана. Во-вторых, этот успех мог содействовать установлению контактов с заграничной, откуда курдские вожди надеялись получить военную и материальную помощь. Руководство пропагандистской работой и мобилизацией материальных и людских ресурсов возлагалось на шейха Ибрагима из Чана ²³.

Все это свидетельствует о том, что восстание готовилось долгое время и не было результатом случайной стычки между хандармами и курдами. Представляет интерес тот факт, что шейх Ибрагим, ведя пропагандистскую деятельность, распространял среди населения воззвания, которые были отпечатаны типографским способом.

В короткий срок восстание распространилось на 14 восточных и юго-восточных вилайетов страны ²⁴.

Успеху первого периода восстания способствовал ряд факторов:

Удачный выбор района восстания: пересеченный характер рельефа района восстания давал преимущества повстанцам и затруднял в оперативном отношении действия правительственных войск. Район восстания был выбран не случайно, а заранее определен курдскими военными специалистами.

Этнический состав района восстания также благоприятствовал повстанцам. Так, в вилайетах, охваченных восстанием, проживало более 600 тыс. курдов.

У нас нет официальных данных об этническом составе восточных районов Анатолии к началу восстания, т.е. к 1925 году. Поэтому мы обратимся к переписи населения 1927 года.

Перепись 1927 г. показала следующее соотношение между курдами и турками в вилайетах, в той или иной

степени охваченных восстанием (см. табл.)²⁵

Вилаеты ²⁶	Общая численность населения	В том числе		
		турок	курдов	% курдского населения
Баязет	104 586	43 570	60 926	58
Битлис (Мун)	90 631	20 689	67 678	75
Диярбакыр	194 316	56 151	132 209	69
Элязиз	213 777	97 657	112 493	53
Хаккяри	24 980	1 044	17 005	69
Мардин	183 471	11 864	109 841	61
Скирт	102 433	5 479	75 962	75
Ван	75 329	17 399	57 723	77
Итого:	989 523	253 853	633 837	

Следует отметить, что к началу восстания в перечисленных выше вилаетах курдов было гораздо больше. В результате жестокого подавления восстания, насильственного переселения курдов, а также размещения турецких иммигрантов в этом районе процент курдов заметно сократился, а процент турок увеличился. Тем не менее даже по приведенным данным, курдов в этих вилаетах было около 640 тыс. — в 2,5 раза больше, чем турок. Кроме того, в районе восстания жило более 100 тыс. черкесов, арабов, ассирийцев и других национальных меньшинств.

Все это несомненно благоприятствовало развитию восстания.

"Весь Курдистан был охвачен огнем восстания и угрожал восточным провинциям, молодая Турция дрогнула...", писал Агмстронг²⁷.

Ход восстания

16 февраля шейх Саид прибыл из Дарахины в Гендж и, вступив в командование отрядами Халжи Хасана, Омера Фаро, а также племенам мистан и ботан, и, позднее, отрядом Салих-бея (из Хани), двинулся через ущелье Хани на Диярбакыр. 28 февраля в окрестностях Диярбакира к

нему присоединился крупный отряд шейха Шемсеттина. Брат Саида вместе с присоединившимся к нему шейхом Эббом, отряд которого насчитывал 500 воинов, двинулся на Эргани. 28 февраля шейх Саид достиг местечка Тала (севернее Диярбакыра) и разместил там свой штаб. Его армия к тому времени насчитывала около 20 тыс. человек ²⁸.

Следует отметить, что курдские отряды не походили на регулярные войска. Во главе отрядов шейха Саида стояли главным образом шейхи, вожди, отставные офицеры турецкой армии и т.п. По мере продвижения курдских отрядов, в них вливалось местное население. С начала восстания до прихода к власти кабинета Исмет-паша (3 марта 1925 г.) военное преимущество было на стороне курдов. Это объяснялось в значительной мере тем, что районы боевых действий были населены преимущественно курдами, находившимися под значительным влиянием шейха Саида и его сподвижников. При этом шейх Саид на первый план выдвигал лозунг защиты религии от "неверных" правителей Анкары, скрывая от масс подлинную цель восстания: создание независимого Курдистана. Такая политика имела отрицательную сторону: многие курдские руководители не желали сражаться лишь из-за "уважения к религии". В частности, курдские племена Дерсима и Муша к этому восстанию не присоединились, но готовы были бороться за создание независимого курдского государства ²⁹.

Курдские руководители намеревались провозгласить независимое государство после захвата Диярбакыра. Однако у Диярбакыра ход кампании изменился в пользу турецких властей.

Шейх Саид понимал, что его сил недостаточно, чтобы с ходу занять Диярбакыр, поэтому он начал переговоры с представителями турецких властей, чтобы выиграть время и дать возможность курдским патриотам поднять восстание в самом Диярбакыре. В свою очередь армейский инспектор Кязым-паша (Орбай), губернатор Али Джемаль (Бардакчы), командующий корпусом Мурсель-паша, заняв все стратегические пункты в городе, ждали прибытия подкреплений. Власть отказались выдать местному населению оружие. Город

оборонялся только регулярными войсками.

Прежде всего курды ультимативно предложили турецкому командованию сдать город. Не дождавшись ответа, в начале марта шейх Саид принял решение начать наступление на Диярбакыр. Курдские отряды, вооруженные охотничьими ружьями, маузерами и даже частично палками, пытались с разных сторон проникнуть в город. Атака началась 11 марта. Ночью 70 отборных курдских воинов через Мардинские ворота ворвались в город и присоединились к сторонникам шейха, которые под лозунгами "Да здравствует независимость!", "Да здравствует Курдистан!" сражались с превосходившими силами турок³⁰. В ожесточенных боях курды потеряли 150 человек убитыми, остальные под покровом ночи покинули город или разбежались по домам.

После неудачной попытки занять Диярбакыр шейх Саид отдал приказ об отступлении. Касаясь последующего периода восстания, шейх Саид позже на судебном процессе в Диярбакыре говорил: "После того как наше наступление потерпело неудачу, мы приняли решение об отходе. Я отпустил своих воинов на 6 дней домой, а сам прибыл в район Карзар. Там пробыл пять-шесть дней. Побывавшие дома воины вернулись спустя восемь дней. В то время я находился в селе Тыхам. Ночью мы двинулись по направлению к Сивереку. Оставалась открытой лишь дорога на Мардин. Оттуда правительственные войска двигались к Диярбакыру. И мы, чтобы перерезать дорогу, заняли села Денгеджюк, Джабар, Хаджи-Лейлек, Гавзелан и Каракилисе. Здесь мы узнали, что из Сиверека идут милицейские силы (отряды курдов заза), а также турецкий кавалерийский дивизион. Навстречу им я послал 300 воинов. Они разгромили правительственные войска и захватили в плен 80 человек из племени "заза"³¹.

Несмотря на отдельные успехи, положение повстанцев с каждым днем ухудшалось. Повстанцев с севера теснили 40 тыс., с юга - 30 тыс. правительственных войск³². В этой обстановке шейх Саид предпринимал отчаянные усилия, чтобы координировать действия курдских руководителей, мобилизовать материальные и людские ресурсы, как-нибудь спасти движение.

Шейх Саид писал своему брату Абдурахиму и шейху Исмаилу: "В пятницу в 4 часа я получил ваше письмо от 19 шабана (15 марта 1925 г.). Там же я нашел письмо шейха Мехмета Решиди. Вы говорите, что Позан-ага и шейх Эюб прибыли в Карабахче, и хотите, чтобы я тоже прибыл туда. Я хотел бы и сам посетить вас, но я только что послал Решид-агу со 100 всадниками на восточный фронт и, если на то будет воля божия, ожидаю сегодня прибытия племени тергиян; его я тоже пошлю на фронт. Я послал (в районы) также шейха Тахира и шейха Сараджа для вербовки воинов. Они еще не вернулись... Как только они...вернутся, я приму здесь меры и отправлюсь в ваши районы для беседы с Позан-агой и шейхом Эюбом. Советую нашим воинам проявлять терпение и рекомендую держать себя в соответствии с предписаниями шариата. Пусть они остерегаются грабить имущество и скот мусульман. Однако, как я писал в предыдущем письме, в случае необходимости можно собирать продовольствие в амбары, выдавая при этом документ в получении такового. Позже...мы оплатим их либо натурой, либо деньгами... Слуга воинов Мехмед Саид аль-Накшбэнди"³³.

Однако никакие усилия повстанческого командования уже не могли приостановить наступление превосходящих турецких сил. К Диярбакыру подошли правительственные войска, они стали теснить отряды шейха Саида к ущелью Хани. Здесь к шейху присоединялись потрепанные в Эргани отряды шейха Абдурахима. После непродолжительного сопротивления повстанцы были вынуждены отступить к Дарахини, а оттуда, разбившись на многочисленные группы, укрылись в лесах районов Гендж, Палу, Чапакчур (Бингёль). Шейх Саид с шейхами различных племен покинул Дарахини и прибыл 27 марта в Чапакчур, где ждал прибытия Абдуллаха, Шефи и других шейхов³⁴.

Еще 26 марта регулярные турецкие войска начали широкое наступление в районах Диярбакыр, Варто и Элязиз. В результате IX корпус занял Варто. Турецкое командование намеревалось окружить повстанцев и воспрепятствовать уходу их в Ирак, Сирию и Иран³⁵.

Вторым районом, охватывавшим Элязиз и примыкающие к нему территории, командовал шейх Шериф (из Гёкдере). В его распоряжении находились племена районов Шаки-Вато, Чапактура, племена заза из Гёкдере и Палу, а также роды мусьян, окчлян и азан. 21 февраля шейх Шериф занял уезд Палу и 5 марта подошел к Элязизу. Часть именитых граждан Элязиза выступила на стороне повстанцев и впустила их в город. Курды взяли в плен представителей власти, освободили заключенных, захватили склады оружия и боеприпасов ³⁶.

Шейх Шериф встретился в местечке Хусейник и беседовал с бывшим депутатом ВНСТ Хасаном Хайри. 6 марта он назначил губернатором Элязиза мифту Мехмета-эфенди и за подписью своей и Хасана Хайри дал вождям дерсимских племен следующую телеграмму: "Сохраняйте спокойствие, в ближайшее время с делегацией прибудем в Дерсим, успехов вам" ³⁷.

Туркофильская позиция Хасана Хайри и его успокоительные телеграммы повредили повстанческому движению курдов. 16 марта часть дербеев Западного Дерсима прибыла в Диярбакыр и заявила о своей покорности правительству, а некоторые племена Восточного Дерсима увеличили численность своих отрядов, направленных в распоряжение турецкого командования ³⁸.

Касаясь позиции вождей дерсимских племен, депутат ВНСТ первого созыва Динап-ага во время беседы с корреспондентом газеты "Вахит" заявил, что они с самого начала восстания решительно встали на сторону правительства против шейха Саида ³⁹. Это был несомненный успех кемалистов.

В то время, как почти весь Курдистан поднялся против турок и вел с ними борьбу, дерсимцы оставались, как правило, в стороне.

Подобное положение отвечало планам турецкого правительства, которое намеревалось расколоть курдов, подавить освободительное движение в Курдистане по частям. Когда впоследствии этот план был осуществлен по всему Курдистану (кроме Дерсима), по личному приказу Мустафы Кемала, Хасан Хайри и его племянник Джалаль Мехмет были арестованы и повешены в Элязизе ⁴⁰.

На все курдские лидеры Дерсимы изыскивали покорность правительству. Более того, некоторые из них намеревались присоединиться к повстанцам. В частности, Сент Риза надеялся, что после взятия Элязиза шейх Шериф двинется на Малатю, а он выступит во главе племен Эрзинджана и Кочкири по направлению к Сивасу. Однако в это время части командующего 5-й дивизией Кязым-паши начали наступление на Элязиз. Наступлению правительственных войск способствовали анархия, грабежи, начавшиеся в Элязизе, разногласия среди курдских руководителей, а также переход на сторону турок части вождей племени Элязиза.

Вождь племени шадан Наджиш-ага (из Охи), курдские беи Элязиза, также племена Восточного Дерсима как хверан, лобан, кьоман, сурам во главе с их духовным главой Догандедеоглу Хусейном, поверив обещаниям турецкого командования, ударили в тыл повстанческим силам шейха Шерифа. В итоге 1 апреля 1925 г. повстанцы были вынуждены отступить к Палу⁴¹, куда подходили регулярные части Кязым-паши. Значительная часть курдов (примерно 5 тыс. человек) отступила к ущелью Мендо и устроила там засаду, в которую попала 5-я дивизия Кязым-паши. 3 апреля в ущелье началось ожесточенное сражение, которое продолжалось сутки. Несмотря на упорное сопротивление, курдские отряды были вынуждены оставить ущелье и скрыться в окрестных лесах, а шейх Шериф с несколькими своими сподвижниками направился к Чапакчур, чтобы присоединиться к шейху Самду. 6 апреля правительственные войска вступили в Чапакчур, и шейх Самд, сопровождаемый 300 всадниками, был вынужден отступить по направлению к Солхану. Кязым-паша, подавив восстание в районе Чапакчур, передал этот регион командиру полка 8-го корпуса каймакаму Салим-бею, прибывшему из Эрзурума, а сам вернулся в Палу⁴².

Третьим районом восстания руководили шейхи Мустафа и Ибрагим (оба из Чана). 17 февраля они заняли уезд Чапакчур и назначили каймакамом города шейха Хасана (из Чана). 20 февраля с двумя тысячами повстанцев они вступили в уезд Киги. Против курдов турецкое командование двинуло 8-й армейский корпус, части которого, действуя

в условиях сильно пересеченной местности, терпели поражение 43.

На помощь турецким властям выступило племя хормек. Вождь этого племени Кичик Агаоглу Мехмет Хулюси-эфенди выставлял против повстанцев вооруженный отряд в 300 человек, его брат Али Кемаль с отрядом в 100 человек ударили в тыл повстанцам. В результате повстанцы были вынуждены отступить к Санджаку, но здесь им преградили путь отряды племен хормек, на помощь которым двигались правительственные войска. Каймакам Сами-бей, перейдя со своим полком через горы Хырхал и Чиврен, 5 апреля вступил в долину Карлыова и присоединил к своим подразделениям отряды племени хормек. Правительственные войска вместе с верными им племенами в долине Карлыова нанесли поражение курдам племени джибран, вожди которого Баба и Хатто с 50 всадниками отступили к району Солхан и в местечке Эшек-Мейдан присоединились к шейху Саду.

Турецкие руководители телеграфно поблагодарили население Киги, вождей племени хормек за помощь, оказанную правительственным войскам. Телеграммы были посланы от президента Турецкой Республики Гази Мустафы Кемала, губернатора Эрзурума Эхтя, инспектора 3-й армии Кязыма, командующего II-й дивизией Османа Нури 44.

Четвертым районом восстания руководили шейх Абдуллах (из Мелекана), полковник Хасананлы Халит-бей, Али Риза и аги племени Джибран. За короткое время повстанцы заняли Солхан, Гёйнек, Варто, Малазгирт, Муш. Шейх Абдуллах намеревался захватить Эрзурум, затем совместно с Хасананлы Халитом и Али Ризой занять Битлис и освободить Джибранлы Халита. Освободительные устремления Джибранлы Халит-бея наибольшее влияние оказали на курдов этого района, которые хотели освободить Джибранлы Халита и присоединиться к курдам у иракской границы.

II марта 1925 г. повстанцы во главе с шейхом Абдуллахом с тяжелыми боями вторглись в Варто. На следующий день шейх Абдуллах направил к вождям племени хормек своих представителей и предложил им присоединиться к нему. В этом случае он обещал передать им управление Варто и

Мушам. Однако вожди племени хормек отказались принять это предложение и в тот же день обратились к командиру турецкого отряда в Хынысе с просьбой дать им оружие и боеприпасы. Турецкое командование немедленно удовлетворило их просьбу.

Прошло пять дней после взятия повстанцами уезда Варто. Оставив часть людей в городе, шейх Абдуллах во главе отряда в 1000 человек выступил по направлению к ущелью Арпадереси, но был остановлен верными правительству племенами хормек, чарек и лолаа, а также турецкими жандармами Хыныса.

После этого повстанцы поняли, что им через ущелье Арпадереси не пройти. Поэтому 19 марта 1925 г. 200 повстанцев во главе с братьями Джибранлы Халита - Селимом и Ахмедом покинули Варто и присоединились к Хасанавлы Халиту в уезде Малазгирт.

В результате мер, которые были приняты турецким командованием, повстанцы не смогли взять районы Битлис и Муша. После сражения у моста через р. Мурад руководители Комитета независимости Али Риза и Джибранлы Халит были расстреляны, а Юсуф Зия - повешен⁴⁵.

Узнав о казни видных курдских политических деятелей, шейх Абдуллах и руководители племени джибран собрали значительные повстанческие силы и 20 марта 1925 г. устроили засаду у села Сейлемез (уезд Хыныс) и разгромили подразделения 34 полка 12-й турецкой дивизии. Однако силы были неравны: у турок была артиллерия. Потеряв от ее огня 40 человек, повстанцы вынуждены были отступить.

22 марта 1925 г. вновь произошло ожесточенное сражение у Арпадереси, но опять курды были вынуждены отступить в деревню Кирс.

Подавив восстание в районе Варто, командующий 12-й дивизией Осман-паша⁴⁶ стал готовиться к новому преследованию повстанцев.

27 марта 1925 г. Хасанавлы Халит, Али Риза, братья Джибранлы Халита и некоторые другие курдские вожди с отрядом в 1000 воинов после безуспешной атаки Хыныса⁴⁷ вынуждены были отступить в восточном направлении. В это

время турецкие силы, находившиеся в Каракёсе, с помощью вождя племени хайдеран и адеман навязали повстанцам новое сражение, после которого Хасананлы Халит-бей вместе со своими соратниками перешел границу Ирана и двинулся к Маку. Иранское правительство встретило курдских повстанцев огнем. В боях погибли сын Хасананлы Халит-бея Шемсеттин, сын шейха Саида Аббасеттин, вождь племени зерган Керем и многие другие ⁴⁸. После этого боя Хасананлы Халит-бей и Али Риза вместе с оставшимися воинами присоединились к курдскому вождю Симко ⁴⁹.

Неудачи восставших курдов во всех районах во многом были результатом той напряженной военно-административной и политической деятельности, которую осуществляли турецкие правящие круги по подавлению восстания.

Законодательные и военно-административные меры по подавлению восстания.

Вопреки ожиданиям турецких властей восстание вначале быстро распространялось по восточным и юго-восточным вилайетам страны. Хотя турецкое правительство знало о курдском движении на востоке страны, размах восстания оказался неожиданным для него. Этим можно в известной мере объяснить оптимистические сообщения прессы, а также хвастливые заявления официальных представителей властей о быстром подавлении "движения реакционного шейха".

Так, 18 февраля 1925 г. на заседании ВНСТ на запрос одного из депутатов министр внутренних дел заявил: "В Гендже появился бандит по имени шейх Саид. Вместе со своими сторонниками он начал грабежи в округе. Однако в результате серьезных мер, принятых правительством, он будет в самое ближайшее время ликвидирован"⁵⁰.

В этой связи представляет интерес также заявление поверенного в делах Турции в Москве Энис-бея сотруднику РОСТА. Энис-бей сказал: "...никакой опасности для правительства и спокойствия страны это движение не представляет. Шейх Саид выступает под прикрытием религиозных лозунгов. Поэтому весьма возможно, что в Турции найдутся отдельные реакционеры, которые будут сочувствовать

движению шейха Саида. Но широкие массы, безусловно, чужды движению... Я не сомневаюсь, что как прошлогоднее восстание племена айсоров было ликвидировано правительством, так и нынешнее восстание окончится полным крахом шейха Саида.⁵¹

Таковы были первые, полные оптимизма официальные заявления турецких руководителей о событиях на востоке страны. В то же время, понимая всю серьезность положения, они стали принимать меры по подавлению восстания.

21 февраля 1925 г., по приглашению Мустафы Кемаля, из Стамбула срочно прибыл в Анкару Исмет-паша. Его на вокзале встретил М.Кемаль вместе с другими руководителями Турции⁵². Отсутствовал лишь премьер-министр Фетхи-бей (Окляр).

Приезд в Анкару Исмет-паши вызвал различные толки в стране. Хотя Исмет-паша ушел в отставку с поста премьер-министра, он продолжал оставаться заместителем генерального председателя Народно-республиканской партии. Официальная печать стала объяснять приезд Исмет-паши его желанием "погулять" в Анкаре, встретиться с товарищами из правительства, меджлиса и НРП; после чего он вернется в Стамбул, где продолжит лечение.

Однако весть о том, что Исмет-пашу встречал сам президент республики не оставляла у общественности страны сомнения в том, что готовятся изменения в правительстве.

Хотя пресса продолжала печатать бодрые сообщения о событиях в Гендже, повстанцы, заняв к тому времени значительную территорию, успешно сражались с правительственными регулярными войсками. Об этом М.Кемаль рассказал Исмет-паше сразу же по его приезде в Анкару. Во время беседы он отметил, что премьер-министр Фетхи-бей не разделяет этих взглядов, считает восстание курдов событием локальным и недооценивает серьезности положения. После продолжительной беседы два турецких лидера пришли к выводу о необходимости принять срочные меры по подавлению курдского восстания и любых антиправительственных выступлений, любой оппозиционной деятельности в стране. В тот же день, вечером, президент Турецкой республики пригласил на ужин Исмет-пашу, а также председателя ВНСТ Кязым-пашу. Три военных деятеля рассматривали меры, которые, по их мнению

следовало принять.

На следующий день, в воскресенье (22 февраля 1925 г.)⁵⁴, состоялось заседание парламентской фракции НРП. Это заседание рассматривало вопрос о монополии "режи" и формально не касалось событий на востоке страны. Но оно было использовано М.Кемалем для обмена мнениями по этому вопросу с некоторыми министрами и депутатами. В тот же день М.Кемаль вновь пригласил к себе Исмет-папу, Кязым-папу, а также премьер-министра Фетхи-бей. На этот раз разговор пошел о восстании шейха Саида, о мерах, которые следует принять для его подавления. Во время беседы выявились два мнения. М.Кемаль, Исмет-папа (их в правительстве поддерживали Махмуд Эзат-бей, Исхан-бей и некоторые другие) стояли за принятие чрезвычайных мер по подавлению восстания. Но Фетхи-бей был против преувеличения размеров восстания, особенно печатю, а также стремления отдельных лиц усилить политическую напряженность в стране.

Поздно ночью с 22 на 23 февраля под председательством президента состоялось заседание Совета министров. В нем принял участие и начальник генерального штаба Февзи-папа (Чакмак). На этом заседании правительство приняло решение объявить район восстания на чрезвычайном (осадном) положении сроком на один месяц. Однако это решение в соответствии со статьей 86 конституции Турецкой республики подлежало утверждению ВНСТ. Поэтому за подписью Фетхи-бей это решение было в ту же ночь направлено на утверждение меджлиса. В решении говорилось, что "восстание против вооруженных сил правительства в одной из частей вилайета Эрзгани охватило вилайеты Диярбакыр, Элязиз и Гендж. Поскольку оно имеет тенденцию расширяться в вилайетах Мун, Эргани, Дерсим, Диярбакыр, Мардин, Урфа, Сиверек, Сирт, Битлис, Ван и Хакяри, а также на уезды Киги и Хынис Эрзурумского вилайета объявлено осадное положение сроком на один месяц"⁵⁵. ВНСТ одобрило это решение правительства. В соответствии с этим решением в вилайетах, объявленных на осадном положении, были созданы военные суды, которые должны были рассматривать все преступления, связанные с повстанческим движением.

24 февраля состоялось заседание парламентской группы депутатов Народно-республиканской партии, на котором с объяснением геноцидных событий выступил глава правительства Фетхи-бей и министр внутренних дел Джемаль-бей. Премьер-министр уже не говорил, как ранее, о "бандитизме", а подчеркивал "реакционный характер восстания". Затем на заседании было зачитано воззвание шейха Саида. В воззвании шейх Саид объявлял о создании независимого Курдистана, призывая уважать установления "шариата", а также бороться за свержение "атеистической" власти⁵⁶. Все выступавшие в целом охарактеризовали восстание как реакционное, вызванное главным образом "религиозным фанатизмом курдов" и подстрекательством иностранной державы. В этом же духе писала большая часть турецкой прессы, которая призывала принять самые жестокие меры по отношению к курдам.

"Патриотическое чувство чуждо первобытному существованию племен, — писала "Акшам". — Их не связывает более и действительная религиозная солидарность... Как только они встречаются лицом к лицу с регулярной силой, имеющей пушки, авиопланы и определенную организацию, все эти отряды быстро рассеиваются. Первое, что нужно сделать, это подавить восстание военными средствами. Никакого сожаления не может быть допущено в этом отношении. Второе — это ликвидировать старые ошибки и создать административный организм, применительно к нуждам каждой местности"⁵⁷.

Газета "Хакимияти миллие" призывала покончить с "попустительством" и "великодушием", которые якобы проявляли турецкие власти. Она выражала уверенность, что "грабительское и разрушительное движение... встретит перед собой силы великой турецкой революции, ни в одном пункте земного шара не поступившей своими священными законами"⁵⁸.

Более цинично высказывалась "Танин". "Единственно, что нам остается в этой обстановке — подавить восстание в зародыше. Совсем не важны причины, вызвавшие это движение: реакция, иностранное подстрекательство или результаты нашей плохой администрации... В то время когда огонь охватил крышу, было бы глупостью заниматься отыскиванием

причин пожара...Когда проявляется гангрена, первое, что нужно сделать, это остановить ход зла быстрым и радикальным вмешательством...Малейшая нерешительность может поставить под угрозу не только спокойствие и благосостояние страны, но само ее существование и ее спасение. Ясно, что военные операции будут вестись против наших братьев по религии, против детей одного и того же отечества; да, именно в этот момент турецкие авиоланы начали бомбить очаги такж. кз "турок"; но увн, нет другого средства, что-бы спасти турецкое отечество в целом"⁵⁹.

Но не все газеты предлагали лишь расправиться с повстанческим движением. Некоторые из них пытались объяснить причины его, а также предлагали административные и социальные меры, которые устранили бы причины недовольства курдского населения страны. Например, газета "Стамбул" писала: "Наша молодая республика должна усилить свою реформаторскую пропаганду везде и в особенности в отдаленных провинциях страны. Лучшее средство для достижения этой цели - ввести хорошую администрацию и справедливость, сохранять порядок и безопасность и, наконец, улучшить экономическое положение. Не нужно забывать, что ненависть - плохой советчик"⁶⁰.

Не поддерживали официальную версию о причинах восстания и некоторые депутаты меджлиса, которые на его заседании подчеркивали политический характер курдского движения. Так, на заседании ВНСТ депутат Эюб Сабри-ходжа (вилайет Конья) заявил, что мусульмане вовсе не фанатичны и что религия и политика разные вещи. А депутат дerviш Ильяс Сами-эфенди (вилайет Мосул) подчеркнул, что восстание вызвано чисто политическими соображениями и что оно религиозно лишь по форме. Примерно в том же духе выступил депутат Хаджи Ильяс-эфенди (вилайет Муш). По его мнению, хотя это движение возникло во имя религии, оно в то же время имеет политический характер и потому следует ему придавать такое значение, которое оно заслуживает"⁶¹.

После обсуждения положения на востоке страны министр юстиции Махмуд Эсат-бей прочел проект закона, раз-

работанного кабинетом Фетхи-бея, следующего содержания:

1) Считается преступлением против отечества любое действие, которое стремится письменно или устно эксплуатировать в политических целях религиозные чувства народа;

2) Все те, кто использует религию в качестве орудия (письменно или устно), создает религиозные общества, а также публикует статьи или каким-либо другим способом использует религию в политических целях, рассматриваются как совершившие государственную измену.

Подавляющее большинство депутатов НРП высказалось за одобрение этого законопроекта. Против этого выступил депутат Али Шуури (Кареси), который предложил дать слово депутатам от восточных вилайетов. Однако большинство депутатов не поддержало это предложение. В итоге проект закона был одобрен голосами депутатов НРП⁶². НРП официально сообщила, что она в целом одобряет меры правительства по подавлению повстанческого движения в Гендже и решила поддерживать их всеми способами⁶³.

25 февраля ВНСТ приняло новую формулировку ст. I-й закона об измене родине от 15 апреля 1923 г. (закон № 556). Отныне эта статья запрещала создание политических организаций на религиозной основе, а также использование религии для осуществления политических целей. Лица, создающие подобные организации или вступившие в них, считались изменниками.⁶⁴

Касаясь обстановки в ВНСТ во время обсуждения проекта закона № 556, журналист Неджмеддин Садык писал, что после объяснения Фетхи-бея меджлис являл зрелище единения и согласия. Собрание, единодушно проголосовавшее за новую редакцию статей об измене родине, доказало, что перед лицом наступления реакции все конфликты исчезают сами собой. Декларация Кязыма Карабекир-паши (лидера "прогрессистов", которых называют оппозиционерами), — продолжал журналист, — хотя и были встречены аплодисментами, но вряд ли могут дать надежду внутренним и внешним врагам Турции. В этом случае благородство и патриотизм, высказанные новой партией достойны всяческой похвалы⁶⁵.

Другой журналист Субхи Нури, касаясь позиции двух

партий (НРП и ПРП) по вопросу об оценке курдского восстания, писал, что выступления Фетхи-бей в меджлисе с отчетом о событиях в Гендже и не менее решительная отповедь повстанцам со стороны Кязыма Карабекира, очевидно показали, что нет разницы в программах прогрессивной и народной партий. Соперничество выражается лишь в тактике, а также в борьбе между сильными личностями⁶⁶.

Тем не менее после принятия закона № 556 Фетхи-бей начал переговоры с лидерами ПРП, советуя им ликвидировать свою партию. Это было вызвано резкой критикой, развернутой крайними националистами против членов ПРП, которые якобы подстрекали к восстанию. Между тем эта партия даже не имела своих организаций в районах, охваченных восстанием. Партия не имела никакой политической и организационной связи с организаторами восстания. Однако сторонники ликвидации ПРП аргументировали статью ее программы, в которой говорилось, что партия "уважает религию - (ст.6)"⁶⁷. Между тем, согласно второй статье конституции 1924 г., государственной религией Турции является ислам⁶⁸, т.е. Турция мусульманское государство. Следовательно, включение статьи об уважении к религии в программу ПРП не противоречило конституции 1924 г. Несмотря на это, не прошло и двух недель после начала восстания, премьер-министр Фетхи-бей пригласил к себе председателя ПРП Кязыма Карабекир-пашу, генерального секретаря Али Фуад-пашу и Рауф-бей и заявил им следующее: "Мне поручено заявить вам, чтобы вы распустили вашу партию. В противном случае будущее мне представляется очень мрачным. Будет пролита кровь". Затем он добавил: "Очень сожалею, что мне приходится говорить с вами по этому поводу. Как вы знаете, я - против всяких чрезвычайных мер". Говоря об этом, Фетхи-бей подчеркнул непрочность своего положения: "Боюсь, что останусь в меньшинстве"⁶⁹.

Таким образом, вопрос о запрещении ПРП практически был решен, хотя программа ее не только не противоречила конституции, но и в некоторых отношениях была либеральнее, чем программные положения НРП. Но дело было в том, что М.Кемаль и его крайне националистическое

окружение стояли за однопартийную диктатуру турецкой буржуазии.

Переговоры ни к чему не привели, так как "прогрессисты" отказались ликвидировать свою партию. Председатель Кязым Карабекир-паша заявил Фетхи-бей, что хотя партию создали они, ее может распустить лишь съезд партии. Далее Кязым Карабекир заявил, что Прогрессивно-республиканская партия поддерживает все усилия правительства по подавлению восстания⁷⁰. Однако эти доводы, как мы увидим ниже, не имели успеха.

Как мы уже отмечали, в рядах турецких правящих кругов не было единства по вопросу внутренней политики и, в частности, подавления курдского восстания. Наблюдалось различие во взглядах как между НРП и ПРП, так и в самой Народно-республиканской партии. В этой партии наблюдались три группы: умеренная, крайне националистическая и "левая". Умеренную возглавлял Фетхи-бей, крайне националистическую — Исмет-паша, которого поддерживал М.Кемаль, и "левую" (радикальную) — Махмуд Эсат. Крайние националисты, которых было большинство в руководстве НРП, ждали случая, чтобы устранить от управления страной умеренную группу, а также расправиться с "прогрессистами".

В этом отношении восстание шейха Саида явилось достаточно удобным моментом. Фетхи-бей был прежде всего обвинен в том, что он его прозевал. Ему инкриминировали недооценку размеров движения и опасности, которую оно сулило, нерешительность в выборе мер по его подавлению. Уже в самом начале событий наблюдалось характерное явление: часть членов НРП не только не прибегла к замалчиванию, преуменьшению размеров восстания, но, наоборот, как будто явно их раздувала. Несколько неожиданной казалась и позиция, занятая с самого начала Прогрессивно-республиканской партией. Если раньше она использовала любое затруднение правительства для его критики, то теперь "прогрессисты" сразу взяли тон безоговорочной поддержки правительства и не только не проявляли сочувствия к восстанию, но и продемонстрировали свою готовность активно содействовать его подавлению. Лидеры ПРП одобрили меры, предло-

ленные кабинетом Фетхи-бея и выступили в ВНСТ и в печати в декларации, осуждающей восстание и обещающей правительству полную поддержку.

Говоря от имени ПРП, Кязым Карабекир-паша заявил, что он вполне согласен с правительством, считающим изменниками тех, кто использует религию в политических целях. Он заверил, что перед лицом любой опасности, угрожающей изнутри или извне, все турки будут готовы выступить как один человек на защиту страны ⁷¹.

Центральный комитет ПРП разослал своим провинциальным отделениям телеграммы, в которых требовал рассматривать восстание как реакционное, поскольку партия порицает принципы, которые стремится осуществить это восстание ⁷².

Кязым Карабекир обратился к генеральному секретарю своей партии с телеграммой, в которой писал: "Больше нет никакого сомнения: повстанческое движение в Гендже было организовано немногочисленной группой реакционеров с целью покушения на национальное единство и республиканские принципы. Мы отвергаем их усилия, которые могут лишь повредить целостности государства. Мы уже дали инструкции нашим филиалам" ⁷³.

Вся печать ПРП заполняла свои страницы успокоительными сообщениями из района восстания, явно преуменьшая его размеры. Такая тактика ПРП объяснялась не только желанием отмежеваться от курдского движения, но соображениями оборонительного характера. Руководство ее, конечно, знало о намерении сторонников Исмета-паши использовать события на востоке страны, чтобы раз и навсегда покончить с подымавшей голову оппозицией.

Проявленная оппозицией в один из острейших моментов, пережитых правительством, лояльность укрепила у известной части умеренного крыла НРП впечатление о преувеличенности и необоснованности подозрений по ее адресу. Однако большинство НРП стало на иную точку зрения. Оно усмотрело в поведении оппозиции лишь маневр, направленный на то, чтобы завоевать себе симпатии в стране.

В свете курдского восстания группировки в НРП проверяли свою тактику и свои позиции и по другим пунктам

расхождения. Сторонники Фетхи-бея, считая, что восстание возглавляют главным образом феодалы, считали, что все случившееся предостерегает от чрезмерного увлечения социальным радикализмом. "Левые" считали, что события развернулись лишь в результате отказа от проведения реформы в восточных вилайетах. Они указывали, что если бы эта реформа была своевременно проведена, то феодалы были бы лишены силы, а курдское население освободилось бы от власти своих старейшин и шейхов.

При обсуждении всех этих вопросов внутри НРП наметилось несколько течений. Течение, возглавлявшееся Фетхи-беем, не только отвергало путь чрезмерных репрессий, но и по-видимому, было даже склонно, если судить по отдельным фактам, проскользнувшим в прессу, поставить вопрос о соглашении и разделе власти с "прогрессистами". Однако большинство НРП (националисты) и "левые" видели единственный выход в беспощадной борьбе, в немедленном проведении чрезвычайных мер.

Тем не менее следует остановиться на доводах умеренного крыла. Оно считало, что нельзя вести одновременно борьбу и в Курдистане и в остальной части страны и что чрезмерные репрессии приведут к консолидации оппозиции, к неизбежным потрясениям в экономической области, угрожающим сорвать все бюджетные предположения правительства и т.д. Не менее серьезными казались доводы внешнеполитического характера. Умеренное крыло указывало, что излишние репрессии создадут за границей преувеличенные впечатления о размерах восстания, посеют недоверие к прочности теперешнего режима и усилят давление со стороны враждебных Турции государств. Однако большинство партии с этими доводами не согласилось. Оно поставило вопрос так: режим в опасности, дальнейшая политика компромиссов неизбежно приведет к падению режима. Более благоприятного момента, чтобы покончить раз и навсегда с тайными и явными врагами режима, не представится.

Эта точка зрения и победила.

С критикой внутренней политики Фетхи-бея 2 марта на заседании фракции Народно-республиканской партии вы-

ступил Реджеп-бей. Его речь длилась около трех часов и имела целью доказать необходимость принятия чрезвычайных мер. В свою очередь, депутаты от восточных вилайетов заявили на заседании партии, что они удовлетворены мерами, принятыми кабинетом Фетхи-бея. Тогда депутат Кымыч Али предложил заслушать Кемаль-пашу. В своей речи Кемаль высказался за принятие более решительных мер. В результате было принято предложение о принятии более решительных мер по подавлению восстания и созданию судов независимости⁷⁴.

В конце заседания НРП Фетхи-бей поставил вопрос о доверии. Резолюция о доверии кабинету Фетхи-бея была отклонена большинством голосов, и правительство Фетхи-бея подало в отставку.

2 марта 1925 г. М.Кемаль поручил Исмет-паше сформировать новое правительство.

Новый кабинет был сформирован Исмет-пашой 3 марта 1925 г.⁷⁵ За доверие правительству голосовало 155 депутатов, против — 23 (оппозиция), двое воздержались.

Несмотря на то, что восстание было вызвано главным образом социально-экономическими и политическими причинами, правительство Исмет-паши намеревалось "решить" курдскую проблему лишь военными и полицейско-административными мерами. Как мы увидим ниже, новое правительство не приняло ни одного постановления, которое могло бы содействовать решению курдской проблемы мирным путем.

Выступая с программной речью в ВНСТ, Исмет-паша заявил: "Прежде всего во внутренней политике мы попытаемся ликвидировать последние события и предохранить страну от интриг, обеспечить общественное спокойствие и укрепить во всех отношениях авторитет государства благодаря тем специальным действенным мерам, которые мы считаем полезными принять"⁷⁶. Рассмотрев программу нового кабинета, газета "Хакимети Милли" отмечала, что разногласия, повлекшие отставку правительства, носят не принципиальный, а тактический характер. Исмет-паша заявил, — как подчеркивала газета, — что будет продолжать внешнюю и внутреннюю политику своего предшественника, с некоторыми лишь тактическими изменениями⁷⁷.

В соответствии с этой программой новое правительство разработало мероприятия по подавлению восстания шейха Саида. Оно срочно подготовило законопроект об охране порядка и внесло его на рассмотрение ВНСТ. Этот законопроект вызвал возражения оппозиции, указывавшей, что предлагаемые меры противоречат конституции и что существующих законов вполне достаточно, чтобы обеспечить порядок в стране ⁷⁸. Однако большинство депутатов высказалось за законопроект. Министр национальной обороны Реджеп-бей отметил, что правительство считает необходимым "уничтожить все гнезда ядовитых гадюк, где бы и в каком бы углу страны они ни находились" ⁷⁹.

После продолжительной и острой дискуссии между крайними националистами и либеральной оппозицией 4 марта ВНСТ приняло закон № 578 об охране порядка, который предоставлял властям исключительные полномочия в борьбе с народными выступлениями, с любой оппозиционной деятельностью. Новый закон предоставлял правительству фактически диктаторские права. Он давал возможность развернуть всю сумму карательных мер, обычно предусматриваемых постановлениями об осадном положении. Добившись принятия этого драконовского закона, Исмет-паша внес на рассмотрение ВНСТ предложение о создании "судов независимости", смертные приговоры которых не нуждались бы в санкции меджлиса. ⁸⁰

Против создания судов независимости опять выступил депутат Феридун Фикри (Дерсим). Повторив свои прежние доводы против чрезвычайных мер, он указывал, в частности, что это предложение противоречит статье 6-й конституции, а потому его нужно отвергнуть.

Тем не менее, несмотря на оппозицию депутатов - "прогрессистов", ВНСТ приняло решение создать два суда независимости: один для всей Турции с постоянным местопребыванием в Анкаре с ограниченными правами (вынесенные им смертные приговоры нуждались в санкции ВНСТ), другой - в восточных вилайетах с неограниченными правами.

На заседании ВНСТ 7 марта состоялись выборы судов независимости. Члены ПРП отказались принять участие в этих выборах. Подавляющее же большинство депутатов при-

няли участие в этих выборах.

Излагая содержание новых законов, некоторые турецкие газеты были вынуждены признать, что они дают Исмет-паше такие права, которых анкарское правительство не имело даже во времена борьбы за независимость. "Если изучить отдельные положения закона об охране порядка, — писала "Вахыт", — то можно увидеть, что эти права почти не ограничены"⁸¹.

Принятие этих законов, по существу, привело к ликвидации всякой оппозиционной деятельности, а также к длительной однопартийной диктатуре кемалистов.

Министр внутренних дел Джемиль-бей сообщил о содержании закона об охране порядка губернаторам всех вилайетов страны. В то же время в одном из своих выступлений он сказал: "Мы не намереваемся установить цензуру на газеты. Однако мы призовем к ответственности лиц, действия которых вызывают недовольство в стране"⁸².

Впрочем министр не сдержал своего слова: турецкое правительство сразу же постановило закрыть почти все оппозиционные органы печати. В Стамбуле были запрещены клерикальные "Тевхидиафьяр" (газета), "Себильюррепат" (журнал), иттихадистские газеты "Истикляль" и "Сон телеграф", в Трабзоне — прогрессистская газета "Истикбаль", в Адане — газета "Сейхан".

Вместе с тем были закрыты и левые органы печати: "Айдынлык" и "Орак ве чекич"⁸³.

7 марта в стране было опубликовано решение правительства о частичной мобилизации. На следующий день Мустафа Кемаль обратился с воззванием к населению, армии и чиновникам, в котором он подчеркивал, что повстанцы, под видом защиты религии, преследуют контрреволюционные цели. В воззвании указывалось, что меджлис и правительство принимают соответствующие меры. Население, армия, административные органы, полиция и жандармерия должны проникнуться сознанием долга и прийти на помощь правительству, выполняя его приказы и распоряжения, направленные на ликвидацию восстания⁸⁴.

Комментируя это воззвание М.Кемаля, газета "Вахыт"

подчеркнула, что главной его целью было укрепление престижа власти. Задолго до восстания во многих районах страны отмечались выпады против представителей власти. Умаление престижа полиции и жандармерии наблюдалось не в одном только Стамбуле. Курдское восстание было каплей, переполнившей чашу терпения ⁸⁵.

12 марта 1925 г. суд независимости Анкары опубликовал обращение к населению, в котором угрожал, что "будет жестоко карать всех тех, кто натравливает общественное мнение против существующего строя и воодушевляет повстанцев, кто уклоняется от выполнения воинской службы и побуждает других дезертировать, помогая таким образом повстанцам" ⁸⁶.

Воззвание президента и суда независимости Анкары во многих районах, и в особенности в восточных вилайетах, были встречены населением враждебно. Когда в районе Артина была объявлена частичная мобилизация запасных для отправки на курдский фронт, местные руководители начали энергичную агитацию против нее среди населения, призывая не являться на призывные пункты и вообще не подчиняться приказам "незаконной власти". Вначале эта агитация имела некоторый успех: многие из запасных в первые дни мобилизации не явились на назначенные призывные пункты, но в результате принятых правительством административных мер мобилизация была все же проведена. Власти арестовали около 40 местных курдских вождей - активных участников антиправительственной агитации ⁸⁷.

Спустя несколько дней Народно-республиканская партия одобрила предложение правительства, чтобы смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами в районе восстания, приводились в исполнение после утверждения их командующим армией, или командирами дивизий, действующих в этом районе ⁸⁸. Рассмотрение этого вопроса в ВНСТ вызвало сильное возражение со стороны оппозиции.

Депутат Абиддин-бей (от Сарухана, т.е. Манисы) выразил удивление, что через месяц после введения осадного положения правительство снова вносит в меджлис предложение о чрезвычайных мерах, противоречащее конституции.

В этом же духе выступил депутат Феридун Фикри-бей (Дерсим): "По конституции, — говорил он, — мэджлис обладает неотчуждаемыми суверенными правами, в число которых входит объявление войны, ратификация договоров и утверждение смертных приговоров. Эти права никак нельзя передавать другой власти, не нарушая Основного закона". Эту точку зрения поддержал и Кязым Карабекир-паша⁸⁹.

Однако проект закона № 695, предложенный правительством, 31 марта был принят ВНСТ без изменений.

К концу марта правительственные войска были готовы начать наступление на район восстания одновременно с севера, юга и юго-востока. Командовал войсками молодой турецкий генерал Кемалетдин Сами-паша⁹⁰.

По заявлению Кемалетдина Сами-паши, перед правительством в курдском вопросе стояли три основные задачи:

1) кровавое и беспощадное подавление восстания. С этой целью было намечено начать общее наступление в первых числах апреля 1925 г., в котором должны были принять участие части 7, 8, 9 армейских корпусов, а также по одной дивизии из 3 и 5 корпусов;

2) разоружение всех курдов, независимо от их участия в восстании;

3) расселение курдов по разным районам страны, чтобы они не составляли нигде большинства населения и переселение в курдские районы турок.⁹¹

Как мы увидим ниже, в целом турецкое правительство в своей политике по отношению к курдам придерживалось этих трех пунктов.

Особые услуги турецким властям при подавлении курдского восстания оказали французские империалисты, пропустившие турецкие войска численностью в 105 тыс. человек через Сирию для удара в тыл повстанцам⁹². Этот шаг французских колонизаторов по существу означал удар в спину курдским повстанцам.

Во второй половине марта 1925 г. турецкое командование обратилось к населению вилайетов Эрзурума, Эрзинджана, Дерсима, Элязиза, Малатья, Урфы, Вана, Смирта, Муша и Генджа с воззванием, в котором говорилось :

"Наша карательная армия закончила приготовления... Мощные удары будут нанесены тем, кто восстал против республиканского правительства. Необходимо, чтобы невинное население, которое докажет действиями свою верность республике... не подверглось этим ударам... чтобы те, кто действительно враждебно относится к повстанцам, немедленно обратились к гражданским и военным властям республики с заявлением о готовности добровольно служить им"⁹³.

В начале апреля командование карательной армии опубликовало заявление, в котором обещало за поимку шейха Саида вознаграждение в размере 1000 золотых лир (8000 бумажных лир), а за доставку его мертвым 700 золотых лир⁹⁴. Если лица, доставившие Саида живым или мертвым, будут принадлежать к его сподвижникам, то они не только не будут наказаны, а, напротив, получают вознаграждение⁹⁵.

Таким образом, турецкие власти пытались использовать все меры от жестоких репрессий до подкупа, чтобы обезглавить восстание и тем самым облегчить себе подавление курдского освободительного движения.

Несмотря на численное и техническое превосходство правительственных войск, курды продолжали сражаться. В этих условиях турецкое командование обратилось к курдам с новым воззванием, призывая сдать оружие и искупить вину выдачей вождей. В противном случае они грозили строгими карами⁹⁶.

С подобной же угрозой выступил суд независимости в Диярбакире. К середине апреля 1925 г. он опубликовал воззвание к населению, в котором сообщал, что его полномочия распространяются на вилайеты Эргани, Элязиз, Диярбакир, Урфа, Битлис, Хаккяри, Дерсим, Сиверек, Сиерт, Мардин, Малатья, Муш, Гендж, Ван и уезды Хиньис и Киги Эрзурумского вилайета и что он наделен правом применять суровые законы республики. Любые действия против безопасности республики и спокойствия турецкой нации, - говорилось в воззвании, - будут рассматриваться как величайшее преступление - измена родине⁹⁷.

Наряду с военными мерами, турецкие правящие круги принимали все более суровые карательные меры в отношении

участников восстания, а также любой оппозиционной деятельности. 20 апреля 1925 г. ВНСТ решило продлить осадное положение, объявленное в районах восстания и в соседних вилайетах еще на семь месяцев. Оно предоставило также правительству право внести изменения в административное устройство этих районов. ВНСТ продлило также на шесть месяцев деятельность Анкарского и Диярбакырского судов независимости и предоставило суду независимости Анкары право приводить в исполнение вынесенные им смертные приговоры без санкции меджлиса ⁹⁸.

22 апреля 1925 г. ВНСТ приняло закон № 635 об изменениях в уголовном кодексе страны, предусматривавших смертную казнь за целый ряд антигосударственных действий. За другие, менее серьезные преступления, наказание повышалось до долгосрочной и даже пожизненной каторги. Кроме того, были значительно усилены наказания за нарушение постановлений о печати.

Характерно, что эти законы были приняты после того, как восстание по существу было подавлено.

В середине апреля главные силы повстанцев были окружены и разбиты в Генджской котловине. Шейх Саид и другие руководители восстания, преданные Джибранлы Касымом, были захвачены при попытке бежать в Иран. Кроме шейха Саида были арестованы шейх Абдуллах, шейх Али, шейх Галиб, Решит-ага, Мехмет-ага, Тимур-ага и еще 26 курдских повстанцев ⁹⁹.

15 апреля правительственные войска заняли Гендж. В тот же день было опубликовано официальное сообщение о том, что шейх Саид и другие курдские вожди схвачены на мосту Чарпук, южнее Варто, при попытке к бегству на восток.

Оставшиеся без руководства отдельные группы повстанцев отошли за хребет Шерефутдиндаг (45 км к северо-западу от Мута). Здесь они были окружены и разгромлены.

К 10 мая 1925 г. и все другие руководители были схвачены и отправлены из Варто в Чапакчур, а оттуда в Диярбакыр. Тем самым курдское восстание во всех 4 районах было подавлено. 31 мая 1925 г. М.Кемаль обратился

к населению с воззванием, в котором указывал, что правительство приступило к демобилизации войск, посланных для подавления курдского восстания. Президент заявил, что суды независимости и дальше будут действовать. В заключение он подчеркнул, что репрессии должны напомнить, какое суровое наказание ожидает тех, кто думает свергнуть республику и помешать национальному прогрессу ¹⁰⁰.

Поражение восстания шейха Саида можно объяснить некоторыми внутренними и внешними причинами. Одной из главных причин его было военное и численное превосходство правительственных войск. В ходе восстания турецкие правящие круги провели частичную мобилизацию пяти армейских корпусов, в армию были призваны пять младших возрастов запаса армии. Военские части были стянуты со всей Восточной и Центральной Турции с тем, чтобы окружить районы восстания и покончить с ним одновременным ударом. В подавлении восстания участвовали 2,3,8,12 и 17-я пехотные и I и I4-я кавалерийские дивизии; 3 - 4 пограничных батальона жандармерии; части 7-го армейского корпуса, 7 и 41-я пехотные дивизии из Аданы, Малатьи и Нигды. Части 9-го армейского корпуса действовали со стороны Диярбахра. Кроме того, в операциях участвовала и авиация - 12 самолетов ¹⁰¹. По данным участника курдского движения Исмаила Хакки, против 40 тыс. курдских воинов действовало около 200 тыс. турок. Армянские зарубежные источники считают, что турецкая карательная армия насчитывала 120 тыс. человек ¹⁰².

По официальному признанию М.Кемаля, турецкое правительство для подавления восстания было вынуждено держать в боевой готовности 8-9 дивизий регулярных войск ¹⁰³.

Другой причиной поражения восстания было отсутствие единства среди вождей курдских племен. Многие из них не поддержали шейха Саида. Во время восстания руководители некоторых племен Муша, Сирты, Сиверека и других районов посылали депутатам ВНСТ телеграммы, в которых они осуждали действия шейха Саида и заявляли о верности

правительству¹⁰⁴.

Не поддержали шейха Саида и племена Дерсима. Такую позицию дерсимских курдов можно объяснить во-многом тем, что шейх Саид поднял освободительное восстание под религиозным лозунгом, что оттолкнуло многие племена, хотя они были готовы сражаться за автономию или независимость Курдистана.

Касаясь позиции дерсимцев в восстании 1925 г., губернатор Элязиза в своем интервью корреспондентам газет заявил: "если бы население Дерсима приняло участие в движении, то зона восстания была бы более обширной. Дерсим примкнул бы к восстанию, если бы Саид сделал главным его лозунгом завоевание курдской независимости"¹⁰⁵.

Однако губернатор несколько извратил факты: шейх Саид выдвигал лозунг не "восстановления халифата", а лишь "уважения к религии". Попытку приписать ему требование "восстановление халифата" предприняли турецкие правящие круги. Мы не обнаружили ни одного документа, подтверждающего эту официальную версию.

Хотя курдские племена, участвовавшие в восстании, выступали за удовлетворение национальных прав, между ними, как правило, не было единства, отдельные племена враждовали друг с другом. Это обстоятельство не давало им возможности выдвинуть и защищать общенациональные задачи.

Третьей причиной поражения восстания было отсутствие единой и сильной политической организации, имевшей четкую программу действий. Хотя Комитет независимости Курдистана (затем Центральный комитет Курдистана) сыграл большую роль в подготовке восстания, он все же не смог стать подлинным руководителем его. Это было вызвано не только условиями полуфеодалного Курдистана, но и рядом других причин. Арест полковника Джибраили Халит-бея и других видных деятелей из числа курдской интеллигенции лишил курдское движение политически зрелого руководства. Практически курдское движение осталось без политических организаторов. Это привело к преждевременному выступлению курдов, во главе которых волей обстоятельств встал

шейх Саид. Ни его патриотизм, ни большое его влияние на курдское население, ни героизм повстанцев не стали решающими для успеха восстания. Не менее важной причиной было и то, что восстание не получило никакой внешней поддержки. В результате этих и некоторых других причин курдское освободительное восстание было подавлено турецким правительством. Более того, ему удалось убедить общественное мнение в том, что движение курдов — не что иное, как восстание реакционного шейха, стремящегося восстановить шариат и султанат под покровительством Англии. Тем самым общественное мнение было введено в заблуждение и не оказало восстанию необходимой поддержки.

Суд над курдскими руководителями.

Зная о существовании тайных курдских организаций, кемалисты приняли меры с целью обезглавить их. Так, в частности, они спровоцировали так называемые переговоры об организации курдского восстания между руководителем Общества возрождения Курдистана Сеитом Абдулькадыром и агентом турецкой полиции, выдававшим себя за сотрудника английского министерства иностранных дел. Как сообщала в своем докладе анкарским властям стамбульская полиция, когда Ходжа Аскери, приговоренный к смерти в результате восстания в Силифке (вилайет Ичель), находился в Анкарской тюрьме, министр внутренних дел 11 сентября 1924 г. предложил полиции тщательно следить за неким Кёр Абдуллою Саади (из Палу)¹⁰⁶, проживавшим в Стамбуле: было установлено, что он переписывался с Ходжой Аскери. Руководство полиции дало одному своему агенту задание вступить в контакт с Саади, выдав себя за оппозиционера.

В результате Саади якобы сам проговорился, что его поддерживают шейх Саид, Сеит Абдулькадыр и другие курдские вожди, что цель их состоит в организации широкого повстанческого движения в районах Дерсимма, Битлиса и Палу. Выяснилось также, что, готовя этот план, курдские руководители в Стамбуле мечтали заручиться моральной и материальной поддержкой Англии. Поэтому Саади, вполне доверяя

полицейскому агенту-провокатору, попросил его стать посредником между английским посольством в Стамбуле и курдскими руководителями. 30 сентября 1924 г. стамбульская полиция сообщила обо всем этом министру внутренних дел. Тот предложил не терять Саади из виду и стараться захватить его на месте преступления¹⁰⁷. Провокатор познакомил Саади с другим агентом Низаметтином, представив его как сотрудника Восточного управления британского министерства иностранных дел Тэмпли. Саади подробно рассказал этому агенту о том, что делается на востоке страны по организации всеобщего курдского восстания и сообщил ему, что оно намечено на весну 1926 г.¹⁰⁸

Саади потребовал, чтобы Англия передала курдским вождям необходимое оружие, снаряжение и золото. Кроме того, Англия должна была после победы восстания гарантировать независимость Курдистана.

В соответствии с инструкциями турецкого министра внутренних дел состоялась вторая беседа агента с Саади, в которой последний заявил, что Курдский комитет имеет 135 отделений, готовых начать действовать по первому знаку. Чиновники полиции, укрывшись в том же помещении, где велись переговоры, записали эту беседу и 11 декабря 1924 г. отослали ее министру внутренних дел. В своем "ответе" от 2 февраля 1925 г. министр указывал, что момент еще не настал для окончательного "решения" курдского вопроса.

Когда началось восстание, Саади обратился к "Тэмпли", требуя вмешательства англичан для предотвращения провала восстания. 7 апреля состоялась новая встреча с Саади, которому "Тэмпли" пообещал, что окончательное решение вопроса о договоре Англии с курдами состоится через неделю¹⁰⁹ и что Сеиту Абдулькадыру при ближайшем свидании будет передан чек на 80 млн. лир. Агент предложил подготовить проект соглашения между независимым Курдистаном и Великобританией, который должны будут подписать от имени Великобритании - Тэмпли, а от независимого Курдистана - Сеит Абдулькадыр.

Проект из 9 статей был подготовлен в доме сотрудника стамбульской полиции Нихат-бея на двух языках (английском и турецком) на официальном бланке, выкраденном

турецкими агентами из английского генерального консульства в Стамбуле.

Согласно этому проекту предлагалось по мере развития восстания на востоке страны начать антиправительственное выступление в Стамбуле, вооруженным курдам занять правительственные учреждения, штаб армейского корпуса, полицейское управление и оказать помощь другим повстанческим группам. Антиправительственные выступления должны были охватить Бурсу, Измир и Конью. Для этого англичане согласны были выделить Сеиту Абдулькадыру значительное количество военного снаряжения и золота¹¹⁰.

13 апреля, в день подписания соглашения, Кер Саади заявил тайным агентам полиции, выдававшим себя за англичан, что Сеит Абдулькадыр желает удостовериться в личности Тэмпли и потому решил через своего соседа по даче англичанина Тиккера запросить английское посольство, чтобы оно подтвердило полномочия Тэмпли. И действительно, утром 12 апреля сын сеита Абдулькадыра Сеит Мехмет направился к Тиккеру и пробыл у него полчаса. После этого он вернулся к отцу и поспешно отправился в город, где посетил Саади. Поскольку в дело вмешался настоящий англичанин, полиции грозил провал. Поэтому министр внутренних дел приказал 13 апреля арестовать всех курдских руководителей¹¹¹.

При встрече с мнимыми представителями Восточного управления министерства иностранных дел Великобритании Сеит Абдулькадыр отказался принять чек на сумму в 80 тысяч фунтов, а также подписать так называемое соглашение, подготовленное агентами турецкой полиции. Однако это уже ничего не меняло — судьба курдских руководителей в Стамбуле была решена кемалистами: в тот же день были арестованы Сеит Абдулькадыр, его сын Сеит Мехмед, Нафиз (из Сулейманье), Кер Абдулла Саади, а также вожди племени хошанан, проживавшие у Сеита Абдулькадыра в Суадые.

Кроме того, начальник стамбульской полиции Экрем-бей принял меры против возможного выступления курдов, численность которых в Стамбуле достигала в то время 10 тыс. человек¹¹².

14 мая в Диярбакире начался судебный процесс над бывшим сенатором Сеитом Абдулькадыром и другими лицами, арестованными по обвинению в деятельности по созданию независимого Курдистана. Прокурор суда независимости Суррейя-бей заявил журналистам: "Бывший сенатор Сеит Абдулькадыр и его приспешники активно работали во имя торжества восстания и независимости Курдистана до самой середины апреля. Активными сообщниками Сеита Абдулькадыра являются его сын Сеит Мехмед, Нафиз (из Сулеймание)... и особенно курд Абдулла Саади"¹¹³.

На скамье подсудимых оказались Сеит Абдулькадыр, его сын Сеит Мехмед, Хаджи Ахта, Кёр Абдулла Саади, Кемаль Февзи (из Битлиса), Ходжа Аскери, Ильяс-эфенди, Нафиз-бей и еще три курда¹¹⁴.

На суде Сеит Абдулькадыр отрицал свою причастность к восстанию шейха Саида. Он даже заявил, что немедленно сообщил бы властям о подготовке восстания, если бы узнал о ней. Действительно Сеит Абдулькадыр не принимал активного участия в восстании шейха Саида, но о подготовке восстания, несомненно, знал, особенно после встречи в Стамбуле с Али Ризой (сыном шейха Саида).

В то же время не совсем достойно вел себя на суде Кёр Саади, который своей недальновидной и авантюристической деятельностью объективно содействовал аресту курдских видных руководителей. Он не только не защищался, но и охотно рассказывал о деятельности курдских руководителей. Они, — показывал он, — много лет работали над созданием независимого Курдистана. Что касается его, то он примкнул к их движению еще до начала мировой войны, за что был сослан в Ташф, принимал участие в создании различных курдских обществ. Кёр Саади в показаниях подчеркивал, что всеми делами по подготовке восстания руководил Сеит Абдулькадыр. "Без ведома Сеита Абдулькадыра, — говорил он, — в Курдистане не шелохнется даже лист"¹¹⁵.

В середине мая 1925 г. диярбакирский суд независимости слушал дело Кемали Февзи. Этот последний показал, что во время перемирия он находился в Стамбуле и одновременно состоял в двух курдских обществах: Обществе воз-

рождения Курдистана и Комитета восточных вилайетов (очевидно Комитет независимости Курдистана). Два месяца он работал секретарем общества, затем стал издавать курдскую газету "Дин". Кемаль Февзи печатал различные прокламации и распространял их среди курдов Турции с помощью вождей племен Ширнака (вилайет Смирт)¹¹⁶.

Кроме Кёр Саади, никто виновным себя не признал.

Тем не менее суд независимости приговорил Сейта Абдулькадыра, его сына Сейта Мехмеда, Хаджи Ахту, Кёр Саади, Кемали Февзи и Ходжу Аскери к смертной казни. Ильяс-эфенди, Нафиз-бей и трое других были освобождены¹¹⁷.

Через четыре дня, т.е. 27 мая 1925 г., по приговору Суда независимости в Диярбакыре были повешены журналист и общественный деятель Кемаль Февзи, адвокат Хаджи Ахта, бывший сенатор Сейт Абдулькадыр, сын его Сейт Мехмед, Кёр Абдулла Саади и Ходжа Аскери. Перед казнью адвокат Хаджи Ахта воскликнул: "Да здравствует курдская идея! Да здравствует Курдистан!"¹¹⁸. Сейт Абдулькадыр выразил надежду, что казнь его послужит усилению деятельности курдов за свое национальное освобождение.

На процессе выяснилось, что в период восстания шейха Самда в Диярбакыре существовала тайная курдская организация, которая оказывала помощь повстанцам и намеревалась сдать город. Однако турецкие власти предупредили выступление курдов, арестовав руководителей этой организации. Видным членом ее был доктор Фуад-бей¹¹⁹.

На допросе Фуад-бея в Диярбакыре были прочитаны его письма в Стамбул бывшему военному министру султанского правительства курду Ферид-паше. В этих письмах он не скрывал своего сочувствия курдскому движению¹²⁰.

В апреле 1925 г. суд независимости приговорил доктора Фуада к смертной казни за деятельность, направленную на создание независимого Курдистана.

Во время судебного процесса Фуад-бей был задан вопрос: "Почему ты требовал предоставления независимости Курдистану, в то время как получил образование в Турции и говоришь по турецки?"

"Потому что я курд, - ответил Фуад-бей, - и я хочу

видеть родину свободной. Пока в Курдистане будут турецкие штыки, курдский вопрос нельзя разрешить".

На это председатель суда Али Саиб сказал: "Вот за то, что ты жертвуешь собой во имя независимости Курдистана и отдаешь на это дело свои знания и идеалы, ты и будешь казнен"¹²¹. Перед казнью доктор Фуад-бей воскликнул: "Я всегда мечтал принести себя в жертву родине; нет сомнения в том, что знамя независимости будет развиваться над землей, где нас повесили"¹²².

В конце мая 1925 г. начался судебный процесс над шейхом Саидом и другими руководителями восстания.

На скамье подсудимых в числе других были шейхи Саид, Абдуллах (из Мелекана), Исмаил (из Джизре), Абдульятиф (из Джизре), а также отставной майор Касым (из Варто), Хаджи Халит, Абдульхамит, Кямил, черкес Решит, отставной майор Исмаил, имам Молла Эмин, шейх Али, Баба-бей, Решит, Тимур, Мехмет, Сплейман, отставной майор Бахри, Эмин, Шевкет, Максут, Хамит, прокурор Малазгирта Абдульмеджит, шейх Шериф, Сплейман (из Чапакчура), Али, Юсуф, Хюсейн, учитель начальной школы Молла Джемиль, Никмет, Ахмет, лейтенант жандармерии Мехмет Михри, чиновник здравоохранения Генджа Ниязи, Хаджи Садык и др.¹²³.

Суд над руководителями восстания продолжался около месяца. 29 июня был вынесен приговор по делу 47 главных участников восстания во главе с шейхом Саидом. Все они были приговорены к повешению. На следующий день приговор суда был приведен в исполнение.

Перед казнью шейх Саид сказал: "Естественная жизнь приходит к концу. Я несколько не жалею, что принял себя в жертву своему народу. Мы довольствуемся тем, что нашим внукам не будет стыдно за нас перед врагами"¹²⁴.

Казнь шейха Саида и его ближайших сподвижников не завершилась расправа над участниками восстания. На протяжении многих месяцев турецкие власти охотились за нежелательными лицами, вылавливали их и предавали Суду независимости, который выносил жестокие приговоры.

Мы уже писали о том, что член İRPİ депутат от Дерсима Хасан Хайри в 1924 году перешел к Сеуту Ризе в

Дерсим. Впоследствии по совету командующего турецкими войсками в Элязизе Нураддин-паша переехал жить в деревню Хусейник (включает Элязиз). В 1925 г., когда повстанцы заняли Элязиз, сотрудничал с ними. Однако, стремясь избежать волнений в Дерсиме турецкие власти не арестовали его. Тем не менее после подавления восстания Хасан Хайри был арестован по личному приказу М.Кемала. Вместе с ним был взят под стражу и его племянник Джелял Мехмет. Во время следствия председатель суда независимости Али Саип обвинил Хасана Хайри в том, что тот приходил на заседания меджлиса в Анкаре в курдской национальной одежде. И хотя Хасан Хайри заявил, что носил национальную одежду по личному указанию Мустафы Кемала, суд все же приговорил к смерти и его самого и его племянника Джеляла Мехмета по существу лишь за то, что они были курдами.

Только перед казнью Хасан Хайри может быть поняв антикурдскую политику кемалистов и воздал дань уважения курдам, отдавшим свою жизнь за освобождение своего народа. Так, перед виселицей он воскликнул: "Да здравствует курдский народ! О, жертвы Курдистана, теперь к вам присоединяется Хасан Хайри!".

В связи с восстанием шейха Саида были арестованы также представители семьи Джемиль-паша (из Диярбакыра), Кадри, Экрем, Мемдух, Мухиттин, Ахмет и многие другие курдские деятели. Часть из них за большую сумму была освобождена "за отсутствием состава преступления". Из названных выше лиц только Экрем Джемиль-паша заде был приговорен к 15-ти годам тюремного заключения.¹²⁵

По данным турецкой печати, к концу сентября 1925г. суд восточных провинций принял к рассмотрению 379 дел, по которым проходили 1855 человек. Из них 1320 было арестовано, а остальные все еще оставались на свободе. К этому времени суд рассмотрел 138 дел, по которым проходили 690 человек. Из них 120 были приговорены к смертной казни, (в том числе 21 заочно), 116 - к различным срокам тюремного заключения, 104 - переданы в другие суды, а остальные оправданы.¹²⁶

Однако по данным М.Н.Дерсиани, только в Харпите

Суд независимости приговорил к смертной казни 400 курдских вношей Палу и Чапакчуре¹²⁷.

Анализ социального состава осужденных и казненных повстанцев показывает, что в подготовке восстания приняли участие курдские офицеры турецкой службы, шейхи, землевладельцы, бывшие члены султанского меджлиса и ВНСГ, торговцы, журналисты, юристы, учителя и другие представители зарождавшейся курдской интеллигенции. Все это опровергает версию о том, что восстанием руководили лишь шейхи и феодалы, которые в результате кемалистских преобразований боялись лишиться своих привилегий.

В период восстания турецкая пресса писала об участии в нем ассирийцев и армян.

Стремясь разжечь национальную рознь между турками, курдами, армянами и ассирийцами командующий турецким армейским корпусом разослал местным губернаторам следующий циркуляр: "Шейх Саид...ставший во главе восстания в районе Генджа...битлисским военным трибуналом осужден за измену. Среди пленных имеются добровольцы-несторяне (ассирийцы.-М.Г.) и армяне. У них найдены документы, подтверждающие сотрудничество Саида с армянами и несторянами с целью создания независимого Курдистана...Пятая по отношению к нам чувства неукротимой мести, армяне без сомнения ожидают лишь случая, чтобы уничтожить все неармянские элементы и прежде всего курдов, которым они сейчас помогают. На наших территориях и на костях нашей мусульманской расы они хотят восстановить новую Армению. Подавление этих мятежников, которые...причиняют нашему отечеству худшее зло, нежели это сделал какой-либо армянин, идет повсюду с успехом". Далее командующий просил "пользоваться каждым случаем, чтобы разъяснять населению эту истину"¹²⁸.

Таким образом, кемалисты в борьбе против курдского восстания использовали и тактику разжигания национальной розни, натравливания турок на национальные меньшинства.

Руководители курдского восстания выступали против обострения национальной розни. Когда шейху Саиду сообщили,

что некоторые его оподвигники притесняют армян, он издал приказ, в котором говорилось: "Кто хоть чуть заденет армянина, будет подвергнут самому суровому наказанию"¹²⁹. По данным армянской зарубежной литературы, после этого приказа никто из курдских воинов не притеснял армян. К тому же времени относится и начало сближения между курдскими и армянскими зарубежными организациями в борьбе против турецкого угнетения.

После подавления восстания и физического уничтожения его руководителей началась жестокая расправа с беззащитным курдским населением. Турецкие войска грабили и сжигали деревни, убивали стариков, женщин и детей.

Картину расправы над курдским населением дает автор биографии Кемали англичанин Армстронг: "Курдистан, — пишет он, — был опустошен огнем и мечом: пытали и казнили мужчин, уводили и убивали женщин и детей, сжигали деревни и опустошали поля. Турки устроили курдскую резню, не уступающую по жестокости расправам над армянами во время султаната. Они избивали не только курдов, но и греков, армян и болгар... По решению судов ("независимости" М.Г.) курдов вешали, ссылали и сажали в тюрьмы с чисто военной быстротой"¹³⁰.

О зверствах и насилиях турецких войск сообщалось в жалобах, направленных Ассирийским обществом в Лигу Наций в августе 1925 г.. В письме от 6 августа 1925 г. говорилось "...Они (курды и ассирийцы-М.Г.) не могут больше выходить из своих сел, их имущество ограблено, стада угнаны, жены изнасилованы на их глазах"¹³¹.

Далее отмечалось, что власти совершенно не считают-ся с решением Лиги Наций о гарантии неприкосновенности национальных меньшинств в Турции.

В письме от 10 августа 1925 г. Ассирийское общество, указав, что оно уже посылаю в Лигу Наций и великим державам жалобы на разрушение жилищ и насилие, производимое турецкой администрацией над мирным населением в Курдистане, сообщало: "Турция грабит, уводит стада, сжигает города и села, вешает руководителей, насилует мирных жителей, выселяет курдов, уцелевших от пожаров и резни".

В письме отмечалось, что жителей Дерсимы и других районов турецкие власти стали направлять на юг - в Киликию и на север - в Самсун и Синоп. По приказу из Анкары они преднамеренно разъединяли мужчин и женщин и ссылали их в различные районы. Большинство мужчин было расстреляно в пути, а женщины были изнасилованы и проданы на рынках городов и сел Анатолии, если они не успели умереть от зверств и насилий¹³².

В 1925-1926 гг. было разрушено 206 деревень, сожжено 8758 домов, убито свыше 150 тыс. мирных жителей - женщины, детей и стариков¹³³.

Осталась безучастной к судьбе курдского народа в Турции такая международная организация, как Лига Наций, которая не ответила на многочисленные обращения и протесты против бесчинств турецких властей.

Жестокое подавление восстания 1925 года, казнь многих его руководителей вызвали возмущение в соседних странах. 26 июня 1925 г. в Багдаде состоялся большой митинг протеста против жестокостей турецких властей по отношению к курдам. Участники митинга послали телеграммы в Лигу Наций и правительствам великих держав с просьбой оказать помощь турецким курдам¹³⁴. С протестом выступили также курды Сулеймании, Киркука, Эрбиля и других городов иракского Курдистана.

Несмотря на полученные Советом Лиги Наций многочисленные протесты, Лига Наций приняла в июле 1925 г. решение не рассматривать жалобы на мероприятия турецкого правительства против курдских повстанцев в турецком Курдистане.

Характер восстания

Восстание шейха Саида по своим масштабам и организованности не имело себе равных во всей истории курдского народа. Оно готовилось под лозунгом создания независимого Курдистана.

Вопрос о причинах и характере этого восстания вызвал много противоречивых суждений в турецкой и западноевропейской прессе. Эти суждения были сделаны не в ре-

зультате научных исследований, а отражали лишь взгляды пристрастных политиков, которые расценивали курдское восстание главным образом с точки зрения интересов своих стран, своих классовых групп и прослоек.

В целом турецкая печать того времени высказала несколько точек зрения на причины и характер восстания. Одна из них сводилась к тому, чтобы представить восстание как простое разбойничье выступление диких племен. "Восстание должно вдохновляться идеей, иметь смысл. опираться на принцип, - писала газета "Танин". - Но какие идеи, какие принципы можно представить у этих полудиких орд... Если бы идея могла проникнуть в их мозг, разве они пошли бы на подобные действия... В этих простых и примитивных мозгах, которых мрак невежества и фанатизма лишил всякой логики, царствует единственная концепция - грабеж, разбой"¹³⁵.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что основная причина восстания состояла в религиозном фанатизме курдов. "Несколько политических изменников, - говорится в турецкой энциклопедии, - агенты иностранцев... разжигая фанатизм... подняли восстание"¹³⁶.

Сторонники этой точки зрения утверждали, что отсталое крестьянство, возглавляемое шейхом, борется с республиканским турецким правительством за восстановление шариата и халифата. В подтверждение этой мысли приводился довод, что во главе восстания стоят шейх и его сторонники. Более того, распространялись слухи, что в восстании принимают участие представители свергнутой династии турецких султанов. Эта точка зрения также не выдерживала критики. Прежде всего, как мы увидели выше, восстание было подготовлено не шейхами, а главным образом Комитетом независимости Курдистана (а позже Центральным комитетом Курдистана), во главе которого стояли также видные деятели курдской интеллигенции, как полковник турецкой армии Джибравли Халит-бей, Кемаль Фавзи, доктор Фуад и др. Кроме того, лозунг борьбы за восстановление шариата играл второстепенную роль по сравнению с главным лозунгом независимости Курдистана. Вообще курдам не был свойствен

религиозный фанатизм. Многие курдские племена лишь формально исповедовали религию ислама, именно среди курдов существовали многочисленные мусульманские секты; в повстанческом движении принимали участие курдские племена, принадлежавшие к ряду сект. Эти секты, в мировоззрении которых переплелись различные элементы христианства и язычества, часто враждовали между собой. Выдвигая лозунги уважения к исламу, курдские деятели стремились использовать влияние шейхов, а также заручиться поддержкой мусульманского населения страны, в том числе и турок, и лозунг "освобождение религии" от кемалистов повстанцы выдвигали как тактический шаг в борьбе за национальную независимость. Еще менее убедительны утверждения о реакционности восстания шейха Саида турецкой официальной прессы, всеми силами стремившейся дискредитировать курдское национальное движение. При помощи таких приемов кемалисты всячески старались не допускать роста симпатий общественного мнения своей страны и вне ее к курдскому движению, приклеивая к нему различного рода ярлыки - реакционность, дикость нравов, религиозный фанатизм.

И, наконец, третья точка зрения сводилась к тому, что восстание вызвано интригами иностранцев и, в частности, англичан. К подобному утверждению следует относиться с большими оговорками. В этой связи представляет интерес опубликованное турецкой печатью 26 февраля 1925 г. интервью депутата ВНСТ от Эрзурума, члена РПП Рюшту-паша. Говоря о восстании шейха Саида, Рюшту-паша заявил: "...Что касается версии об иностранном вмешательстве, то я ее считаю ничем не обоснованной, потому что Гендж и Муш находятся слишком далеко от границы. Если бы повстанцы рассчитывали на поддержку извне, они должны были бы действовать в приграничных районах, и соединиться с племенами этих районов, где отсутствует турецкая администрация"¹³⁷.

О причинах восстания в известной степени свидетельствуют данные, приведенные корреспондентом газеты "Вахит" Нахид Хакки с заседания Суда независимости в Диярбакыре. В своей обвинительной речи на этом процессе

прокурор сказал: "Причины и истоки последней революции, происходившей в восточных вилаятах нашей родины - вечно Турция, ничем не отличаются от причин, вызвавших в недалеком прошлом восстание в Боснии и Герцеговине. Идеалы и цели, породившие курдскую революцию, это те же идеалы и цели, которые привели к выступлениям в Сирии и Палестине".

Председатель Суда независимости, обращаясь к подсудимым после вынесения им смертных и каторжных приговоров, сказал: "Одни из вас ссылались на административные злоупотребления правительства как на предлог для восстания, другие говорили о защите халифата, но все вы были едины в одном вопросе: вы хотели создать независимый Курдистан"¹³⁸.

Таким образом, сами представители турецкой власти были вынуждены приоткрыть правду об истинных причинах курдского восстания.

Тем не менее, можно ли назвать восстание шейха Саида всенародным национальным курдским восстанием (как его называют курдские националисты)? Если рассматривать его с точки зрения всего Курдистана, то ответ напрашивается отрицательный, поскольку оно не было поддержано курдами вне Турции. Например, такие видные курдские деятели, как Исмаил Ага Симко, шейх Махмуд и др. Восстание не поддержали также и некоторые племена турецкого Курдистана, в частности долан, хормек, дерсимские курды и некоторые другие. Более того, часть из них выступила даже на стороне турецких властей. И тем не менее это не означало, что они не хотели избавиться от турецкого господства. Здесь сыграла роль в известной мере религиозная рознь между племенами. Однако главное было в том, что, например, многие дерсимские курды не верили в победу восстания шейха Саида и потому не желали подвергать себя риску поражения. Одна из трагедий курдского освободительного движения состояла в отсутствии единства между курдскими деятелями, многие из которых руководствовались своими корыстными целями. В результате единое национальное движение отсутствовало. Несмотря на это, восстание

шейха Саида можно и нужно считать народным, потому что в нем принимало участие подавляющее большинство курдов восточных и юго-восточных вилайетов, все социальные слои курдского общества: полукочевое крестьянство, кочевники-скотоводы, представители торговой буржуазии, шейхи и ага (кстати, не все они были реакционерами, предателями, среди них были и истинные патриоты), военная и чиновничья интеллигенция и даже камали из Стамбула. Конечно участвуя в курдском движении, каждая из этих социальных групп, наряду с общенациональной задачей — освобождение от турецкого гнета, ставила и свои собственные цели. Это не мешало курдам объединяться в отряды, героически сражаться против регулярных турецких войск. Поэтому, несмотря на узкоклассовые цели курдской феодальной верхушки, восстание шейха Саида, как и последующие курдские восстания, приняло освободительный характер.

Подавление оппозиции

Покончив с восстанием шейха Саида, руководство Народно-республиканской партии стало искать повод для запрещения деятельности прогрессистов. Вначале имелась основания полагать, что ПРП связана с лидерами восстания, и руководство НРП давало все возможное, чтобы обнаружить связь Кязима Карабекир-паши с шейхами. Однако стало ясно, что прогрессисты не принимали участия ни в подготовке, ни в проведении восстания, а требование независимости Курдистана, провозглашенное курдскими руководителями, привело к тому, что ПРП отмежевалась от восстания и даже, как отмечено выше, встала на сторону правительства. Более того, она вела вооруженную борьбу против повстанцев (например, г.Харпут был отнят у повстанцев именно с помощью членов ПРП).

С целью оградить ПРП от нападок, Али Фуад-паша еще в начале апреля 1925 г. заявил журналистам: "Как внутренняя, так и внешняя деятельность нашей партии..вдохновляется весьма ясными и твердыми принципами конституционного права. Наша оппозиция осуществляется в рамках за-

кона. Кроме того наша партия не может иметь ни малейшего отношения к подозрительным движениям. Мы будем всегда находиться в стороне от тех сомнительных воцелений, которые нам пытаются приписать"¹³⁹.

Тем не менее сторонники правительственного большинства не отказывались от мысли расправиться с прогрессистами, разгромить их организации, число членов которых с каждым днем возрастало¹⁴⁰. В начале мая 1925г. Анкарский суд независимости осудил группу стамбульских прогрессистов и в специальном письме обратил внимание правительства на факт использования религии в политических целях. В середине мая были произведены арести членов ПРП в Трабзоне, Урфе и других городах. В связи с этим Диярбакырский суд независимости постановил запретить деятельность всех отделений ПРП в восточных вилайетах и в специальном письме также обратил внимание правительства на то, что прогрессисты используют религию в качестве политического оружия. Правительственное большинство придралось к одному из параграфов программы ПРП, в котором говорилось, что "партия относится с уважением к религиозным мыслям и учениям". Оно обвинило руководство ПРП, что прогрессисты стремятся разжечь религиозный фанатизм и возбудить народ против республики, прогресса и реформ.

"Если разобраться в причинах восстания на востоке, - говорил М.Кемаль, - восстания запланированного заранее и носившего реакционный характер, то одна из наиболее серьезных и важных причин его состояла в том, что Прогрессивно-республиканская партия выдвинула религиозные лозунги, а также послала в восточные вилайеты "делегированных секретарей", деятельность которых также способствовала восстанию"¹⁴¹.

При этом сторонники запрета ПРП ссылались на письма и заявления некоторых руководителей курдского восстания, которые они сделали во время процесса над шейхом Саидом и его сподвижниками. Например, один из руководителей восстания Кадри, впоследствии казненный турками, писал шейху Саиду, что партия Кязыма Карабекйра-паши в

ВНСТ уважает предписания религии. "Я не сомневаюсь, — писал он, — что она не откажет нам в своей поддержке. Кстати "делегированные секретари", которые находятся у шейха Эйюба...¹⁴² привезли с собой устав партии".

На процессе шейх Эйюб заявил: "Единственная партия смогла бы спасти религию: это партия, основанная Кязимом Карабекир-пашой. В ее программе говорится, что к религиозным предписаниям следует относиться с уважением"¹⁴³.

Используя такие заявления, официальная печать открыла резкую кампанию против прогрессистов. Такие авторы, как Фалих Рыфык-бей (Аталай), Якуб Кадрж-бей (Караосман-оглу), Махмуд-бей ежедневно помещали статьи в "Хакимияти Миллие", в которых в резких выражениях обвиняли оппозицию во всех грехах, требуя запрещения ПРП.

Ни верноподданические заявления ПРП, ни клятвы в верности конституции не смогли уберечь эту партию от запрещения. Противников этой партии путах не столько параграф ее программы, говоривший об "уважении к религии", сколько требование "децентрализации", что в известных условиях означало бы предоставление местного самоуправления национальным меньшинствам, и в частности, курдам. Нельзя при этом не считаться с тем, что лидеры ПРП были не турецкой национальности: Кязим Карабекир-паша был курд, Хусейн Рауф-бей — черкес, да и Али Фуад-паша имел полуславянского происхождения. Не последнюю роль в этом вопросе играли и личные моменты, отношения Мустафы Кемала и его ближайшими сподвижниками по национально-освободительной борьбе. К тому времени его влияние настолько укрепилось, что он решил ликвидировать всякую оппозицию в стране, рассматривая ее как угрозу личной диктатуре. Вот почему 3 июня 1925 г. совет министров постановил запретить деятельность ПРП.

В то же время власти запретили издание газеты "Таним" и арестовали ее главного редактора Хусейна Джахида (Ялчин) и его коллег. Одновременно были арестованы владелец ранее запрещенного левого журнала "Айдынлык", а также его сотрудники. Среди арестованных были д-р Шефик Хусню, проф. Садреттин Джеляль, преподаватель Шевкет Сюррейя (Ай-

демир). 12 человек из них были приговорены от 7 до 10 лет тюремного заключения¹⁴⁴.

После запрещения НРП в стране на долгие годы установилась однопартийная диктатура господствующих классов, в результате которой единственной партией в стране вплоть до 1946 г. была буржуазно-помещичья НРП¹⁴⁵.

"Решение" Мосульской проблемы

Своими бесконечными военными экспедициями против курдов, на которые тратились огромные материальные ресурсы, кемалисты опустошили финансы страны. На последней стадии решения мосульского вопроса у них не оставалось ни военных, ни политических, ни финансовых ресурсов, которые позволили бы им успешно продолжать борьбу с англичанами за Мосульский вилает. Турецкое правительство искало соглашения по этому вопросу с Англией. Однако, чтобы сохранить престиж перед страной и мировой общественностью, турецкие представители на официальных международных конференциях упорно и настойчиво отстаивали свое право на Мосул. Но это упорство и настойчивость означали уже обдуманное отступление, поскольку многолетняя борьба за Мосул показала всю бесперспективность ее для кемалистов.

Восстание шейха Саида в известной мере ускорило решение мосульского вопроса и способствовало установлению окончательной границы между Турцией и подмандатным Ираком.

Однако следует отметить, что ни Англия, ни Турция не имели никаких юридических прав на Мосульский район, который в подавляющем большинстве был населен курдами. Население этого района не желало присоединяться ни к Турции, ни к подмандатному Ираку. Об этом свидетельствовала многолетняя борьба курдов за свои национальные права под руководством шейха Махмуда и других курдских руководителей Мосульского района. Тем не менее при определении судеб Мосула, английских империалистов и турецких националистов мало интересовали национальные чаяния курдов.

На заседании Совета Лиги Наций 29 октября 1924 г. была установлена временная граница между Турцией и Ира-

ком, известная под названием "Брюссельской линии". Комиссия по обследованию (в нее входили граф П.Телеки, М.Вирсен и полковник Таулис), созданная 30 сентября 1924 г. по решению Совета Лиги Наций, прибыла в Мосул в конце января 1925 г. Она стала собирать информацию, изучать положение в вилайете, знакомиться с местным населением. 20 апреля 1925 г. Комиссия собралась в Женеве, а 3 сентября того же года она представила в Лигу Наций доклад, в котором высказалась в пользу мандата Лиги Наций на 25 лет. В соответствии с этим курды должны были иметь свою административную, судебную, органы просвещения, а курдский язык признавался официальным языком¹⁴⁶. Здесь следует иметь в виду, что это решение комиссии было принято после восстания шейха Саида, которое англичане использовали как аргумент в пользу своих требований присоединения Мосульского района к Ираку. В то же время восстание позволило опровергнуть заявление турецкой делегации в Лозанне, утверждавшей, будто мусульманские меньшинства "вполне довольны своей судьбой при турецком режиме"¹⁴⁷.

В выводах комиссии было отмечено, что следует считаться с мнением, высказанным курдами Мосульского вилайета. "Если учитывать только этнический аспект, - говорилось в выводах, - необходимо сделать вывод, что следует создать независимое курдское государство, ибо курды здесь составляют пять восьмых населения"¹⁴⁸.

В течение сентября 1925 г. на заседании Совета Лиги Наций представитель Англии заверял, что курды в Ираке пользуются значительными свободами, тогда как в Турции они бесправны. Он обвинил Турцию в том, что "она никогда не обещала обеспечить национальные права курдов, как это сделала Англия". Однако представитель Англии в то время явно пытался исказить факты, ввести общественное мнение в заблуждение. Положение иракских курдов не многим отличалось от положения курдов, проживавших в Турции.

В своем ответе турецкий представитель ограничился лишь повторением старого аргумента о якобы полном равноправии турок и курдов в его стране. Курды в Турции, по его словам, обладали теми же правами, что и турки. И это

заявление было сделано после жестокого подавления восстания шейха Саида в условиях кровавого террора, карательных экспедиций, насильственного массового переселения курдов в западные районы.

Касаясь позиции турецкого правительства в вопросе об иракско-турецкой границе, корреспондент "Таймс" отмечал, что один из основных, если не самых главных источников спора о границе составляла курдская проблема. Турки в личных беседах, — писал английский журналист, — часто соглашались с этой точкой зрения, но в турецкой прессе она почти не находила отражения. Хотя последние главным образом писала о необходимости включения в состав Турции Мосула, однако многие турки высказывали мнение, что не столь важен Мосул, сколько включение в состав страны всего или почти всего курдского населения. В беседе с корреспондентом один видный турецкий офицер заявил, что требование Турции вернуть ей Мосул вызывается главным образом необходимостью объединить курдское население под властью турок. Он отмечал также военное значение присоединения всех курдов к Турции. Вполне возможно, — указывал он, — что курды будут чувствовать под английским владычеством лучше, чем под турецким и возможно также, что турецкие курды будут завидовать своим зарубежным соплеменникам. Это принудит Турцию постоянно содержать в восточных вилаятах значительные военные силы, что очень тяжело отразится на финансовом положении страны.¹⁴⁹

Последующие события показали, что эти рассуждения не были лишены основания. В действительности, турецкие власти всегда держали значительную часть своих войск на востоке страны.

В середине сентября Совет Лиги Наций в связи с докладом комиссии признал необходимым запросить мнение Международного трибунала в Гааге.

Англия настаивала, чтобы трибунал предоставил Совету Лиги Наций право арбитража, но Турция, зная мнение Совета, соглашалась только на его посредничество.

В ноябре 1925 г. Международный трибунал вынес следующее заключение по этому вопросу:

1) решение Совета Лиги Наций по мосульскому вопросу является обязательным для обеих сторон, и оно должно окончательно установить границу между Турцией и Ираком;

2) это решение должно быть принято единогласно.

Представители заинтересованных стран имеют право участвовать в голосовании Совета Лиги Наций. Однако при решении вопроса о том, принято ли постановление Совета единогласно, голоса заинтересованных сторон не принимаются во внимание¹⁵⁰.

15 декабря 1925 г. состоялось заключительное заседание Совета Лиги Наций. Совет принял за основу "Брюссельскую линию" как линию границы между Турцией и Ираком и предоставил Великобритании мандат на Ирак сроком на 25 лет. Британскому правительству было предложено разработать меры по предоставлению курдскому населению статута, рекомендованного докладом. В феврале 1926 г. премьер-министр Ирака заявил в парламенте в Багдаде: "Мы должны предоставить курдам их права. Должностные лица должны быть из их среды. Родной язык курдов должен стать официальным языком, а их дети должны обучаться в школах на курдском языке"¹⁵¹.

Однако это была сплошная демагогия, рассчитанная на успокоение курдов и на обман общественного мнения заинтересованных стран.

Решения Лиги Наций по мосульскому вопросу вызвали резко отрицательные отклики в Турции. Так, офицер "Хакимети Миллие" с беспокойством писал: "Все предложения Англии по мосульскому вопросу получили одобрение Лиги Наций. Наибольшее внимание привлекает предоставление широчайшей автономии курдским элементам в районах Мосульского вилайета... Как мы уже указывали, стремления Англии направлены против интересов Турции... Мосул - неотторжимая часть турецкого отечества, никакие меры... не могут изъять от нас Мосул, никакие политические комбинации не будут иметь значения для нас"¹⁵².

Тем не менее турецкое правительство уже было готово идти на сближение с Англией. Практически интересы этих двух государств в курдском вопросе совпадали, по-

скольку оба они стремились подавить курдское освободительное движение.

После принятия решения Совета Лиги Наций британский министр иностранных дел Чемберлен и министр колоний Эмери выступали с заявлениями, в которых подтвердили согласие Англии принять условия, выдвинутые Лигой Наций. Вместе с тем, Чемберлен выразил пожелание добиться соглашения с Турцией "для того, чтобы убедиться, не найдется ли способа укрепить отношения между обеими странами, принимая, однако, во внимание решение Совета Лиги Наций". Такое соглашение после длительных дипломатических актов было достигнуто за счет курдского освободительного движения.

Так, 5 июня 1926 г. был подписан договор между Великобританией, Ираком и Турцией, в котором, в частности, говорилось: "ст.12. Турецкие и иракские власти откажутся от всяких отношений, имеющих официальный или дипломатический характер, с главарями, шейхами или иными членами племен, гражданами другого государства, находящимися в данное время на территории другого государства. Они не будут терпеть в пределах пограничной зоны каких-либо организаций, пропаганды или собраний, направленных против одного из государств"¹⁵³.

Один из пунктов договора предоставлял Турции в течение 25 лет 10% доли, получаемых Ираком от английской нефтяной компании¹⁵⁴. Однако Турция отказалась от этой доли взамен 500 тысяч ф.ст. наличными.

Так закончилась борьба между Турцией и Англией из-за Мосульского вилайета, которая велась с 1919 года. Результатом проведения новой границы явилось дальнейшее раздробление Курдистана и курдского народа на три части, и курдская проблема не была решена не только в Турции, но и в Ираке, и в Иране.

Г Л А В А П

ПОЛИТИКА "УМИРОТВОРЕНИЯ" В КУРДИСТАНЕ И АРАРАТСКОЕ ВОССТАНИЕ

Курдские выступления и полицейско- административные меры по их подав- лению (1925-1927 гг.)

Наряду с военными действиями турецкое правительство продолжало проводить административные меры, рассчитанные на окончательное подавление курдского движения. В конце мая 1925 г. Комиссарият внутренних дел выработал положение о цензуре корреспонденции в восточных вилайетах. В соответствии с этим положением почтовые ящики могли открываться лишь в присутствии агентов цензуры. Чиновники, виновные в распределении непроверенной корреспонденции, предавались суду. Телеграммы в эти районы можно было послать только на турецком языке. Предварительной цензуре подвергались газеты и периодические издания ¹.

21 ноября 1925 г. ВНСТ одобрило предложение правительства о продлении еще на один год осадного положения, объявленного в районе восстания шейха Саида ².

Спустя 4 дня оно утвердило новое предложение правительства о введении на один месяц осадного положения в вилайете Эрзурум. Это предложение было одобрено после выступления Исмет паша, который заявил: "Для того, чтобы усилить преследования... объявлено осадное положение во всех районах Эрзурума. Мы хотим действовать решительно, чтобы найти и наказать нескольких инициаторов движения" ³.

В Эрзуруме был создан военно-полевой суд, а суд независимости в Анкаре снова получил право выносить смертные приговоры без утверждения меджлисом ⁴.

Ни казнь руководителей восстания шейха Саида, ни карательные меры не смогли ликвидировать освободительное движение курдских племен. В районах, населенных курдами, стали возникать повстанческие отряды. К постанцам стали

присоединяться новые силы, район восстания стал расширяться.

Для подавления нового очага восстания турецкое командование направило части 2, 12 и 48-й дивизий. Через несколько дней повстанцы были рассеяны, а руководители их — Джемил Чето, Абдулькерим и некоторые другие схвачены и отправлены в Диярбакыр для предания суду независимости. Эмин-аге, Хаджо, Нух-бей⁵ и некоторым другим удалось скрыться или бежать в Ирак и Сирию. Таким образом и эта вспышка курдского восстания была подавлена.

В июне-июле 1925 г. в уезде Шемдинли (вилайет Хакяри), почти на стыке границ Ирана и Ирака поднял восстание Сеит Абдуллах — сын повешенного Сейта Абдулькадыра. Восстанию предшествовали следующие события. Узнав о казни отца и брата Сейта Мехмета, Сеит Абдуллах из Нихри (вилайет Хакяри), где он проживал с семьей с 1924 г., выехал в Иран к руководителям племени гочар Джихангир-аге и Меджит-хану, которые выделили в его распоряжение 500 воинов. Затем Сеит Абдуллах сообщил о своих планах двоюродному брату, каймакаму Ревандуза Сейту Тахе⁶, который предоставил в его распоряжение еще 200 вооруженных курдов. Кроме того, к нему присоединились много курдов из других племен. С этими силами Сеит Абдуллах вернулся в Шемдинли и поднял восстание⁷.

Против повстанцев турецкие власти направили регулярные войска. В июле 1925 г. командование 3-й армией опубликовало коммюнике, в котором сообщало, что восстание в уезде Шемдинли подавлено, а его руководитель Сеит Абдуллах бежал в поисках убежища за границу⁸. И действительно, после поражения восстания Сеит Абдуллах жил в Иране.

Весной 1926 г. активизировали свои действия курдские повстанческие группы, укрывшиеся после подавления восстания шейха Саида в малодоступных районах. В течение 1926-1927 гг. курдские повстанческие отряды действовали в уездах Хынис, Варто, Муш, Солхан, Чапакчур, Киги, Терджан, Гендж, Лидже и других⁹, т.е. на территории нынешних вилайетов Бингаль, Муш, Битлис, Диярбакыр и Мардин. В марте 1926 г. отряды Хаджо и Эмин-аги пересекли турецко-сирий-

скую границу и дошли до Медьята¹⁰.

В июне-июле 1926 г. из Багдада стали поступать сообщения о том, что в различных районах восточной Турции вспыхнули новые курдские восстания. Так, у берегов озера Ван отряд в 600 курдов вступил в бой с турецкими войсками, продолжавшийся 7 часов. Одновременно такое же сражение происходило примерно в 20 км от Битлиса. Восстали курды и в районе Диярбакыра. Повстанцы заняли много городов и сел. В Челемерике они взяли в плен губернатора, захватили пушку, много военного снаряжения. Курды разбили местные турецкие войска, которыми командовал Сулейман Сабри-бей¹¹. В районе Лидже действовала повстанческая группа видного шейха Тахира, которая три года заставляла дрожать от страха местные турецкие власти¹².

Тем не менее, выступавшие разрозненно курды не могли оказать серьезное сопротивление регулярным правительственным войскам и были жестоко подавлены.

Касаясь восстаний в восточных вилайетах страны, "Миллет" отмечала 9 октября 1926 г., что хотя "бандитизм" уменьшается, но случаи нападения "банд" еще очень часты. "Эта опасность, — писала газета, — уменьшается в результате деятельности трибунала независимости, который... делает все возможное для полного искоренения бандитизма"¹³.

И действительно, руководствуясь указанием из Анкары, суд независимости в Харпите проявлял особую жестокость по отношению к участникам курдского движения.

В 1926—1927 гг. этот суд продолжал выносить смертные приговоры курдам — участникам восстания шейха Саида и других антиправительственных выступлений. За этот период они приговаривали к смертной казни Хамид-оглу Шерефа (из Челемерика), Абдулькадыроглу Мехмеда (из Чапакчура) (будучи турецким жандармом, примкнул к восстанию и участвовал в нападении на Диярбакыр), одного из руководителей восстания Хаджи Омероглу Фермо, близкого помощника шейха Саида Омероглу Омера (из Хани)¹⁴, жандарма Раманоглу Эмина (из Вираншехира)¹⁵, Мустафаоглу Хусейна и Хирооглу Хусейна, отряды которых вместе с группой шейха Хусейна разгромили 7-й батальон жандармерии в районе

Газиге¹⁶, адвоката Мелека Парсо (из Мидьята)¹⁷.

Под давлением правительства суды независимости могли выносить только суровые приговоры и это обстоятельство вызывало недовольство даже среди членов суда. Так в Харпуге, члены суда пытались уклониться от участия в заседаниях и неоднократно ставили вопрос о замене их другими судьями. Однако Мустафа Кемаль постоянно отклонял эти требования. В результате были случаи чуть ли не бегства со своих постов членов судов независимости. Председатель суда независимости Хаджим Мухамеддин-Бей (депутат от Гиресуна)¹⁸, уехав официально в отпуск, категорически отказался вернуться в Харпут и подал в ВНСТ заявление об отставке, ссылаясь на плохое состояние здоровья. Меджлис вынужден был принять эту отставку. Понадобилось более двух недель, чтобы найти ему преемника. 6 декабря 1926 г. ВНСТ назначил председателем Харпутского суда независимости депутата от Козана Али Самба¹⁹.

Жестокая расправа над курдскими патриотами встречала одобрение правительства, по предложению которого 28 февраля и 18 мая 1926 г. ВНСТ приняло решение продлить еще на один год деятельность суда независимости в Харпуге.

В декабре 1926 г. этот суд рассмотрел дело 96 дерсимских курдов, обвиненных в участии в восстании шейха Саида, и приговорил 8 человек к казни через повешение, 5 - к пожизненным каторжным работам и 83 к выселению в западные районы страны²⁰.

Против обвинистической политики турецких правящих кругов продолжал выступать один из видных курдских вождей Дерсима Сеит Риза. Он неоднократно посылал телеграммы в Анкару, в которых требовал прекратить вынесение смертных приговоров курдам. Однако все они оставались без последствий. Впрочем, для свидания с Сеитом Ризой в Дерсим прибыл губернатор Диярбакыра Али Джемаль. Встреча состоялась в дер. Караджа. Али Джемаль уверял своего собеседника, что он, как алеви (кызылбаш), питает большое расположение к дерсимцам и будет добиваться наделения жителей Дерсима земельными участками, "покинутыми" армянами в районе Эрзинджан - Элязиз. Он подчеркнул, что в Дер-

сими будут открыты школы, преподавание в которых будет вестись в соответствии с шиитскими догмами, будет амнистировано племя кочкири²¹, значительная часть которого после восстания 1920-1921 гг. переселилась в Дерсим. После этих обещаний Али Джемаль уговорил Сеита Ризу продолжить переговоры в Хозате (административный центр Дерсима), куда прибыли из Диярбакира армейский инспектор Исеттин-паша²² и губернатор Элязиза Али Риза. Во время продолжительной беседы Исеттин-паша заверил представителей курдов (вместе с Сеит Ризой в Хозат прибыл Мехмет Нури Дерсими), что национальные права населения Дерсима будут обеспечены²³.

Спустя некоторое время Али Джемаль был назначен губернатором Элязиза, а Али Риза губернатором Диярбакира, т.е. они по существу поменялись должностями. Очевидно, турецкие власти намеревались использовать влияние Али Джемали на часть племен Восточного Дерсима. Продолжая протурецкую политику, некоторые руководители этих племен, в том числе Ибн Зеки, стали часто посещать нового губернатора и уверять его в своей дружбе к туркам. В свою очередь, Али Джемаль назначил нескольких влиятельных курдских вождей Восточного Дерсима членами постоянного совета вилаяета Элязиз. В постоянный совет вошел и Ибн Зеки. Кроме того, около 2000 дерсимских семей получили земельные участки в долине Элязиза. Специальным законом Мехмету Нури Дерсими был передан монастырь Хольвенк.

В то же время, чтобы сломить недовольство в Дерсими Али Джемаль начал подкупать курдских вождей. Обо всем этом, конечно, знали курдские патриоты Дерсима во главе с Сеитом Ризой, которые требовали не подачек, а удовлетворения минимума требований, состоявшего в том числе из следующих пунктов: 1) открытие бесплатных школ в Дерсими; 2) подготовка преподавателей из курдов; 3) отправка части курдской молодежи за счет государства на учебу в Стамбул, Анкару и Европу; 4) строительство мостов и дорог; 5) развитие сельского хозяйства и промышленности²⁴.

Однако выполнение этих требований не входило в планы турецких властей, которые стремились лишь установить

спокойствие в турецком Курдистане, выслать наиболее видных курдских вождей, ага, шейхов и вообще влиятельных курдских патриотов, которые в условиях жесточайшего террора турецкой действительности вели неравную борьбу за национальное освобождение курдского народа.

31 мая 1926 г. ВНСТ приняло Закон о поселении (№885)²⁵. Этот закон предоставлял Совету министров право переселять в малонаселенные районы кочевые племена, жителей тех деревень, необходимость переселения которых вызывается санитарными условиями или отсутствием средств существования, выселять из пограничных районов лиц, подозреваемых в шпионаже. Проведение этих карательных мер возлагалось на Министерство внутренних дел (статья 3).

Выселение видных курдских деятелей началось еще до принятия Закона о поселении. Следовательно, он по существу лишь узаконил полицейско-административные меры турецких властей. Еще в марте 1926 г. семья Фейзи-паша, бывшего министра, депутата от Диярбакыра была переселена в Анкару, а семья Хаджи Бедр-аги, депутата от Малатьи - в Мерсину²⁶.

В начале мая в Измир прибыло несколько курдских семей из района Вана. Всего в Измир турецкие власти намеревались переселить около 400 курдов²⁷. Характерно, что на "всякий случай" турецкие власти стали переселять в административном порядке и таких вождей курдских племен, которые давно были известны своей туркофильской деятельностью. Некоторые из них стали протестовать против такого обращения. Комментируя эти протесты, турецкая печать заявляла, что курдские руководители, относящиеся лояльно к турецким властям, должны примириться, если по высшим государственным соображениям (курсив наш.-М.Г.) правительство найдет нужным переселить их²⁸.

Согласно Закону о поселении, с 1926 по 1930 гг. только из Дерсимы в вилайет Элязиз было переселено примерно 10 тыс. дерсимцев. Сюда же были высланы из районов Палу, Киги и Битлис тысячи курдов-кочевников²⁹. Однако больше всего курдов было выслано на запад, в Стамбул, Измир, Одемис, Маниса, Айдын, Испарта, Бурдур, Нигде, Каста-

мону, Эдирне и др.³⁰.

В 1926 г. губернатору Элязиза Али Джемалю удалось организовать делегацию, состоявшую главным образом из вождей племен Восточного Дерсимы, и направить ее в Анкару, чтобы выразить "глубокое уважение Мустафе Кемалю".

В Анкаре в здании медресы курдскую делегацию принял председатель ВНСТ Кязым-паша. Во время беседы он подчеркнул, что М.Кемаль весьма удовлетворен приездом курдской делегации, однако очень сожалеет, что в составе ее нет Сейта Ризы и других вождей племени Дерсимы. Затем Кязым-паша обещал курдским вождям, что в ближайшем будущем в населенных курдами районах будут построены шоссе, дороги, школы и другие культурные учреждения; все высланные из восточных вилайетов курды по представлению губернатора Али Джемалья будут возвращены в свои родные места; для этого ВНСТ примет закон об амнистии и дерсимцы получат земельные участки в долинах и яхлах вилайетов Элязиз, Эрзинджан и Малатья.

В заключение Кязым-паша подчеркнул, что все это он говорит от имени М.Кемалья.

Примерно в таком же духе выступил перед курдами Исмет паша.

Спустя некоторое время турецкие правящие круги стали принимать меры, которые могли бы свидетельствовать о том, что они в какой-то мере выполняют свои обещания. Так, в январе 1927 г. Министерство внутренних дел подготовило проект закона об амнистии и внесло его на рассмотрение ВНСТ³¹. Однако этот проект остался лишь на бумаге.

28 февраля 1927 г. на заседании парламентской группы НРП Исмет-паша выступил с заявлением о решении правительства ликвидировать суды независимости, срок полномочия которых истекал 7 марта 1927 г. 2 марта это решение было проведено в ВНСТ³².

Исмет-паша, выступая в ВНСТ, заявил, что ликвидация судов независимости позволит, в частности, гражданам "в более спокойной обстановке выполнять свой долг во время выборов в медресы третьего созыва³³, но если изменники и предатели попытаются снова действовать, то

меджлис не остановится перед восстановлением действия судов независимости"³⁴.

В соответствии с принятым законом, 7 марта 1927 г. прекратили свою деятельность Анкарский и Харпутский суды независимости, а все находившиеся в их производстве дела были переданы в обычные суды.

Одобрив это решение турецких властей, "Миллет" 28 февраля 1927 г. писала: "Наше правительство приняло во внимание, что в стране восстановились порядок и спокойствие и пришло к заключению, что трибуналы независимости, работа которых достойна самой высокой похвалы, ... не имеет теперь оснований продолжать свою деятельность"³⁵.

Наряду с политическими соображениями, о которых говорил Исмет-паша, были и другие факторы, вынудившие отменить суды независимости. В этой связи представляет интерес передовая статья газеты "Икдам" в номере от 28 февраля 1927 г. "Решение нашего правительства, — говорилось в ней, — открывает новую эру в жизни страны. Оно доказывает, что отныне ничто не грозит общественной безопасности. Упразднение чрезвычайных мер повысит доверие как внутри, так и вне нашей страны и откроет путь к более широкой работе на экономическом поприще... Очень часто слухи, даже самые невероятные и ложные, сильно вредят торговле. В такой же степени благоприятные известия являются сильным двигателем. С этой точки зрения упразднение анкарокого трибунала имеет огромное значение"³⁶.

Эти высказывания турецкой прессы свидетельствовали о том, что обстановка военного и административно-полицейского террора вызвала недовольство не только курдских масс, но и определенных слоев турецкого общества, заинтересованных в установлении нормальных условий для хозяйственной деятельности внутри страны, а также деловых связей с иностранным капиталом. Однако, чувствуя непрочность положения в Курдистане правительство решило сохранить чрезвычайное положение в этом районе страны. При этом оно руководствовалось речью Мустафы Кемала на открытии меджлиса 1 ноября 1926 г.

"...Меры, направленные на подавление реакционного

движения, — говорил он, — которое происходило в восточных вилайетах, были проведены в жизнь и дали весьма удовлетворительные результаты. Эти меры...окажут благоприятное влияние на социальную и экономическую жизнь наших соотечественников...

Ваше собрание было вынуждено принять Закон об охране порядка, чтобы помешать деятельности тех, кто под разными предложениями захотел бы отвести нацию от мероприятий, намеченных ВНСТ за последние годы. Сейчас имеются доказательства пользы, которую принес этот правильно воспринятый закон для общего благоденствия, а также для укрепления престижа правительства...Если это нужно, ВНСТ могло бы рассмотреть вопрос о его продлении еще на некоторый период" (курсив наш.—М.Г.)³⁷.

Таким образом, еще за четыре месяца до истечения срока Закона об охране порядка, по существу, было принято решение о продлении его действия. 28 февраля 1927 г. Центральный комитет Народно-республиканской партии постановил рекомендовать меджлису продлить срок действия Закона об охране порядка еще на два года³⁸.

2 марта того же года (в день отмены судов независимости) ВНСТ приняло поправку к статье этого закона, которая гласила: "Закон об охране порядка, действующий по 4 марта 1927 г., остается в силе до 4 марта 1929 г."³⁹.

Следовательно, по существу осадное положение в восточных и юго-восточных вилайетах было продлено еще на два года.

Чувствуя всю непрочность своего положения в Курдистане, правительство наряду с карательными экспедициями продолжало административные мероприятия, которые, по его мнению, должны были сломить освободительный дух курдского народа. 10 июня 1927 г. Великое национальное собрание приняло закон № 1097 о переселении курдов из восточных вилайетов в западные⁴⁰.

"По административным, военным и общественным соображениям, — указывалось в законе, — правительству даны полномочия переселить из восточных вилайетов, объявленных на осадном положении, и вилайета Баязит в западные районы

около 1400 человек с их семьями и 80 непокорных (мятежных) семейств, а также лиц, осужденных за тяжкие преступления в упомянутых вилайетах" (ст.1). Если принять во внимание, что курдская семья, как правило, состоит из двух и более поколений, то общее число подлежащих переселению курдов было довольно велико.

Статья 2-я закона предлагала закончить переселение к концу августа 1927 г. Семьи, имевшие земельные участки, могли оставаться на местах до конца ноября 1927 г. Это свидетельствовало о том, что в первую очередь переселились кочевники, как наиболее беспокойная и воинственная часть курдов, и батраки.

Согласно статье 3-й, "нуждавшиеся" обеспечивались бесплатно транспортом и продовольствием на все время следования. Однако, как правило, курдов отправляли в западные вилайеты за свой счет.

В соответствии со ст.5 курды должны были обосноваться в западных вилайетах, в местах, отведенных им правительством. Осужденные после отбытия ими наказания также направлялись туда. Но Совет министров мог не разрешить им селиться вместе со своими семьями. Впоследствии курды могли свободно разъезжать по стране, но не имели права возвращаться в восточные вилайеты.

Переселение должно было закончиться максимум в течение восьми месяцев.

Таковы основные положения закона № 1097, в результате осуществления которого тысячи курдских семей, потерявших значительную часть имущества, были высланы в западные вилайеты.

Турецкая пресса восторженно встретила этот закон. Газета "Хакимети Миллие" писала 19 июня 1927 г., что правительство, приняв этот закон, выполняет гуманный долг освобождения большинства населения восточных вилайетов от власти "шейхов и узурпаторов".

В результате такого "освобождения", по данным В.Никитина, в 1926-1927 гг. турецкие военные власти переселили "около 1 млн. курдов (мужчин, женщин и детей) в Западную Анатолию, применив грубое насилие, как во вре-

мена депортации армян в первую войну"⁴¹.

Однако переселением не закончилось преследование курдских племен. Местные турецкие власти стали разжигать межплеменную рознь, особенно они старались натравить курдские племена на Сеита Ризу и активно поддерживавшее его небольшое племя кочан (из Западного Дерсимма).

Чтобы получить поддержку других племен, губернатор Али Джемаль встретился с представителями племен Оваджика (арслан, бейтан, пезгевран и максудан) и, обещав в дальнейшем всяческие льготы и облегчения, призывал их племена участвовать в усмирении племени кочан. Он еще раз подчеркнул, что после усмирения племени кочан все вопросы в Дерсиме будут решены: правительство, довольное положением в этом районе, выполнит все требования дерсимцев⁴².

Выслушав речь Али Джемалья, представители племен пообещали ему ответить на следующий день. Но на следующую встречу никто из курдских вождей не пришел. Поняв, что после уничтожения кочанцев турецкие власти доберутся и до других племен, курдские руководители позднее направили Али Джемалю ответ, в котором они согласились выступить на следующих условиях:

1) турецкие войска не будут направлены на линию боевых позиций, которую займет население Оваджика, что устранит возможность столкновения курдов с турецкими войсками;

2) командование "фронтом" в Оваджике возлагается на Мехмета Нури;

3) турецкие власти обязуются обеспечить курдов необходимым вооружением⁴³.

Однако вожди племен не собирались выступать на стороне турок. Их согласие ввело в заблуждение Али Джемалья, который принял эти условия и выехал в Зяязиз.

Все племена Калана, подчиненные тестю Мехмета Нури Али-аге, объявили о своем нежелании участвовать в усмирении племени кочан. Турецкие власти направили из Зяязиза дивизию регулярных войск под командованием Хайдар-паши в район Чемишкезека, которая при содействии неко-

торых окрестных курдских вождей окружила племя кочан. На стороне этого племени решили оражаться соседние племена ресикан и шемкан. Хайдар-паша обратился к этим трем племенам с предложением сдаться, обещая поселить их в долинах вилайета Элязиз. В противном случае, заявлял он, все курды, в том числе и дети, будут уничтожены⁴⁴.

В такой обстановке племена соседнего Оваджика сочли своим долгом оказывать братскую помощь своим соплеменникам. В соответствии с заключенным соглашением, они получили от губернатора Али Джемали оружие и боеприпасы⁴⁵, большую часть которых направили кочанцам. Опираясь на поддержку соседних племен, кочанцы стали усиливать натиск на северном и западном направлениях. Особенно были успешными их ночные рейды.

Наблюдая за действиями курдов, которые вели неравную борьбу с превосходящими силами турок, Хайдар-паша был вынужден заявить: "Будь у меня регулярная дивизия из представителей этих племен, я завоевал бы весь мир"⁴⁶.

В результате ожесточенных боев турецкие войска понесли значительные потери в живой силе и технике. Курды сбили даже один самолет. Все это привело к серьезным разногласиям между командиром турецкой дивизии Хайдар-пашой и губернатором Али Джемалем. Хайдар-паша не верил в то, что курдские племена Оваджика будут вести борьбу против кочанцев. По его приказу из Эрзинджана в Оваджик были присланы три пехотных полка, а курдские племена выведены из района боевых действий. Эта мера в конечном счете обернулась против самих турок: вернувшись в свои районы поселения, курды стали совершать ночные налеты на турецкие войска. Уставшие после перехода по пересеченной местности, турецкие войска в результате этих ночных набегов курдов были почти полностью деморализованы. Испытывая холод и голод, не желая умирать за чуждые им интересы, они думали лишь о своем спасении. Турецкие солдаты стали обменивать оружие и боеприпасы на овец, коз, хлеб, а также другие продукты питания у курдов. Осенью 1927 г., с наступлением холодов деморализованные турецкие войска были вынуждены возвратиться в Элязиз.

Разногласия между Али Джемалем и Хайдар-пашой усиливались, участились жалобы в министерства внутренних дел и национальной обороны. Спустя некоторое время Хайдар-паша был переведен в Эрзинджан⁴⁷.

Таким образом, в результате успешного сопротивления кочанцев и поддержки их другими курдскими племенами планы покорения турецкими войсками Дерсима в тот период потерпели полный провал.

Этому во многом содействовала антитурецкая позиция Сента Ризы, вокруг которого объединились все истинные патриоты Дерсима. Тем не менее уже тогда турецкое правительство подготовило новый план, имевший целью усмирение всего турецкого Курдистана, подавление курдского освободительного движения в Турции. Об этом плане речь будет идти ниже.

Генеральная инспекция и политика "умиротворения" в турецком Курдистане.

Политика террора, осадное положение в восточных вилайетах, продолжавшиеся по существу все годы правления кемалистов, привели к крайнему обострению политической обстановки в стране, усилению недовольства в различных слоях турецкого общества. Поэтому летом 1927 г. правительство Народно-республиканской партии приняло решение перейти к новым методам управления восточными вилайетами.

30 ноября 1927 г. в Анкаре состоялось заседание парламентской группы НРП. Выступивший на этом заседании премьер-министр Исмет-паша заявил о необходимости положить конец исключительному характеру власти в восточных вилайетах и открыть эру мирных реформ. Глава правительства предложил не продлевать осадного положения, срок которого истекал в ноябре 1927 г., и создать для восточных вилайетов генеральную инспекцию. Кроме того, он предложил внести в ВНСТ законопроект об освобождении от переселения в западные районы лиц, имевших "заслуги" перед страной и о возвращении в родные места лиц, зарекомендовавших себя лояльным поведением в тех районах, куда

они были высланы из восточных областей. Вместе с тем, Исмет-паша просил утвердить проект закона, который предусматривал усиление жандармерии в Курдистане. Эти предложения были одобрены парламентской группой НРП ⁴⁸.

Отставывая точку зрения правительства во время обсуждения законопроектов в ВНСТ, 5 декабря 1927 г. министр внутренних дел Шюкрю Кая заявил, что в восточных вилайетах наступило относительное спокойствие, восстание превратилось в обычный бандитизм. Для борьбы с ним достаточно обычных гражданских мер при условии удвоения жандармерии и значительного увеличения пограничных войск. Правительство убеждено, — продолжал он, — что сможет справиться с положением при любых неожиданностях, а потому решило установить в восточных вилайетах нормальное гражданское управление. На время перехода к этой нормализации будет учреждена гражданская инспекция во главе с генеральным инспектором ⁴⁹.

25 июня 1927 г. ВНСТ принял закон № II64, предоставлявший Совету министров право создавать по мере необходимости гражданские инспекции, подчиняя каждой из них группу вилайетов, сведенную в одну зону управления ⁵⁰.

27 ноября того же года турецкое правительство приняло инструкцию, определявшую функции гражданской инспекции ⁵¹. Согласно этой инструкции вилайеты Элязиз, Урфа, Битлис, Хаккяри, Диярбакыр, Сирт, Мардин и Ван выделялись в специальную административную зону, которая впоследствии получила название первой генеральной инспекции ⁵².

Закон № II64 был направлен непосредственно против курдов, которые составляли подавляющее большинство в этих вилайетах. Устанавливаемые в законе меры должны были не только обеспечить спокойствие в курдских районах, но и содействовать насильственной ассимиляции курдского народа.

Комментируя решение меджлиса о создании специальной административной зоны в курдских вилайетах, журналист Фалих Фикри в газете "Миллиет" от 2 декабря 1927 г. писал, что Турецкая республика вовсе не собиралась жить

постоянно в атмосфере внутреннего террора. Чрезвычайные меры были приняты временно и только для того, чтобы справиться с исключительными событиями. Коль скоро в восточных вилайетах наступило спокойствие, правительство решило восстановить нормальный порядок, чтобы осуществлять дальнейшую ассимиляцию населения мирными путями (подчеркнуто нами.—М.Г.)⁵³.

Следовательно, речь шла о продолжении той же антикурдской политики в новых условиях и иными методами. Об этом открыто говорила турецкая пресса.

Так, газета "Вахыт" от 5 декабря 1927 г. писала: "...Они (эти мероприятия) не знаменуют собой принципиального изменения общей линии поведения, принятой правительством после подавления восстания шейха Самда...". Отмечая далее, что не следует бесконечно и без нужды сохранять исключительные меры в восточных вилайетах, "Вахыт" продолжала: "...Но в то же время ошибочно полагать, что если теперь правительство не видит нужды в сохранении осадного положения в восточных вилайетах, эти последние возвращаются к совершенно нормальному положению... Закон, создающий в этих районах генеральный инспекторат⁵⁴, должен будет привести восточные вилайеты от того периода успокоения, которого они сейчас уже достигли, к вполне нормальной жизни"⁵⁵.

Рассмотрим важнейшие положения инструкции к Закону о "генеральной инспекции", применение которой, по мнению турецких правящих кругов, должно было привести к "вполне нормальной жизни" в Курдистане.

Наибольшее значение в этой инструкции имеют параграфы 7-13, определяющие полномочия генерального инспектора. Ниже эти параграфы инструкции приводятся полностью.

"7. Генеральный инспектор является в районе своей юрисдикции доверенным представителем правительства в целом и отдельных министерств. Ему подчинены все государственные служащие включая губернаторов; последние отчитывались в своей служебной деятельности перед генеральным инспектором.

8. Оставаясь по-прежнему обязанными применять за-

коны и поддерживать связь со своими министерствами, губернаторы и другие чиновники... в случае необходимости обязаны представлять объяснения и сведения о своей деятельности генеральному инспектору, а также передавать ему необходимые документы. Генеральный инспектор создает компетентные органы, к которым должны обращаться губернаторы, другие высшие чиновники по поводу... дел, являющихся объектом его ведения. Генеральный инспектор указывает этим органам способ разрешения возникших вопросов.

9. При выполнении своих обязанностей генеральный инспектор имеет право использовать армию, жандармерию и полицию.

10. В случае необходимости генеральный инспектор может обратиться в Министерство внутренних дел и потребовать подкреплений из вилаетов, находящихся вне пределов района его юрисдикции. Свое требование о выделении в его распоряжение вооруженных сил генеральный инспектор направляет самому старшему армейскому командиру, находящемуся в подчиненном ему районе; это требование он сопровождает изложением своих взглядов на решение поставленной задачи.

II. В отпращивании своих функций генеральный инспектор ответственен лишь перед центральным правительством. В соответствии со статьей 3 Закона о генеральной инспекции генеральный инспектор уполномочен:

- а) наблюдать за общественным порядком и спокойствием;
- б) контролировать строгое применение законов и распоряжений;
- в) обращаться непосредственно к министру юстиции, чтобы добиваться применения закона во всей его строгости... а также сообщать министру юстиции о всякой задержке какого-либо процесса после затребования объяснений у генерального прокурора;
- г) принимать необходимые меры по обеспечению экономического, санитарного, социального и культурного прогресса во вверенном ему районе путем изучения всех нужд местного населения, следить за строгим и рациональным проведением в жизнь этих мер и постоянно его контролировать;

- д) обеспечивать личные права и право собственности населения района, переданного под его управление;
- е) принимать меры по улучшению условий жизни населения, переводу на оседлый образ жизни кочевых племен, превращению крестьян в земельных собственников;
- ж) в качестве инспектора и высшего административного лица, а также начальника всех управлений увольнять губернаторов и других правительственных чиновников, которых он считает негодными с точки зрения установления порядка и спокойствия в районе своей юрисдикции;
- з) организовать работу всех инспекторов и организаций просвещения.

Делами, которые требуют контакта и связей с заграницей и которыми занимаются соответствующие чиновники и органы, генеральный инспектор не занимается.

12. Если генеральный инспектор установит, что создавшееся положение вызывает беспокойство или может привести к нарушению порядка и безопасности в зоне его полномочий, он может с разрешения Министерства внутренних дел объявить военное положение в этой зоне.

13. Генеральный инспектор, обладающий высшей властью и правом проводить генеральную инспекцию, уполномочен контролировать работу всех органов местной власти. Поэтому губернаторы и генеральные муниципальные советы все свои решения выполняют после одобрения их генеральным инспектором. Генеральный инспектор возвращает вилайетским властям проекты их бюджетов, если по его мнению эти проекты имеют какие-либо недостатки или противоречат закону.

14. Генеральный инспектор может в случае необходимости создавать межвилайетские учреждения, на содержание которых обязывает, через губернаторов, вилайетские генеральные советы выделять по бюджетам последних — как обычным, так и чрезвычайным — необходимые суммы.

15. Генеральный инспектор каждые три месяца представляет министру внутренних дел доклад о мерах по обеспечению порядка и безопасности, проводимых в подведомственном ему районе, а также свои соображения об общем по-

ложении д: 1. Разделы этих докладов, касающиеся соответствующих министерств, генеральный инспектор направляет в копии в эти министерства.

16. Контроль над деятельностью генерального инспектора производит министерство внутренних дел.

17. Первый генеральный советник является помощником генерального инспектора и действует по его указаниям, в том числе подписывает исходящую переписку⁵⁶.

Смысл всей системы генеральной инспекции, как писал видный общественный деятель, журналист Кнус Нади в своей статье "В восточных провинциях" ("Джумхуриет", 12 декабря 1927 г.) заключается в сосредоточении административной власти в руках генерального инспектора, который непосредственно подчинен министерству внутренних дел. "Эта мера, — отмечал автор, — позволяет сосредоточить всю власть в руках инспектора, который... может быстро принять необходимые решения...". Говоря о том, что плохое управление происходит не только от плохой администрации, но и от недостаточного знания экономических, культурных, духовных и других особенностей этих областей, Нади пишет: "Чтобы можно было разрешить эти огромные социальные вопросы абсолютно необходима известная подготовка. Не было ли бы более выгодным установить комиссию из экспертов-специалистов, возложив на нее длительное и внимательное изучение всех этих вопросов, выезжая даже на места для собирания всех необходимых данных..."⁵⁷.

Кнус Нади понимал важность изучения социально-экономических проблем этого района страны, население которого по своему "культурному и духовному развитию" отличалось от жителей других вилайетов.

В первое время казалось, что этим проблемам придает известное значение и первый генеральный инспектор восточных вилайетов Ибрагим Тали-бей⁵⁸.

Однако, как показали последующие события, вся его деятельность была направлена на решение курдской проблемы главным образом военно-административными мерами.

Во второй половине января 1928 г. Ибрагим Тали-бей прибыл в Диярбакыр. На банкете, устроенном по случаю его

приезда, он произнес речь, в которой, с одной стороны, обещал от имени правительства начать строительство шоссе-
сейных и железных дорог, а также школ в восточных вилайетах, а с другой, угрожал населению всяческими карами, если оно не будет сохранять спокойствие. "Злобные и вредные замыслы будут безжалостно уничтожаться", — заявил он ⁵⁹.

Для подавления антиправительственных движений турецкое правительство 22 января 1928 г. приняло решение о создании мобильных жандармских частей. Эти части находились непосредственно в распоряжении министерства внутренних дел, а практически — генеральной инспекции, которая должна была использовать их по своему усмотрению ⁶⁰.

Приветствуя начало работы Ибрагима Тали-бея в Диярбакире, журналист Ахмед Джедет 8 февраля 1928 г. в газете "Икдам" рекомендовал ему обратить особое внимание на улучшение благосостояния населения. Турки, — писал он, — вообще бедны и лозунг "обогащайтесь" можно поэтому адресовать всему населению страны. Но особое значение он имеет для восточных вилайетов, где существует вопиющая нищета, которой сопутствует ряд отрицательных явлений. Необходимо сделать все для улучшения положения населения тем более... что при умелой администрации население Турции быстро в течение каких-нибудь 10—12 лет приобретет известное благосостояние ⁶¹. Таких рекомендаций в турецкой прессе в тот период было много.

В начале марта 1928 г. Ибрагим Тали-бей пригласил в Диярбакир всех губернаторов подчиненных ему вилайетов, чтобы разработать систему мероприятий, обеспечивающих развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли в зоне первой генеральной инспекции. Совещание продолжалось примерно три недели до конца марта. Оно приняло несколько декларативных документов по экономическому и социальному развитию восточных вилайетов. В частности, было решено соорудить артезианские колодцы и построить в каждом вилайетском центре больницу ⁶².

Однако приняты совещанием решения практически остались на бумаге. В то же время турецкие правящие круги, стремясь привлечь на свою сторону курдскую знать, стали

принимать меры по возвращению некоторых курдских феодалов в Курдистан. В беседе с одним из журналистов Исмет-паша в марте 1928 г. заявил, что поскольку порядок в восточных вилайетах восстановлен, появилась возможность вернуть в эти районы многих лиц, которые были выселены оттуда во время восстания шейха Саида и после него. Правительству постоянно получает просьбы от разных лиц о разрешении вернуться в эти вилайеты. "Те, кто обращается с такими просьбами, согласны подчиниться всем поставленным им условиям. Отецеская политика республиканского правительства сводит на нет интриги всех тех, кто, находясь за границей, пытается препятствовать возвращению этих граждан домой. Деятельность генеральной инспекции, бесспорно, принесет результаты, жалательные правительству". "Если интересы отечества этого потребуют, — подчеркнул он, — мы не поколеблемся принять меры, которые продиктует положение"⁶³

7 мая 1928 г. ВНСТ принял закон об амнистии (№1239), которым освобождались от наказания лица, осужденные по обвинению в причастности к восстанию шейха Саида. В законе говорилось, что действия, совершенные во время повстанческого движения вплоть до отмены осадного положения в зоне восстания (23 ноября 1927 г.), не считаются больше преступлениями (ст. I). Лицам, замешанным в восстании шейха Саида и не разоблаченным властями, предлагалось в течение трех месяцев после принятия этого закона явиться с повинной, чтобы попасть под действие этого закона⁶⁴.

Комментируя принятие этого закона, министр внутренних дел заявил, что в восточных вилайетах установлен порядок, жизнь стала безопасной, а население убедилось в силе правительства республики⁶⁵.

Вместе с тем печать, в частности, газета "Миллиет" от 13 мая 1928 г., подчеркивала, что принятие закона № 1239 свидетельствует, с одной стороны, о достижении спокойствия в восточных провинциях, и с другой — об уверенности правительства в своих силах. Однако, как утверждал автор одной из статей Махмуд-бей, у населения восточных вилайетов нет никаких оснований считать себя нетурками, а тот, кто утверждает противное, стремится к

расколу нации 66.

Первые списки курдов, которых правительство намеревалось вернуть в родные места, были составлены еще в январе-феврале 1928 г. после принятия закона 1178. Они охватывали курдских феодалов из вилайетов Малатья, Сирт и Мардин, отчасти Ван и Битлис. Меньше всего возвращались в Джиракыр, Харпут, Баязит, Антеб и Урфу 67.

В начале мая 1928 г. получили разрешение вернуться в восточные вилайеты еще 203 человека 68. В то же время турецкие власти делали все, чтобы не допустить возвращения наиболее активных руководителей курдского движения. 9 курдских вождей, участвовавших в восстании шейха Саида и содержавшихся в тюрьмах Стамбула, обратились к властям с просьбой распространить и на них закон об амнистии. Однако министр юстиции отклонил эту просьбу 69.

В связи с принятием закона об амнистии некоторые курдские вожди явились с повинной к турецким властям и просили о помиловании. В начале мая 1928 г. явился глава повстанцев в районе Мардина Реманлы Эмин вместе со своими сторонниками, а также руководители повстанческих отрядов Степьян Хюню, его брат Осман, два их родственника Кимино и Сулейман Абдулькадр, а также 12 их друзей 70. Следует отметить, что позднее все они были казнены или заключены в тюрьму.

Касаясь политики турецких властей по отношению к курдам в этот период, корреспондент "Таймс" писал, что, хотя прошло уже три года после подавления восстания шейха Саида в Курдистане, турецкое правительство не сумело добиться спокойствия. Турки в настоящее время, — писал корреспондент газеты, — по-видимому, склонны изменить свою политику по отношению к курдам, точнее, смягчить эту политику. В частности, некоторые из высланных из Курдистана лиц с разрешения правительства вернулись на свое прежнее местожительство. Кое-кто из курдов был назначен на руководящие посты в Ване и Битлисе. Далее корреспондент подчеркивал, что хотя турецкое правительство не разрешает открыть курдские школы, оно не пытается проводить в Курдистане меры по обязательной "европей-

защиты" одежды⁷¹.

И действительно турецкие правящие круги хотели при помощи административных мер добиться спокойствия в Курдистане, замораживая решение кардинальных вопросов курдской проблемы.

12 мая 1928 г. ВНСТ решило, в дополнение к закону от 9 мая того же года, прекратить преследование лиц за "предсудительные действия", совершенные до 30 мая 1928 г., если только виновные в таких действиях лица явятся с повинной к властям. Позднее трехмесячный срок был продлен еще на шесть месяцев⁷², т.е. до середины октября 1928 г.

Однако эти меры не принесли желаемого турецким властям результата. Отдельные повстанческие отряды продолжали действовать в малодоступных горных районах. В связи с этим Ибрагим Тали-бей и его советники вынуждены были лично посещать курдские районы, пытаясь умиротворить население. Ибрагим Тали-бей предупредил всех, кто когда-либо участвовал в повстанческом движении, что при малейшем нарушении с их стороны закона, к новому наказанию будет добавлено старое.

Следует отметить, что параллельно с судебно-административными мерами по подавлению курдского национально-го движения, турецкие власти развернули широкую кампанию среди местного населения, пытаясь привить ему пантюркистские взгляды. С этой целью в июне 1928 г. в курдских районах побывали министр просвещения Неджати, министр юстиции Махмуд Эсад и ряд депутатов ВНСТ. Они разъезжали по городам восточных вилайетов, произносили речи перед населением, пропагандируя пантюркистскую идеологию⁷³.

Эта политика встречала активную поддержку буржуазной прессы. "Миллиет" от 28 марта 1928 г., считая проводимые правительством политические и административные меры недостаточными, писала: "Мы ждем существенных и окончательных результатов от деятельности, которую мы будем развивать в области культурной, моральной и воспитательной. В тот день, когда мы установим среди граждан единство языка и идеала в полном смысле этого слова, мы приобретем большую силу"⁷⁴.

Наряду с усиленной пропагандой идеалов туркизма, турецкое правительство создавало видимость послаблений в восточных вилайетах страны. Например, в связи с истечением в марте 1929 г. срока действия закона об охране порядка, Исмет-паша выступил с пространной речью, в которой, в частности, заявил следующее: "Правительство не нуждается в продлении этого закона... Это решение принято по совету главы государства... Можно сказать, что за последние два года правительству не пришлось применять закон об охране порядка. Этот факт свидетельствует о всеобщем стремлении наших соотечественников добиваться нормальной обстановки в стране... За четыре года действия этого закона были достигнуты успехи, которых нельзя было бы добиться за сто лет..." Далее премьер-министр подчеркнул: "Наш долг предупредить граждан об интригах, исходящих из-за границы. Законы республики обладают достаточной силой, чтобы защитить честь и достоинство страны и ее сыновей от всякого рода козней и интриг, как бы искусно они не замыслились"⁷⁵.

Однако правители Анкары этим заявлением пытались выдать желаемое за действительное, поскольку уже назревало новое серьезное антитурецкое движение курдов в районе Арарата. Об этом свидетельствуют меры, которые стали предпринимать турецкие правящие круги. Уже через год после выступления Исмет-паши министерство юстиции разработало проект чрезвычайного закона, имевшего целью ускорение судебной процедуры. Согласно этому закону приговоры судов по делам о "бандитизме", о заговорах против государства не подлежали обжалованию и приводились в исполнение немедленно. Действие этого закона распространялось главным образом на зону первой генеральной инспекции. "Нет никакого сомнения, — писала газета "Акшам", — что в местностях, где примитивная психология ненависти и кровной мести продолжает господствовать, невозможно установить безопасность, применяя судебную процедуру, основанную на германском образце. Цель нового закона — быстро обеспечить правопорядок, помешать обвиняемым использовать длительную процедуру, существующую в настоящее время"⁷⁶.

Предметом особого внимания Ибрагима Тали-бея был

Дерсим. В июле 1928 г. он побывал в Ховате, где встречался с вождями племен этого района. Во время этих встреч Ибрагим Тали-бей советовал им прекратить антитурецкие выступления, сохранять спокойствие в Дерсима, обещая взамен благорасположение правительства. Однако, вернувшись в Диярбакыр, генеральный инспектор продолжал предпринимать карательные экспедиции против курдов, что вызывало резкое недовольство последних, особенно в Дерсимае.

Спустя два месяца, в сентябре 1928 г., по настоянию губернатора Али Джемала, Сейт Риза в сопровождении Мехмета Нури (Дерсимли) прибыл в Диярбакыр для решения вопросов, касающихся Дерсима. Но и эта встреча не привела к положительным результатам, поскольку ни одно из требований курдов не было удовлетворено. Поэтому вновь начались антиправительственные выступления дерсимцев.

Провал политики умирения Дерсима привел к разногласиям между Али Джемалем и Ибрагимом Тали-беем, которые стали писать друг на друга жалобы в Анкару.

Анкарские власти встали на сторону Ибрагима Тали-бея, обвинили Али Джемала в том, что он скрывал правду о положении дел в Дерсимае и перевели его губернатором в Чорум.

В начале июля 1929 г. Ибрагим Тали-бей вызвал в Диярбакыр Мехмеда Нури для беседы. В начале беседы он пытался всю ответственность за действия, направленные против племени кочан, свалить на Али Джемала, затем вручил Мехмеду Нури документ, адресованный генеральной инспекции, в котором содержались сведения об антиправительственных действиях дерсимских курдов.

Вручая этот документ, Ибрагим Тали-бей заявил: "Хотя эти известия заслуживают внимания, правительство не верит им... в противном случае оно уничтожило бы дерсимцев. Вы - видный представитель интеллигенции Дерсима. Я посылаю вас туда с тем, чтобы вы сообщили мне о планах и целях населения. Это необходимо ради благополучия вашей страны"⁷⁷.

Мехмед Нури с удовлетворением принял это предложение, поскольку оно позволяло ему вновь встретиться с

Сейтом Ризой. По прибытии в Дерсим, в окрестностях Хозата состоялось собрание, в котором приняли участие Сейт Риза, Мехмед Нури, вождь племени ферхадан Джемшит-ага, глава племени карабалак Кангозаде Мехмет Али и другие курдские руководители. Собрание обсудило создавшуюся обстановку и, принимая во внимание антикурдскую политику турецких властей, решило:

- 1) послать к генеральному инспектору авторитетную делегацию, которая опровергла бы ложь, содержащуюся в указании выше документе;
- 2) принять необходимые меры против возможного вторжения правительственных войск в Дерсим;
- 3) временно прекратить антитурецкие выступления, чтобы не давать анкарскому правительству повода послать войска в Дерсим;
- 4) продолжать работу по объединению дерсимских племен;
- 5) возложить на Баба Ибрагима (сын Сейта Ризы) контроль за проведением в жизнь изложенного выше, сообщать Сейту Ризе о разногласиях, которые могут возникнуть среди племен в ходе выполнения намеченных планов, принять меры по обеспечению курдов оружием и боеприпасами из районов Эрзинджана и Элязиза.

После принятия этого решения, а также других шагов, укрепляющих безопасность курдских племен, курдские руководители направили в Диярбакыр делегацию во главе с шейхом Хасаном⁷⁸ для переговоров с Ибрагимом Тали-беєм.

Шейх Хасан, встретившись с генеральным инспектором, заявил от имени делегации: "Известия относительно дерсимцев, которые вы получили — сплошные выдумки. Мы не знаем никакого сына Абдул Хамида; как известно, он турок, а не курд, поэтому, разумеется, нам ни к чему вмешиваться в проблемы турецкого султаната. Если, выдвигая подобные предлоги, турецкое правительство собирается напасть на дерсимцев и истребить нас, то в этом случае нам нечего сказать"⁷⁹.

Переговоры с курдскими руководителями генеральный инспектор использовал, чтобы скрыть истинные цели турец-

них властей разжигать вражду среди курдских вождей, оправдать готовившиеся провокации против населения Дерсим. Во время прошальной встречи Ибрагим Тахи-бей вручил каждому члену делегации по 1000 лир, а для Сейта Ризы передал 2000 лир и сундук с подарками: сладостями, шелковыми тканями и т.п. Чтобы настроить курдских вождей против Сейта Ризы турецкие власти распространили среди племен слухи, что Сейт Риза получил от них много золота. Они с провокационной целью организовали убийство одного из руководителей племени аббасан Ибрагима аги — зятя Сейта Ризы. Его за 1000 лир убил Хусейн, сын Мечо-аги, депутата ВНСТ первого созыва. В отместку Сейт Риза напал на село убийцы и полностью уничтожил его. Вместе с тем курды начали партизанские набеги на турецкие посты. В этой обстановке из Хакири в Злиязиз был переведен на пост губернатора Дели Фахри. Он получил секретный приказ "усмирить" любым способом Дерсим. Однако, благодаря своей разведке, дерсимские лидеры знали о всех антикурдских мероприятиях правительства. Разведку вели патриотически настроенные молодые курды, работавшие в турецких учреждениях. Презируя опасность, они оказывали содействие освободительной борьбе курдов Дерсима. Благодаря этим патриотам, курдским лидерам было известно содержание переписки между генеральным инспектором и министерством внутренних дел, касавшейся курдской проблемы, что давало им возможность принимать контрмеры ⁸⁰.

9 мая 1930 г. в здании муниципалитета Злиязиз состоялось собрание, на котором присутствовал командующий дивизией Хусейн Хусню-паша, а также ответственные чиновники вилайета. Собрание обсуждало курдский вопрос. В своем выступлении заместитель губернатора Митхат-бей, в частности, сказал, что дерсимцы — это турки, которыми при султанском правлении пренебрегали. Их можно приобщить к общественной жизни Турецкой республики, используя для этого разрешенные законом меры. Этот тезис поддерживали командир дивизии, председатель торговой палаты вилайета Ахмет-бей, председатель муниципалитета Халиль-бей. Однако другого мнения был губернатор Дели Фахри. Он заявил,

что дерсимцы вовсе не турки и с турками не имеют ничего общего. Население Дерсима, которое служит иностранцам и комитету "Хойбу", следует уничтожить. Затем, обращаясь к Митхат-бей, он с пеной у рта выпалил: "Закон, закон! Плевать на ваш закон.. Турецкая нация не ждет от дерсимцев никаких материальных и духовных услуг, в этом убедили турок события последних лет"⁸¹. После этой речи Дали Фахри собрание прервало свою работу.

Спустя некоторое время Дали Фахри вызвал к себе Мехмеда Нури и предложил ему немедленно поехать к Сенту Ризе и передать ему требование немедленно изъявить покорность турецким властям. Однако Мехмед Нури выполнить этот приказ отказался и обратился к вилайетскому прокурору с жалобой на притеснения дерсимского населения, чинимые Дали Фахри. При этом он ссылаясь на конституцию Турецкой республики, которая считает всех родившихся в Турции гражданами турками. На это прокурор заметил, что по конституции и армяне, проживающие в Турции тоже турки, однако политика по отношению к ним осуществляется согласно секретному постановлению. "Формально по конституции ты - тоже турок,- продолжал он,- но в действительности ничем не отличаешься от иностранца...Ты должен знать, что при назначении на самую маленькую должность Управление государственной безопасности проверяет кандидата: турок он, или курд"⁸².

Однако определенные круги в Турции понимали, что одними военными и административными мерами курдскую проблему в Турции не решить. В дополнение к этим мерам они предлагали провести некоторые социально-экономические реформы в Курдистане, что, по их мнению, должно было нейтрализовать курдское освободительное движение.

Как сообщала турецкая печать, в начале июня 1925 г. правительство создало 15 комиссий, которые должны были выехать в восточные вилайеты для изучения проблемы, связанной с разработкой реформ⁸³.

В том же месяце оно приняло постановление о проведении описи движимого и недвижимого имущества населения сел и городов, эвакуированного в результате продвижения

карательных войск, а также о принятии необходимых мер для его сохранения. Собственность лиц, участвовавших в повстанческом движении, после выполнения необходимых формальностей подлежала конфискации и распродаже с торгов⁸⁴.

Турецкая печать обращала внимание правительства на необходимость рассмотрения земельного вопроса в восточных вилайетах. Отдавая должное отмене авара, она отмечала, что одно лишь его уничтожение не принесет никакой пользы крестьянам этого района. Необходимо дать им землю⁸⁵. Видимость заботы о крестьянах восточных вилайетов в первое время демонстрировал и Ибрагим Тали-бей. В середине апреля 1928 г. в одном из своих воззваний он критиковал полное безразличие местных властей к нуждам населения. Крестьяне, — писал он, — жаловались на притеснения, испытываемые ими от феодалов, поэтому надо обратить серьезное внимание на их жалобы. Много раз Ибрагиму Тали-бей приходилось отмечать, как разные лица получали от местных властей документы о владении на земельные участки, находившиеся в законной собственности других владельцев. Поэтому он предлагал срочно возвратить эти участки их законным владельцам. Ибрагим Тали-бей предлагал также властям взимать с жителей налоги в подходящее для населения время⁸⁶.

Еще весной 1927 г. турецкое правительство подготовило проект закона о распределении среди безземельных и малоземельных крестьян земель курдских феодалов, высланных в западные районы. Законопроект ограничивал общий размер участка крестьянина максимально в 200 дёнжмов (около 20 га), включая полученную от помещиков землю. Стоимость участка крестьяне должны были выплачивать помещику двадцать лет⁸⁷. Однако этот проект закона принят не был. Великое национальное собрание лишь спустя два года приняло закон № 1505 о землях, подлежащих распределению среди крестьян восточных районов. Земли предоставлялись за выкуп, который не мог быть выше восьмикратного и ниже двукратного размера стоимости передаваемого участка⁸⁸. В соответствии с этим законом было распределено 70 тыс. дёнжмов земли. В действительности, турецкое правительство закрепило за перешедшими на оседлость племенами земли,

уже находившиеся в их владении, да еще обязало эти племена внести за них выкуп. А, самое главное, правящие круги стремились расколоть освободительное движение курдского народа, перевести на оседлость наиболее беспокойные племена, обложить курдов налогами.

Вместе с тем, в результате проведения в жизнь указанного закона, вытесняло захиточное крестьянство и ростовщики, так как бедные крестьяне, получив землю за выкуп и не имея возможности обработать ее, как правило, попадали в экономическую кабалу к кулацким элементам.

1 января 1930 г. турецкое правительство приняло постановление о принудительном переселении курдов района Дерсим в долины вилайета Элязиз. Вся недвижимость в оставленных районах переселявшихся курдов подлежала конфискации. Кроме того, курды должны были уплатить за выделенные им земельные участки. Недовольные жители Дерсима отказались покинуть свои дома. Тогда Совет министров принял решение засчитать стоимость недвижимости собственности, принадлежавшей переселяемым курдам, в уплату за предоставленные им земельные участки⁸⁹.

Подобные верхушечные "реформы", не затрагивавшие радикально социально-экономических основ курдского общества, не только не ослабляли недовольства масс, но, наоборот, усиливали его.

Турецкие власти все свои усилия направляли на то, чтобы подавить освободительные устремления курдского народа. В этих целях проводились мероприятия по разоружению курдских племен. Турецкие военные власти обязали всех курдов сдать оружие, но поскольку не все его имели, то они были вынуждены покупать оружие на стороне и сдавать его властям, чтобы не подвергнуться репрессиям.

В результате в зоне Первой генеральной инспекции было собрано 30 тыс. маузеров и 160 тыс. единиц другого оружия⁹⁰. При этом турецкие жандармы не останавливались ни перед какими жестокостями. В этой связи заслуживает внимания следующий факт.

В 1932 г. в Дамаске, в гостинице "Континенталь" видный курдский деятель Джеладет Бедирхан встретился с вен-

герским корреспондентом, который во время изъятия турками оружия у курдов побывал в Курдистане. Корреспондент рассказал: в одной из курдских деревень он познакомился со стариком 102-х лет. Когда он однажды приехал к старичку, тот не смог встретить своего гостя как обычно. На вопрос: "Что случилось?"— старик ответил: "Две недели назад жандармы пришли в нашу деревню, чтобы изъять оружие. Мы все оружие сдали... Жандармы связали всех наших молодых односельчан, увезли с собой. Меня повалили, жестоко избili, дали сорок ударов плетью... Я потерял сознание, с тех пор я не могу встать с постели". "Почему же тебя избili?"—спросил гость. Старик ответил: "Потому что я —курд, а Кемаль-паша не желает, чтобы в стране жили курды"⁹¹.

В то же время, правящие круги несмотря на свои неоднократные обещания, не провели ни одного мероприятия, которое способствовало бы ослаблению экономического и социального гнета в Курдистане, развитию этого района, который по существу был турецкой колонией. Восточные вилайеты были местом ссылки "провинившихся" турок. В 20-е годы тяжелые нищенские условия жизни вынуждали многих, особенно зимой, совершать мелкое преступление, чтобы попасть в тюрьму "на казенный хлеб". Чтобы помешать этому власти постановили в январе 1928 г. отправлять таких "преступников" не в тюрьму, а в восточные вилайеты для использования их на принудительных работах⁹².

Курдские районы для турецкой администрации были одними из основных районов, где собирались налоги. Зона Первой генеральной инспекции, включавшая в те годы 10 вилайетов, ежегодно вносила в общий бюджет примерно 6,5 млн. лир⁹³, а сама эта зона не получала от правительства почти никаких ассигнований на свои нужды. В этой зоне с населением в 900 тыс. человек было всего 3 работника здравоохранения и 17 врачей, имелись 6 аптек. В столь же жалком положении находилось и просвещение. В 1927/28 учебном году в зоне Первой генеральной инспекции насчитывалось 104 начальных и 5 средних школ, в которых обучалось 7690 школьников⁹⁴.

В начале 1930 г. в вилайетах с турецким населением обучалось 33 % всех детей, а в вилайетах с курдским населением — 2,5%⁹⁵. Из 720 деревень вилайета Диярбакир лишь в 30 были школы (и то турецкие), укомплектованные преподавателями. В 428 деревнях вилайета Муш не было ни одной школы. Зато в 58 уездах зоны Первой генеральной инспекции было 336 жандармских постов⁹⁶.

Как же правящие круги стремились решить социально-экономические проблемы восточных вилайетов ?

"Как мне стало известно от одного лица, имевшего отношение к этим вопросам, — пишет Ш.С.Айдемир, — тогда наблюдалась тенденция улучшения наших отношений с Италией Муссолини. Правительство надеялось получить от Италии заем в 30 млн. лир. Говорили, что премьер-министр Исмет-паша обещал Ибрагим Тахи-бею направить все эти средства на развитие восточных вилайетов. Однако Муссолини отказал в займе и восточные вилайеты ничего не получили", — заключает Ш.С.Айдемир⁹⁷.

Этот факт свидетельствует о том, насколько несерьезны были планы турецкого правительства, касавшиеся развития курдских районов страны.

Деятельность Первой генеральной инспекции не решила ни одного из аспектов курдской проблемы, она не удовлетворяла по существу интересов ни одной из социальных групп курдского общества: ни оседлых крестьян, ни кочевников, ни курдской интеллигенции, ни торговой буржуазии, ни феодалов-помещиков и тем самым не устранила их недовольства политикой анкарских властей. В конце 20-х годов это недовольство привело к новому антитурецкому восстанию в районе Арарата.

Восстание в районе Арарата (1927-1931 гг.)

Подавление восстаний племен, разоружение их, судеб-но-административные меры, подкуп отдельных курдских вождей, насильственная ассимиляторская политика — так называемая туркизация всех сторон экономической и социально политической жизни страны, не могли решить курдскую проблему.

Основные причины восстаний курдского населения — бесправие курдов, национальный гнет, обнищание крестьян, находившихся в тяжелой зависимости от своих феодалов — шейхов, ага и вождей, резкое падение жизненного уровня курдов в результате бесчисленных карательных экспедиций не были устранены. Усилился административный произвол, тяжелее стал налоговый пресс. Все это усугублялось экономическим кризисом, который обострил все противоречия и ухудшил и без того тяжелое положение трудящихся курдов.

Нежелание и неспособность властей устранить причины курдских восстаний, влекли новые взрывы, усиливали национально-освободительные устремления курдов.

Во второй половине 20-х годов турецкий Курдистан был охвачен партизанским движением. Мелкие отряды курдских партизан нападали на жандармские посты и другие правительственные учреждения, убивали турецких чиновников.

Осенью 1926 г. племена джелали, хасанан, джибран и хайдаран, отступив в районы Арарата, подняли новое восстание, которым руководил Берхо из племени джелали ⁹⁸.

Летом 1926 г. курдские партизаны в районе Баязита (Догубаязита) разгромили 28-й турецкий пехотный полк.

В 1927 г. северные районы турецкого Курдистана были охвачены новым восстанием. К концу весны этого года правительственные войска, численностью до 10 тыс. штыков, начали наступление против повстанцев Арарата, Игдыра и Баязита (Догубаязита). В результате ожесточенных боев турки потеряли убитыми около 2000 солдат и офицеров. Курды захватили 400 пленных, 12 орудий, 36 пулеметов и много другого вооружения ⁹⁹.

Осенью курды разгромили гарнизон Баязита и захватили в плен 10 офицеров и 45 солдат. Восстание стало распространяться на районы Вана, Малазгирта, Муша, Битлиса, Сирта. Турецкое командование было вынуждено послать своим частям подкрепления. Во многих названных районах турецким властям с большим трудом удалось подавить повстанческое движение.

Однако в течении 1928—1929 гг. курды, преследуемые правительственными войсками, начали концентрировать

свои силы в труднодоступных горных районах востока страны. Главным убежищем курдов стала гора Арарат. Здесь в ущельях находили убежище активные бойцы за национальное освобождение курдов, потерпевшие поражение в открытой неравной борьбе с правительственными войсками. К концу 20-х годов седловина между Большим и Малым Араратом, именуемая турками Кире, стала главным очагом и базой курдского повстанческого движения¹⁰⁰.

Восстание в районе Арарата было подготовлено военно-политическим комитетом "Хойбун" ("Независимость") - курдской националистической организацией.

Комитет "Хойбун" был создан в августе 1927 г. на съезде курдских организаций¹⁰¹. В него вошли члены таких курдских организаций, как "Курдистан теали джемнети", "Курд тешикляти джемнети", "Курд миллет фыркеси" и "Комитэ де л'эндешпанданс курд"¹⁰².

На съезде, кроме руководителей этих курдских организаций, присутствовали также некоторые главы племен и другие курдские патриоты. Съезд проходил тайно в течение 45 дней. За это время он всесторонне обсудил основные вопросы, связанные с дальнейшей борьбой курдского народа в Турции. Каждый член комитета "Хойбун" принимал "Клятву братства", давая обещание бороться за единство всех курдов во имя создания независимого Курдистана¹⁰³.

Участники съезда разработали программу новой "партии" "Хойбун". Эта программа ставила задачу "борьбы против турок до эвакуации последнего турецкого солдата с курдской священной земли" (ст.2). Она уделяла особое внимание вопросу создания специальных курдских отрядов, обучению и вооружению их "самым современным оружием". Все курдские отряды должны были подчиняться "единому военному командованию", центр которого находился бы в одном из горных районов Курдистана (ст.3).

Программа "Хойбун" предусматривала установление дружественных отношений с некоторыми соседними странами. Так, "Хойбун" должен был "установить постоянные братские и дружественные связи с иранским правительством и братским иранским народом" (ст.4)¹⁰⁴. Особое внимание "Хой-

бун" уделял пропаганде курдского вопроса за пределами Турции. С этой целью он создал несколько филиалов за границей, а именно: в Сирии, Ливане, ряде стран Европы и в США. Вместе с тем, в программе "Хойбун" ни слова не говорилось об установлении сотрудничества с турецким народом. В этом проявилась ограниченность курдского национализма, который сыграл отрицательную роль в подборе курдскими руководителями союзников.

С одной стороны, "Хойбун" требовал независимости турецкого Курдистана, с другой — он, казалось, был доволен положением курдов в Ираке¹⁰⁵ и Сирии и потому не выдвигал для них никаких других политических прав, кроме тех, что были записаны в документах Лиги Наций¹⁰⁶.

Националистическая ограниченность программы в известной мере сужала круг союзников "Хойбун". Практически эту организацию поддерживала лишь зарубежная армянская буржуазно-националистическая партия дашнаков, авантюристическая политика которой принесла много бед армянскому народу.

Излагая свой взгляд на причины курдского восстания, турецкие официальные круги и пресса пытались представить дело так, будто в восточных вилаятах царил бы мир и благополучие, если бы не антитурецкая деятельность агентов империализма, в список которых попала и партия "Хойбун". В ответ на эти обвинения турецких правящих кругов, эта партия опубликовала в апреле 1928 г. заявление, в котором говорилось: "...Хойбун" не является политическим оружием какой-либо иностранной державы... Единственная цель "Хойбуна" — освобождение курдского народа от турецкого ига, превращение Курдистана... в независимое государство. Осуществляя эту главную задачу, "Хойбун" полагается на собственные силы"¹⁰⁷.

Тем не менее в связи с событиями в районе Арарата в Анкаре вышла официальная "Зеленая книга" ("Хойбун — Дашнак") по курдской проблеме. В предисловии к этой книге говорилось, что она имеет целью сообщить мировому общественному мнению документальные данные по этому вопросу. В книге проводилась мысль о том, что после подавле-

ния восстания 1925 г. курдское движение возобновилось вследствие сотрудничества между двумя подпольными организациями: "Хойбун" и дашнаков.

И действительно, подготовку восстания вел комитет "Хойбун" с участием армянских буржуазных националистов-дашнаков.

Следует иметь в виду, что партия дашнаков еще с 1925 г. стала мобилизовать армянскую общественность за рубежом вокруг курдского движения. Более того, в том же году по инициативе бюро партии "дашнакпутун" был представлен меморандум международному конгрессу по курдскому вопросу в Марселе.

В свою очередь "Хойбун" пропагандировал в курдских массах необходимость армяно-курдской дружбы. Так, в 1927 г. первый съезд "Хойбуна" в политической декларации о своих задачах заявил следующее: "Съезд объявил, что Армения и Курдистан, веками населенные этими двумя народами, отказываются подчиняться какому бы то ни было государству и стремятся к своей независимости. Съезд объявляет, что эти две страны принадлежат только армянскому и курдскому народам"¹⁰⁸.

Касаясь этой декларации, один из лидеров курдского движения Сурейя Бедирхан в 1928 г. писал:

"В октябре 1927 г. "Хойбун"...от имени курдского народа и представителей армянского народа, объединенных солидарностью против общего врага - Турции, осуществил всеобщее примирение. От имени моей нации я выражаю отважному армянскому народу глубокую симпатию и заверяю его в уважении его законного национального стремления, каковым является независимая и объединенная Армения"¹⁰⁹.

В условиях подготовки и начала курдского восстания в районе Арарата это примирение между руководителями курдских и армянских буржуазно-националистических организаций было знаменательным. Однако это свидетельствовало не столько об их дальновидности, сколько об их ненависти к турецким ассимиляторам.

В то же время, говоря об "армянском народе", руководители "Хойбуна" могли разуть лишь дашнаков, ибо с

лозунгами "великой" или "объединенной Армении" выступали дашнаки, а не армянский народ, который в тот период под знаменем советской власти уже строил свою социалистическую Армению.

Тем не менее с каждым годом партия "дашнакпутин" усиливала шумиху вокруг курдского движения. В апреле 1929 г. на XI съезде своей партии дашнаки приняли обращение, в котором говорилось: "Съезд особенно приветствует восстание курдов против турок. Съезд считает, что это движение необходимо для разрешения армянского и курдского вопросов и привлекает внимание и сочувствие сознательного армянства к этой несравненной и героической борьбе"^{II0}

При этом дашнаки подводили "теоретическую" базу под отношение к курдскому движению. Они увязывали свою задачу с лозунгом "независимой Армении". Это "обоснование" шло следующими путями: 1) курдское движение разжигается на территории "турецкой" Армении, поэтому всякий армянин, интересующийся судьбой своей родины, должен сочувствовать курдскому движению; 2) антитурецкая борьба курдов мешает размещению в "турецкой" Армении турок-мухаджиров, которые представляют "большую опасность" для армянского народа; 3) создание независимого Курдистана помешает осуществлению пантюркистских устремлений Турции; 4) курдское движение ослабляет Турцию и тем самым создает предпосылки для борьбы за "независимую объединенную Армению"^{III}. Эти соображения объясняют демагогическую политику дашнаков в курдском освободительном движении в районе Арарата.

Араратское движение возглавил видный курдский патриот Ихсан Нури, который был послан в район восстания комитетом "Хойбуз" в качестве чрезвычайного военного представителя.

Будучи умелым военным организатором, он сумел реорганизовать силы вождя племени джелали Ибрагима Хаски (Хасике) из Телло, известного под именем Ибрагим-паша, а также создать в 1927 г. основы курдского государства^{II2}. Была сформирована гражданская администрация, которую возглавлял Ибрагим-паша. Повстанцы издавали курдскую

газету "Агры" ("Пламенный"), имели свое знамя. Касаясь этого движения курдов, прогрессивный автор С. Гаван пишет: "Это восстание представляет особый интерес ввиду его высокой организованности, достигнутой объединением небольших курдских групп в конгрессе Агры-дага. В то время эта организация ближе всего подошла к единой массовой организации"¹¹³.

Постепенно повстанцы стали расширять зону восстания. В этих условиях турецкие власти, как и раньше, стали на путь лавирования и предложили Ихсану Нури начать мирные переговоры.

В середине мая 1928 г. турецкий меджлис создал "примирительную комиссию, в которую вошли 12 депутатов и несколько должностных лиц из восточных вилайетов. Эта комиссия встретила с курдской делегацией во главе с Ихсаном Нури в местечке Шейхли-Кёпрю (на нейтральной зоне, отделявшей повстанцев от турецких войск). Члены комиссии заверили Ихсана Нури, что правительство объявит всеобщую амнистию курдам, а ему предложили высокий пост в государстве. Взамен этого курды должны были сдать турецким войскам.

Курдская делегация отвергла предложения "примирительной" комиссии. При этом она подчеркнула, что единственным условием прекращения борьбы может быть признание Турцией национальных прав Курдистана. Переговоры в местечке Шейхли-Кёпрю закончились безрезультатно¹¹⁴.

Спустя некоторое время генеральный инспектор восточных вилайетов Ибрагим Тали-бей направил личное письмо Ихсану Нури, в котором обещал ему высокий чин в турецкой армии, большое денежное вознаграждение, если он прекратит антитурецкую борьбу. В ответном письме Ихсан Нури еще раз подчеркнул, что организацией "Хойбун" он назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами курдов и будет вести борьбу до полного освобождения Курдистана от турецкого гнета¹¹⁵.

Вместе с тем, Араратская администрация, комитет "Хойбун" начали усиленную кампанию против так называемой амнистии курдов, разоблачая цели турецкого прави-

тельства. В 1928 г. Араратская администрация направила племенам восточных вилайетов письма, в которых разъяснялась политика Анкары в отношении курдов, а также суть правительственной амнистии. В заключение она объявляла членом организации "Хойбун", воспользовавшихся амнистией, изменниками родины¹¹⁶.

Пытаясь вовлечь в восстание другие курдские племена, Араратская администрация в 1928-1929 гг. создавала отряды в 15-25 человек и направляло их в районы Зилиян, Ван, Буланг, Малазгирт, Муш, Кагызман, Хынис, Карс и др. Эти боевые отряды совершали партизанские набеги на правительственные войска, учреждения, полицейские посты. В январе 1930 г. Ихсан Нури-паша опубликовал в газете "Агры" статью, в которой призвал всех курдов оказывать помощь повстанцам оружием и продовольствием¹¹⁷.

В то же время Араратская администрация распространила среди курдов Турции, Ирана, Ирака и Сирии воззвание с призывом объединиться в борьбе за освобождение от турецкого гнета. Копия его была послана в Лигу Наций. "Братья курды, - говорилось в воззвании, - вы должны быть достойными стать великой нацией. Как вы, благородный народ, можете жить рабами, зависеть от турок, когда все другие нации достигли своей независимости... Соединяйтесь в борьбе. Мы начали освобождать от турецкого ига своих братьев, чтобы освободить земли, принадлежавшие нам многие века"¹¹⁸.

К началу 1930 г. практически все северо-восточные вилайеты находились под властью курдов. В этих условиях правительство Анкары мобилизовало значительные военные, технические и материальные силы для подавления восстания.

Однако снаряженный турецким командованием карательный отряд против повстанцев Кире 6 апреля 1930 г. был разбит курдами. Провалились попытки кемалистов использовать против восставших другие курдские племена. Напротив, Араратский очаг курдского восстания начал расширяться. Это сильно встревожило руководителей Анкары.

Официоз "Миллиет" 1 июля 1930 г. вынужден был заявить, что "всякое известие о волнении на Востоке создает за границей неблагоприятное впечатление о порядках в

Турции и о силе турецкого правительства". В свою очередь, оформившаяся к тому времени оппозиционная либерально-республиканская партия во главе с Фетхи-беєм пыталась использовать курдские события, чтобы показать несостоятельность и банкротство всей внутренней политики кабинета Исмет-паша. Более того, некоторые депутаты ВНСТ требовали от Исмет-паша прекратить "эту братоубийственную войну" и признать национальные права курдов. При этом они подчеркивали, что все войны, которые велись в Османской империи против нетурецких элементов только отталкивали этих последних от империи¹¹⁹. Тем не менее турецкое правительство пошло по пути мобилизации больших сил и средств для разгрома повстанцев. Турецкое командование, получив подкрепление, начало подготовку к военным действиям. После ожесточенных боев, длившихся около месяца, правительственные войска потерпели поражение. Они оставили в руках курдов 2 тыс. пленных, 60 пулеметов, 24 орудия. Было собито 12 самолетов¹²⁰.

По данным зарубежных источников, восстание распространилось на вилайеты Битлис, Диярбакыр, Ван и Боктан. Все это серьезно встревожило турецкие власти, которые довели численность своих войск в районе восстания до 45-60 тыс. человек¹²¹.

Правительственными частям при поддержке авиации удалось в июне 1930 г. оттеснить курдов в горные ущелья на ирано-турецкой границе. Но курды из пограничного района Маку (Иран) выступили на помощь повстанцам и появились в тылу правительственных войск. Создавшаяся угрожающая обстановка вынудила турецкое командование снять временно осаду Кире и перебросить войска для подавления нового, быстро расширявшегося очага курдского восстания, который уже охватил районы Башкала, Сарай, Бегрикала, Арджин, Патноц, Ван, Зилан и другие, где проживали около 100 тыс. курдов, выставивших до 10 тыс. бойцов. Для ликвидации этого восстания, во-многом напоминавшего события 1925 года, турецкое командование бросило крупные войсковые части. Операции по подавлению восстания продолжались месяц и были завершены лишь к концу июля.

В ряде боев турки смогли не столько разгромить, сколько рассеять повстанческие отряды в горах.

Началась жестокая расправа над курдами. Турки, как правило, истребляли всех заподозренных в восстании. По сведениям самих турецких властей, было убито свыше 3-х тысяч курдов. В одной Зиланской долине было вырезано 1550 человек. В районе Арджина было сожжено 200 деревень. На территории Патноца не уцелело ни одной деревни. Турецкие войска отняли у курдов скот и угнали его¹²². В то время как турецкие войска проводили операции в Ванском районе, курды Кире атаковали турецкие слабые заслоны близ Аралыха. 14 июля повстанцы напали на турецкую роту у Аралыха, которая, спасаясь бегством, вынуждена была перейти границу СССР в районе Камарлу¹²³.

Сражения между курдами и правительственными войсками еще продолжались, но уже 12 июля Анатолийское телеграфное агентство сообщило: "Военные операции против банд закончены. Мятежники уничтожены. Повстанческое движение чисто реакционного характера, возникшее в округе Зилан и поднятое значительными вооруженными бандами, пришедшими 10 июня из Персии, окончательно подавлено. Мятежники направляли свое нападение главным образом против окружных центров: Мурадие, Баязат, Патноц, Аржих и др. Выступление повстанцев в ряде других местностей, где не было военной охраны, разбилось о сопротивление крестьян, которые сами организовали оборону. Мятежники не учли того, что население верно республиканскому режиму.

Попытки руководителей банд, пришедших из Персии, потерпели неудачу. Карательная экспедиция, предпринятая против мятежников 5 июня, закончилась 10 июня полным успехом. Общее количество мятежников превышало полторы тысячи человек, причем большая часть из них пришла из Персии"¹²⁴.

Это сообщение совершенно не соответствовало действительности, так как еще 20 июля 1930 г. в районе Вана происходили серьезные бои. Сознательно уменьшена и численность повстанцев. Факт, что для подавления повстанцев, которых по утверждению турецкого командования было не более 1500 человек, ему не понадобилось бы мобилизо-

вать свыше 50-ти тысяч солдат и офицеров. Казенным оптимизмом было наполнено и утверждение о верности республиканскому режиму крестьян, которые якобы "сами организовали оборону". Это утверждение никак не вяжется с воззванием генерального инспектора восточных вилайетов Ибрагима Тахи-бея, в котором тот грозил "строго наказать жителей пяти деревень, помогавших "бандитам"¹²⁵.

Наконец, неправильно и утверждение, что большинство повстанцев перешло из Ирана.

В июле 1930 г., когда турецкое командование начало широкое наступление на район восстания, несколько курдских отрядов из Сирии и Ирака всего около 1000 бойцов перешли границу и проникли в горные районы Мардина и Мидьята, а также в долину Суруч¹²⁶. Однако они не смогли сколько-нибудь облегчить положение повстанцев в районе Арарата и под натиском превосходящих сил кемалистов были вынуждены покинуть эту территорию. Расправившись с курдами в этих районах, турецкое командование начало концентрировать свои войска в районе Кире, где насчитывалось около 3-х тыс. курдских бойцов.

Чтобы выйти в тыл повстанцев и обеспечить их окружение турецкие войска вступили на территорию Ирана. Вначале иранцы не соглашались на это. К тому времени ирано-турецкая комиссия по разграничению границ еще не окончила свою работу. Поэтому поводов для взаимных претензий было много. Так, газета "Джумхуриет" 30 июня сообщала:¹²⁷
"Из Баязита телеграфируют, что банды, совершавшие периодические набеги на район Агры для кражи скота, 10 июня были застигнуты турецкими военными самолетами и вынуждены отступить за границу. Бандиты, совершавшие набеги из Ирана на пограничную деревню Ханик, также изгнаны на иранскую территорию. Отряд в 100 всадников во главе с вождями племени, бежавшего в Иран, проник в ночь на 20 июня из иранской деревни Кемаль на турецкую территорию в гористом районе Зилиян, где установил контакт с племенем хайдеравлы. Бандиты уже в течение недели пытались вербовать там сторонников. Им не удалось продвинуться дальше этой маленькой зоны, откуда они бежали под на-

тиском кандагарских частей"128.

В то же время в турецкой печати появились заметки и статьи, пытавшиеся обвинить Иран в попустительстве курдским повстанцам, в недружественном отношении к Турции. Так, турецкий офицер "Хакимети миллие" писала: "Нынешнее движение характеризуется тем, что оно вызвано не местными элементами, а вооруженными бандами из-за наших границ. Турецкое общественное мнение не может понять, каким образом на территории соседнего государства могли организоваться многочисленные банды с целью набегов на нашу территорию и каким образом эти банды после перехода границы могли сохранить связь со своей центральной организацией?"129.

А газета "Республик" писала в угрожающем тоне: "Если Иран не в состоянии сам дать урок бандитам, вооружающимся на его территории, то он не имеет права возражать, если этот урок дадут другие"130.

Однако напрасно турецкая печать сетовала на политику Ирана. Еще в мае 1930 г. иранское правительство разрешило турецким войскам пройти через иранскую территорию и зайти в тыл восставшим. Воспользовавшись этим, турецкие части, двигаясь по маршруту Базырган-Ярымкая-Айбек-Донбат-Кире, перерезали коммуникации курдов. Наступление турок на Кире при активном содействии авиации продолжалось с 5 по 15 сентября 1930 г.

В ряде столкновений курды смогли отразить натиск турецких войск. Однако в результате численного и технического превосходства кемалистов курды начали покидать Кире и укрываться в малодоступных горных районах Арарата. После подавления этого очага восстания газета "Миллиет" поместила иллюстрацию: на горе Арарат - могила, на могильном камне - курдская папаха. На камне надпись: "Здесь похоронен воображаемый Курдистан"131. Подобная карикатура отражала лишь вкусы турецкого журналиста, но не истинное положение курдов, которые, несмотря на широкие репрессии, продолжали борьбу за удовлетворение своих национальных прав. Продолжая политику геноцида, турецкие войска уничтожили несколько сот курдских бой-

цов. Они беспощадно уничтожали захваченные курдские семьи, не исключая стариков, женщин и детей.

Касаясь событий этого периода, а также политики кемалистов в курдском вопросе, Ш.С.Айдемир писал: "Отказ в проведении экономической и социальной реформы после восстания 1925 года привел к новому бесплодному пролитию крови. На этот раз беспорядки начались в районе Агры. Произошли кровавые события, повлекшие большие жертвы. Кругом господствовали голод и нищета. И тем не менее все проблемы пытались решить административными и военными мерами"¹³².

Об этой же политике кемалистов по отношению к курдам С.Гаван писал позже: "В деревнях заживо сжигали и убивали...детей, стариков и женщин. Мужчины в большинстве случаев погибали в сражениях или бежали в горы. Турецкое правительство все более интенсивно проводило свою политику систематического уничтожения курдов и их отуречивания. Курдов тысячами высылали в Западную Анатолию. Курдский язык официально был запрещен, а курдские издания конфискованы и сожжены. Даже слово "курд" и "Курдистан" были исключены из всех учебников; отныне курдов должны были называть "горными турками". Курдистан изолировали от остального мира, и доступ туда для иностранцев был закрыт"¹³³.

Жестокая расправа над курдскими повстанцами дала повод дашнакам усилить мобилизацию общественного мнения Европы и Америки вокруг курдского движения. Они передавали буржуазной прессе сведения о событиях в Курдистане, выступали с докладами и собирали средства для помощи курдским повстанцам.

Дашнаки неоднократно обращались в Социалистический интернационал. В одном из докладов его Исполбюро они демагогически писали: "Капиталистические государства на кровавые события отвечают молчанием и остаются в роли молчаливых наблюдателей. Они предадут забвению Севрский договор, в котором говорится об автономии Курдистана"¹³⁴.

Интерес представляет ход обсуждения на заседании Исполбюро Социалистического интернационала (на пленуме

22-25 августа 1930 г. в Дирхе) по курдскому вопросу и принятое этим бюро решение. Заслуживает внимания полемика, которая происходила на пленуме между его участниками, а также доводы, приводившиеся ими.

В докладной записке, представленной Исполбюро, говорилось: "Для нашего Интернационала курдский вопрос представляет особую важность с той точки зрения, что оставление его неразрешенным угрожает делу мира на Ближнем Востоке.. Агенты Коминтерна стараются подчинить своему влиянию курдское движение... попытки их имеют шансы на успех, так как курды чувствуют себя покинутыми всем миром. Выражение к курдам сочувствия нашим Интернационалом было бы большим подспорьем для людей, которые заняли в Курдистане враждебную позицию по отношению к московскому Интернационалу". Отвечая докладчику, председатель исполкома де Брукер говорил: "Мы заслушали этот интересный доклад и теперь можем перейти к его обсуждению. Однако, прежде чем предоставить слово товарищам, я бы хотел отметить затруднения, которые представляются нам при выяснении нашей позиции в курдском вопросе. Первое затруднение заключается в том, что ... мы должны признаться, что мышление, привыкшее к европейским делам, с трудом усваивает вопросы, которые, являясь продуктом неевропейского уклада, принимают необычные для нас формы. Второе затруднение заключается в том, что мы опасаемся как бы курдское движение не охватило массы Ирака, Персии и Сирии, не подало бы повода к международным осложнениям между заинтересованными державами". "Правда,- продолжал обеспокоенный за интересы империалистов, а не курдов де Брукер,- нам указывают, что сегодня курдское движение направлено исключительно против Турции, но кто может поручиться, что завтра оно не распространится в указанных странах... Третье затруднение имеет для нас принципиальное значение. Интернационал, являясь защитником права самоопределения наций, в то же время каждый раз высказывался в том смысле, что он против того, чтобы это право добывалось при помощи оружия и кровопролития... Не нарушим ли мы,-воскликнул де Брукер,- нашу принципиальную позицию, если будем

поощрять кровавую борьбу курдов? Четвертое затруднение — это вопрос о том, каким образом мы можем помочь курдам. Самый целесообразный способ — это воздействовать на Турцию при помощи Лиги Наций. Однако вы все знаете, насколько слаба эта международная организация для подобного воздействия... Я не могу понять — какое практическое значение может иметь наше вмешательство в курдский вопрос?"

Отвечая де Брукеру, докладчик так аргументировал необходимость вмешательства: "Я уже несколько раз имел случай подчеркнуть ту громадную разницу, которая с этой точки зрения существует между нашим и III-м Интернационалом. В то время, как последний не только внимательно следит за каждым национальным движением, но и создает такие там, где их нет, даже в самых глухих уголках земного шара, мы даже не берем на себя труда предварительно ознакомиться с каким-либо национальным движением до тех пор, пока оно не представляет угрозу делу мира".

В прениях выступил б.меньшевик Абрамович. С пафосом произнеся несколько "левых" фраз, он заключил: "Естественно, что о независимости Курдистана мы не можем высказаться, так как, с одной стороны, нам неизвестна воля в этом вопросе курдских трудящихся, с другой стороны, мы не знаем как отразится независимость турецкого Курдистана на взаимоотношениях соседних государств, т.е. иначе говоря, Англии и Франции"¹³⁵.

В итоге из выступлений участников пленума бюро Социтерна вытекало, что в принципе они не против восстания курдов против турецкого правительства, но они, видите ли, боятся того, что будут задеты интересы империалистических держав Запада.

Геноцид в отношении курдов, проводимый турецкими правящими кругами, был настолько чудовищным, что даже Исполнительное бюро интернационала "протестовало" против этих зверств. В резолюции, принятой в августе 1930 г. говорилось следующее: "Исполнительное Бюро... обращает внимание мирового общественного мнения на убийства, посредством которых турецкое правительство хочет не только уничтожить курдов, сражающихся за свою незави-

симость, но и истребить мирное курдское население, которое не принимало участия в восстании. Этими мерами турецкое правительство пытается подготовить курдскому народу участь армян"¹³⁶.

Однако эти "протесты" и заявления социал-реформистов, вызванные главным образом тактическими соображениями, естественно, не могли изменить трагическую участь курдов, уготованную реакционными кругами Турции.

В период курдского восстания турецкая буржуазия усилила шовинистическую ассимиляторскую политику в отношении национальных меньшинств страны.

30 августа того же года премьер-министр Исмет-паша, выступая на открытии железной дороги в Сивасе, подчеркнул: "Только турецкая нация может предъявить требования на этнические и расовые права в этой стране. Никакие другие элементы на это не имеют права"¹³⁷.

Еще более откровенно выступил министр юстиции Махмут Эсат-бей перед своими избирателями в Одемише: "Мы живем в Турции, самой свободной стране в мире. Вы депутат, со всей искренностью говоря о своих убеждениях, не мог бы найти лучшей аудитории. Поэтому я не стану скрывать свои чувства. Турок — единственный господин, единственный хозяин страны. Не чистые турки по происхождению имеют в этой стране только одно право: быть слугами, быть рабами. И пусть эту истину помнит и друг, и враг, пусть ее знают даже горы"¹³⁸.

Подобные заявления представителей правящих кругов служат ярким подтверждением шовинистической политики в отношении национальных меньшинств вообще и курдского народа в частности. В том же духе выступала и турецкая пресса. 10 августа 1930 г. газета "Хакимети миллие" писала: "Никто не сомневается, что мы считали подобные требования (о независимости Курдистана.—М.Г.) со стороны этой орды диких зверей...чистой шуткой. Для народа, словарь которого ограничивается всего лишь двумястами слов... единственным уголком для административной автономии является центр Африки или одна из ее пустынь, населенных полулюдьми-полуобезьянами. Но Азия, колыбель

древнейших цивилизаций, не может допустить подобных претензий. Те, кто позволяет себе желать этого, заслуживает во имя всеобщей безопасности быть раздавленными, и с ними, впрочем, так и поступают"¹³⁹.

На открытии ВНСТ 1 ноября 1930г. Мустафа Кемаль, анализируя внутривластическую обстановку, заявил, что события, происшедшие на востоке Турции (он имел в виду восстание курдов) "угрожали нашей независимости"¹⁴⁰.

Таким образом, борьба курдского народа за удовлетворение своих национальных прав рассматривалась турецкими правящими кругами как посягательство на независимость Турции.

В свете изложенного, не трудно понять, почему курды всеми силами стремились избавиться от турецкого господства.

События у Арарата дали турецким властям повод обрушиться на дерсимцев, значительная часть которых (племена Сеита Ризы и племена қочелая) весной 1930 г., стремясь поддержать восстание у Арарата, начала продвижение к Эрзинджану. Это вызвало серьезное беспокойство турецкого правительства. Было решено принять меры по подавлению племен Дерсима. Это было возложено на начальника генерального штаба турецкой армии маршала Февзи-пашу.

В соответствии с решением правительства Министерство национальной обороны направило командованию корпусом в Эрзинджане приказ, в котором говорилось: "следует наказать население деревень Ашгирик, Дагбей и Харси волости Данзиг (уезд Пиллмюр), которое отказывается платить налоги, давать рекрутов, а также проявляет неуважение к другим законным мероприятиям правительства"¹⁴¹.

Такое же распоряжение получил губернатор вилайета Эрзинджан от Министерства внутренних дел.

Против курдов было направлено 10 пехотных батальонов при 15 орудиях, 10 самолетов, а также жандармские силы соседних вилайетов¹⁴².

Командовал турецкими войсками начальник штаба Третьей армейской инспекции генерал-майор Рюкю-бей. Несмотря на численное и техническое превосходство, турецкие

войска встретили упорное сопротивление курдов уезда Пилымор. Тогда командующий Рюшту-бей подкупом некоторых курдских вождей добился сформирования из курдских племен Эрзинджанского и Эрзурумского вилайетов милицейских сил, знавших хорошо местность, и расположив их в авангарде турецких войск начал наступление против курдов Пилымора. 26 октября 1930 г. правительственные войска вошли в волостной центр Аданзиг. На следующий день они сожгли деревни Дагбей, Харсы и Ашгирик (уезд Пилымор)¹⁴³.

В тот же день дерсимцы перешли в контрнаступление, в результате которого II-й батальон турок со своим командиром Сыры-беем сдался в плен курдам. Этот успех был достигнут благодаря помощи, которую оказали курдам этого района Семт-Риза, племена бриман, хайдеран, демнан¹⁴⁴.

7 ноября 1930 г. к войскам Рюшту-бея присоединилась Третья дивизия под командованием Омера Халис-паши, которая возвращалась из Араратского района восстания. Турецкие каратели начали новое наступление против курдов. Ценой больших потерь им удалось занять и разрушить деревню Гюрк. Однако большего они не смогли добиться. В своем докладе Омер Халис-паша хвастливо отмечал: "Число бандитов, сумевших укрыться в ущельях и снегах, не превышает 40. Во время стычек II и 12 ноября бандиты потеряли около 100 человек, что вынудило их рассеяться"¹⁴⁵.

Несмотря на это хвастливое заявление, мужественное сопротивление курдов в зимних условиях вынудило турок и на этот раз отступить. После ухода турецких войск курды стали возвращаться в свои деревни.

"Курды, очаги которых были сожжены и уничтожены, — писал Али Кемали, —...вернулись на свои места и соорудили свои простенькие жилища, состоявшие из четырех стен и крыши, и стали жить в условиях, которые почти не отличались от прежних"¹⁴⁶.

Несмотря на тяжелые условия жизни и борьбы, события в Дерсиме показали, что курдское освободительное движение живет и набирает силы.

Об этом свидетельствовало новое выступление курдов в районе Арарата весной 1931 г.

В начале мая 1931 г. турецкое правительство объявило район Арарата запретной зоной¹⁴⁷. Туда не допускался никто, кроме военнослужащих. Для подавления курдского восстания в Араратском районе турецкому правительству понадобилось ввести в действие практически третью часть всех своих войск и израсходовать несколько десятков миллионов лир.

В результате численного и технического превосходства турецких войск курдское восстание у Арарата, продолжавшееся пять лет, было подавлено.

Подводя итог карательным мерам турецкого правительства, газета "Заря Востока" от 20 марта 1931 г. писала, что турецкими войсками было уничтожено не менее 200 курдских поселений и кочевков, а также убито несколько тысяч курдских повстанцев. Вместе с семьями число жертв достигало 10-15 тысяч¹⁴⁸. По данным комитета "Хойбун", турецкими карательными отрядами было разрушено 660 деревень, сожжено 15.206 жилищ¹⁴⁹.

Спустя 30 лет видный курдский деятель Исмет Шериф Ванли отмечал, что восстание 1927-1931 гг., штаб которого находился у Арарата, было самым продолжительным из всех курдских восстаний. Это была война за независимость, "тщательно подготовленная военно-политической организацией "Хойбун" и руководимая в военном отношении генералом Ихсаном Нури-пашой и кадровыми офицерами"¹⁵⁰.

Араратское восстание имело народный характер, основной движущей силой его было курдское кочевое и оседлое крестьянство.

"Никто не может отрицать, что как и прежде в восстании принимают участие широкие крестьянские массы, — писал в период восстания журнал турецких коммунистов "Инкиляп йолу". — В противном случае правительственным войскам не пришлось бы проводить карательные экспедиции, длившиеся много месяцев, и события не приняли бы таких угрожающих размеров. Несмотря на обильные сообщения буржуазных газет о "бандитах" и "разбойничьих отрядах", мы находимся перед фактом широкого выступления населения против политики правительства"¹⁵¹.

Араратское восстание показало сравнительно высокий уровень политической зрелости курдов. Уступая по размаху восстанию шейха Самда, оно по уровню политической зрелости, по четко определенной конечной цели — установление курдской республики — стояло выше предыдущих выступлений. Восстание у Арарата развивалось под знаменем независимой курдской республики. Им руководила в военном и политическом отношении организация "Хойбун", в которую входили представители курдской интеллигенции (военной и чиновничьей), торговой буржуазии, а также представители патриотической части феодальной знати. Все эти слои объединяла ненависть к турецким правящим кругам, которые, руководствуясь крайним национализмом, проводили жестокую шовинистическую политику, игнорировавшую права и чаяния других народов Турции. Более того, турецкое правительство и правившая Народно-республиканская партия пытались даже отрицать факт существования различных народов в стране.

Генеральный секретарь Народно-республиканской партии Реджеп Пекер в речи, произнесенной в октябре 1931 г., разъясняя принцип "национализма", сформулированные в программе НРП, заявил, что в Турции нет курдов, черкесов, лавов и других народов, а есть лишь турки.

"Соотечественникам христианам и евреям, — продолжал Реджеп Пекер с той же откровенностью, — необходимо заявить наше мнение. Наша партия и этих граждан рассматривает... в качестве несомненных турок". Он мотивировал свою точку зрения тем, что "современная наука не гарантирует независимого существования народа в 5-10 тысяч, в несколько сот тысяч и даже в миллион человек"¹⁵².

Против шовинистической политики турецких правящих кругов по отношению к курдам выступала коммунистическая партия Турции, о чем свидетельствовала ее программа, принятая конференцией в 1926 г. и уточненная в 1929 г.

Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, она вела в условиях жестокой реакции борьбу против угнетения национальных меньшинств, проводимого турецкой буржуазией и помещиками. Коммунистическая партия Турции

выступала за равноправие всех народов в социально-экономической, политической и культурной жизни страны.

"Коммунистическая партия Турции, — говорилось в программе, — добивается для рабочих, крестьян и солдат не моложе 18-летнего возраста, без различия пола, вероисповедания и национальности, права избирать своих представителей и быть избранными во все законодательные, муниципальные или коммунальные собрания и отзываться этих представителей..." (§ 10)¹⁵³.

Коммунистическая партия Турции признавала за национальными меньшинствами, в том числе курдами, без всяких оговорок, право свободно располагать своей судьбой (самоопределение) вплоть до полного отделения. Она выступала против политики Народно-республиканской партии, направленной на ассимиляцию курдов и других нетурецких народов. Вместе с тем КПТ ставила своей задачей разъяснение национальным меньшинствам эксплуататорской роли их буржуазии, феодалов, помещиков, значительная часть которых, предав национальные интересы, примкнула к кемалистам, открыто выражала интересы империализма. КПТ считала одной из своих главных задач борьбу против империализма и его местной агентуры.

"Коммунистическая партия Турции, — говорилось в программе, — непримиримый враг империализма и всех его туземных агентов — крупных помещиков, крупной буржуазии всех национальностей, духовенства всех вероисповеданий, контрреволюционных слоев бюрократии — на службе или в отставке и т.д."¹⁵⁴.

Вместе с тем КПТ, защищая равноправие национальных меньшинств, требовала для них права иметь школы с преподаванием на родном языке, применения его в учреждениях, а также высказывалась за освобождение крестьян — оседлых и кочевников — от феодальной кабалы, за распределение без выкупа земли и скота феодалов и помещиков среди оседлых и кочевых крестьян.

Программа КПТ предусматривала воспитание турецкой молодежи в духе пролетарского интернационализма. Одновременно в программе отмечалось, что турецкая рабоче-

крестьянская власть должна стремиться к союзу с трудящимися массами угнетенных национальных меньшинств в форме федерации советских республик для борьбы против феодализма и империализма.

Эти программные положения свидетельствуют о том, что КПТ, верная принципам марксизма-ленинизма, пролетарскому интернационализму и ленинской национальной политике, в тяжелых условиях турецкой действительности наметила правильную линию в национальном вопросе, отвечающую высшим интересам трудящихся масс — турок, курдов — всех народов Турции.

Соглашения Турции с другими странами по подавлению курдского движения

Освободительное движение курдов беспокоило не только правящие круги Турции, но и правителей Ирана, Ирака и Сирии.

Несмотря на отдельные нюансы в политике этих стран, в целом их правители выступали против освободительного движения курдов. Об этом свидетельствуют, в частности, различные договоры и соглашения, заключенные этими странами во второй половине 20-х и в начале 30-х годов.

После решения вопроса о Мосуле англичане стали искать пути сближения с турками за счет курдов. В этой связи несомненный интерес представляет заявление верховного комиссара Ирака сэра Генри Доббса в марте 1926 г. Корреспондент газеты "Манчестер Гардиан" спросил сэра Генри Доббса об "иракских" курдах и перспективах их независимости, которая так беспокоит Турцию. Доббс ответил: "Вопроса о курдской независимости нет и не будет. Турция может быть совершенно уверена, что как бы ни выполнялись пожелания Лиги Наций относительно привилегий (лингвистических и других) иракских курдов, вопрос о курдской независимости никогда не возникнет. Предположение турок о том, что одна из задач английской политики на Среднем Востоке состоит в создании независимого Курдистана находит себе некоторое обоснование в Севр-

ском договоре, но в настоящее время британские политические деятели совершенно отказались от этой точки зрения. За последние два года я сам, как я полагаю, окончательно убедил иракских курдов, что полная независимость для них — неосуществимый идеал и что их счастье — в будущей совместной жизни с Ираком"¹⁵⁵.

5 июня 1926 г. между Великобританией, Ираком и Турцией был подписан договор, в котором, в частности, говорилось: "Турецкие и иракские власти откажутся от всяких отношений, имеющих официальный или дипломатический характер, с главарями, шейхами или иными членами племен, гражданами другого государства, находящимися в данное время на территории другого государства. Они не будут терпеть в пределах пограничной зоны каких-либо организаций пропаганды или собраний, направленных против одного из обоих государств" (ст.12)¹⁵⁶

Так окончилась борьба между Турцией и Англией из-за Мосульского вилайета, которая велась с 1919 года. В соответствии с этим договором была установлена граница между Турцией и сопредельными странами, в результате которой Курдистан был раздроблен на три части, и курдская проблема оказалась не решенной не только в Турции, но и в Ираке и Иране.

В том же 1926 г. наметилось сближение между турецкими правящими кругами и шахским правительством Ирана.

В апреле 1926 г. в Тегеране был заключен договор о дружбе и безопасности между Ираном и Турцией, отдельные статьи которого предусматривали совместные действия по подавлению курдского движения.

В соответствии с этим договором обе стороны обязывались не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или группировок, имеющих целью нарушить мир и безопасность другой страны или изменить ее правление, а также пребывание лиц или группировок, ставящих целью борьбу при помощи пропаганды или "всяким иным способом против другой страны" (ст.5).

В целях "обеспечения спокойствия и безопасности жителей приграничных зон, — говорилось в статье 6 этого

договора — обе договаривавшиеся стороны будут принимать все меры, необходимые для того, чтобы положить конец преступным действиям и прожкам, которые могут нанести ущерб миру обеих стран и которыми занимаются племена, живущие на прилегающих к границе территориях...¹⁵⁷.

Опасаясь объединения курдских племен для совместных действий, оба государства в том же году в соответствии со статьей 7 этого договора, заключили конвенцию "о совместных действиях по улаживанию пограничных инцидентов".

По существу это была конвенция о совместных действиях по подавлению освободительного движения курдов. Неинтересно, что писали своим властям в связи с этими событиями немецкие эмиссары, находившиеся в Турции в 1926 г.:

"Турция усиливает с согласия персидского правительства охрану своей курдистано-персидской границы. Эта мера принята в связи с оживлением курдского повстанческого движения. Заключенный между Персией и Турцией новый договор о совместных действиях по урегулированию пограничных конфликтов направлен против возможных курдских восстаний. Впрочем Мосульский договор, заключенный между Англией и Турцией, определенно вменяет в обязанность правительству в Багдаде удерживать беспокойных курдов от перехода иракско-турецкой границы... К тому же разрешение курдского вопроса выдвигалось в те дни на первый план еще потому, что крепнущие национальные государства — Турция и Персия были заинтересованы как по внутренним, так и по внешнеполитическим мотивам в ликвидации курдского вопроса возможно скорее. В Турции это уже произошло. Многие курдские племена во главе с вождями выдворены в отдаленные западные области, а земли курдов усиленно заселяются турецким населением"¹⁵⁸.

Однако турецко-иранское сближение за счет курдов происходило не очень гладко. В сентябре-октябре 1927 г. антитурецкое движение курдов на восточной границе Турции приняло чрезвычайно острый характер. Курдские отряды стали систематически нападать на турецкие войска. Отряды были вооружены пулеметами и другим современным

оружием. Турецкие карательные силы, преследовавшие курдов, констатировали, что курды находят убежище на иранской территории, где они получают моральную и материальную поддержку. В связи с этим, турецкое общественное мнение и пресса начали очень резко критиковать иранское правительство. Так, газета "Игдам" писала: "По персидско-турецкому договору обе стороны должны прилагать все старания к тому, чтобы взаимно обеспечить безопасность в своих пограничных районах. Если так, то пусть Персия поможет нам, чтобы мы справились с бандитами. Мы должны знать, чего она придерживается в этом вопросе и... принять соответствующие меры, потому что у турок нет больше терпения и они не могут больше выносить такое запутанное положение" 159.

В начале октября 1927 г. турецкое правительство направило ноту протеста иранскому правительству, обращая его внимание на несовместимое с дружескими отношениями поведение иранских пограничных властей.

Тем не менее напряженность между Турцией и Ираном практически сохранялась вплоть до окончания Араратского восстания. Более успешно шли дела у кемалистов с правителями Сирии.

30 мая 1926 г. была заключена конвенция о дружбе и о добрососедских отношениях между Турцией и Францией (действующей в качестве мандатария над Сирией и Ливаном). К этой конвенции был приложен протокол № 8 о "Пограничном надзоре", который непосредственно касался курдов. Ниже приводим содержание этого протокола с некоторыми сокращениями:

"Ст. I. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязываются противодействовать всеми имеющимися в их распоряжении средствами приготовления одного или нескольких вооруженных лиц, намеревавшихся произвести грабительские или разбойничьи действия в соседней пограничной зоне, и удерживать таких лиц от перехода границы...

Ст. 3. Компетентные власти... будут возможно скоро извещать друг друга о всяком грабительском или разбойничьем действии, которое могло быть совершено с их терри-

тории. Власти той стороны, которая получила такого рода предостережения, будут стремиться удержать преступников от перехода границы всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Ст.4. В случае, если одно или несколько вооруженных лиц, виновных в совершении в соседней пограничной зоне правонарушения или преступления, убегут в другую пограничную зону, то власти этой последней зоны будут обязаны арестовать таких лиц, чтобы выдать вместе с их оружием и добычей властям другой стороны, гражданами которой они являются"¹⁶⁰.

В соответствии с соглашением от 30 мая 1926 г., 29 июня 1929 г. между Турцией и Сирией в Анкаре был подписан "протокол о пограничном надзоре, о пошлинах и контроле над кочевыми народностями". Протокол предусматривал следующее: оба правительства взаимно обязывались не допускать использования пограничной зоны для подготовки "разбойничьих" действий или вредительских актов против соседнего государства. Стороны обязались предупреждать нападения и воспрепятствовать вооруженным шапкам перейти границу (ст.2).

Если преступления или бандитские действия совершены в пограничной зоне и виновные пытаются скрыться в пограничной зоне соседней страны, местные власти этой последней должны немедленно принять меры для ареста виновных и привлечения их к ответственности (ст.3).

Всякое племя или род, восставшее против власти страны, от которой оно имело разрешение на кочевку, и проникшее на территорию соседнего государства в поисках убежища, должно быть разоружено и удалено от границы на расстояние, лишающее его возможности возобновить враждебные действия (ст.11)¹⁶¹.

В 1930-1931 гг., в связи с усилением повстанческого движения в районе Арарата, турецкая печать начала новую кампанию против иранского правительства, обвиняя его в том, что оно якобы поддерживает выступления курдов на турецко-иранской границе. Так, газета "Ени гюн" от 8 апреля 1931 г. писала: "...Спустя некоторое время

после агрыдагских событий мы получили сообщение, что курдские и армянские банды снова перешли в наступление против Турции. По полученным нами из Анкары сведениям, это движение на границе не новое, а дело заключается в том, что часть курдов, скрывшихся на иранской территории, продолжают свою разрушительную деятельность. Больше всего огорчает нас отношение персов к этим выступлениям, совершенно не совместимое с дружбой между обеими сторонами. Турецкое правительство надлежащим образом обратило на это внимание иранского правительства. Мы хотим, чтобы между Турцией и Ираном установилась настоящая прочная дружба, чего требуют интересы обеих великих наций".

Эта кампания после некоторого периода затишья на границе, по-видимому, объяснялась тем, что Иран отказался уступить Турции район Арарата, как этого требовало турецкое правительство. У иранского правительства также имелись военные соображения, так как этот район, на который претендовала Турция, стратегически господствовал над иранским Азербайджаном, где проживает, главным образом, тюркоязычное население. В свою очередь, турки утверждали, что район Арарата должен быть уступлен им, потому что, как они заявляли, только в этом случае они смогут навсегда покончить с курдским повстанческим движением. Однако Тегеран считал, что для этой цели было бы достаточно небольшое уточнение границы.

В результате продолжительных взаимных претензий, оба государства подписали 23 января 1932 г. в Тегеране протокол о границе¹⁶² и договор об арбитраже и примирительной процедуре¹⁶³.

В развитие этого протокола 5 ноября 1932 г. был заключен турецко-иранский договор о дружбе, ратифицированный 28 декабря 1933 г.¹⁶⁴. В то же время 9 января 1932 г. в Анкаре была подписана турецко-иракская конвенция о выдаче преступников, утвержденная турецким меджлисом 27 июня 1932 г.¹⁶⁵.

Вся эта серия договоров и конвенций свидетельствовала о том, что правивший буржуазно-помещичий блок в Турции в деле "решения" курдской проблемы имел союз-

ников в лице правительства Ирана, а также английских и французских империалистов, которые практически проводили идентичную с кемалистами политику в курдском вопросе.

Правящие круги Ирана, Ирака, а также западные империалисты понимали, что успехи курдского движения в Турции будут содействовать освободительной борьбе курдов в их странах, а также ослаблению позиции империализма не только в этих странах, но и в известной мере на всем Ближнем Востоке.

Г Л А В А   Ш

УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПОДАВЛЕНИЯ КУРДОВ В 30-е годы

"Решение" курдской проблемы накануне восстания в Дернике

Жестоко подавив Араратское восстание, турецкое правительство продолжало проводить мероприятия по ассимиляции курдов. Для этого, как и после восстания 1925 г., оно стало принимать меры по переселению курдов в Центральную и Западную Анатолию, где они должны были раствориться среди местных турецких жителей. С этой целью 5 мая 1932 г. был принят закон, по которому в Турции создавались четыре зоны¹. Три из них организовывались в Курдистане, причем одна "по причинам санитарного, материального, культурного, политического и стратегического характера, а также в целях поддержания порядка" должна была быть полностью эвакуирована и превращена в запретную.

Первые два параграфа закона давали возможность турецким правящим кругам насильственными, административно-полицейскими мероприятиями разрушить племенные объединения и упразднить традиционные права вождей и шейхов племен. Согласно параграфу 3, все недвижимое имущество племен переходило в собственность государства, что практически означало лишение курдского населения средств существования. Параграф 4 предусматривал передачу конфискованных земель иммигрантам-туркам, прибывшим из балканских стран.

Таким образом, турецкие власти, с одной стороны, стремились подорвать экономическую основу существования племен, а с другой - заселить восточные районы "надежными турецкими элементами", что, по их мнению, должно было предотвратить возможность нового выступления курдов.

Параграф 5 предоставлял турецкой администрации право выселять по подозрению в шпионаже любого жителя вместе с семьей. 6 и 7-й параграфы предусматривали проведе-

ние мероприятий, направленных на то, чтобы курды забыли свой родной язык, а также на то, чтобы они в зонах поселения были ограничены в сфере трудовой деятельности.

И, наконец, параграф 8 устанавливал, что в районах поселения число курдов не должно превышать 10% местного турецкого населения.

Опубликование этого закона вызвало новое волнение в Курдистане, в частности в Дерсиме. Курды стали писать прошения на имя Мустафы Кемали с просьбой приостановить действие этого закона. Однако все эти прошения остались без ответа ².

Кроме того, в середине 1932 г. губернатор Элязиза Дали Фахри, усмлив военные приготовления в наиболее важных населенных пунктах, потребовал, чтобы дерсимцы сдали оружие, а партизанские отряды племени кочкири прекратили сопротивление и сдались турецким войскам. В противном случае, заявлял он, уничтожит весь Дерсим.

Проводя в жизнь свои планы, Дали Фахри посетил города Чемшиккезек, Хозат и Мазгирт, где приглашал к себе глав племен и повторял им свои угрозы. Однако эти угрозы не только не дали желаемых результатов, но были причиной усиления антитурецкого движения в Дерсиме. При этом Сент Риза направил в Анкару телеграммы, в которых всю ответственность за положение в этом районе возлагал на действия губернатора Дали Фахри ³. Напряженная обстановка в Дерсиме вызвала серьезную озабоченность анкарского правительства. Поэтому в конце сентября - начале октября 1932 г. премьер-министр Исмет-паша совершил инспекционную поездку по юго-восточным вилаятам ⁴. Для изучения обстановки на месте он посетил Элязиз, где совещался как с именитыми людьми, так и с Дали Фахри, Ибрагимом Талибеем, командующим войсками в Элязизе Хусейном Хусню, между которыми возникли разногласия по поводу мер, которые следует принять для "усмирения" курдов. Исмет-паша потребовал от них усмирить мероприятия по осуществлению политики правительства.

Губернатор Дали Фахри, как и прежде, выступил за насильственное решение курдской проблемы. Он сформировал

кавалерийский отряд (120 человек) и направил его против племени ксуфан, приказав захватить и доставить вождя его Канбер-агу. Однако отряд без единого выстрела был взят в плен бойцами племени ксуфан. Неудача турок привела в бешенство губернатора, который заявил, что лично схватит Канбер-агу и застрелит его, иначе не вернется живым обратно. С этой целью он с полком регулярных войск выступил из Мазгирта. В местечке Паксуу (жжнее Назымие) он встретил отряд племени ксуфан, занявший боевые позиции. Дели Фахри предложил руководителям этого племени Канбер-аге и Ксуф-аге заключить перемирие. В ответ на это курдские руководители предложили Дели Фахри сдать оружие. В результате Дели Фахри тяжело заболел, и полк был вынужден отступить в Мазгирт, где Дели Фахри скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг⁵.

Так бесславно закончил жизнь один из жестоких палачей курдского народа.

Неспособность решить проблему Дерсима в соответствии с намеченной программой подорвала авторитет Ибрагима Тали-бея в правительственных кругах, и он был снят с поста генерального инспектора восточных вилайетов и отозван в Анкару. Его пост занял бывший губернатор Сиваса Вехби-бей. Проездом в Диярбакыр он остановился в дер. Хальвенк (вилайет Элязиз), где встретился с мухаджирами (иммигрантами) из Греции. Узнав, что в этой деревне живет Мехмет Нури Дерсим, он сказал мухаджирам: "Нури - враг турок, вас привезли в эту страну, чтобы вы прогнали таких опасных людей, как он. Такие люди не имеют никакого отношения к нашей родине. Эта территория - ваша. Я этого предателя знаю еще с Сиваса и очень сожалею, что он еще жив"⁶.

Это заявление Вехби-бея о влиятельном курдском деятеле стало известно всему Дерсиму и вызвало среди курдов возмущение.

В 1932 г. из Ирака вернулся в Турцию Селяхетдин (сын Саида), которому была обещана амнистия. Однако он был судим военно-полевым судом в Эрзуруме. В 1933 г. турецкие власти организовали "полицейскую операцию" про-

тив шейха Фахри в окрестностях Диярбакира. В 1934 г. турецкий суд вынес ряд смертных приговоров курдским деятелям, а других приговорил к пожизненным каторжным работам⁷.

Наряду с жестокими мерами по подавлению курдского освободительного движения турецкие правящие круги продолжали политику заселения турецкими элементами районов, где ранее проживали армяне и курды.

9 июня 1934 г. ВНСТ принял закон (№ 2502) о поселении в некоторых районах вилайетов Карс, Баязит, Эрзурум и Чорух иммигрантов и беженцев и наделении местного (турецкого - М.Т.) населения земельными участками. Земли и строения, говорилось в законе, принадлежавшие подданным России, которые, воспользовавшись своим правом, покинули вилайеты Карс, Баязит, Игдыр, Тузлуджа (Кульп), а также уезды Ольти (вилайет Эрзурум), Артвин, Шавшат и Борчка (вилайет Чорух) и волость Кемальпаша, перешли к государству. Эти земли и строения, а также перешедшая в руки государства недвижимость в других районах может быть распределена среди других иммигрантов и местных безземельных и малоземельных крестьян (ст. I, 2)⁸. Нам неизвестно в какой мере был осуществлен этот закон, какое число иммигрантов было поселено в этих вилайетах и какая часть местного населения получила землю. По некоторым данным, с 1923 г. по 1934 г. в Турцию иммигрировало 630 тыс. человек⁹, значительная часть которых была поселена в восточных вилайетах. Однако ясно одно, что эти меры были вызваны не столько заботой о турецком безземельном крестьянстве, сколько о желании правящих кругов Турции укрепить большинство турецких элементов в восточных вилайетах за счет армянского и курдского меньшинства. Об этом свидетельствовал и закон о поселении (№ 2510), который был принят ВНСТ 13 июня 1934 г. Этот закон формально касался иммигрантов - турок, но фактически был направлен против национальных меньшинств и особенно курдов. Согласно этому закону Турция была разбита на три зоны: первая включала области, где концентрировалось население с турецкой культурой; вторая предназначалась для размещения переселенцев, подлежащих "приобщению к турецкой куль-

туре";

третью зону составляли районы, которые "по санитарным, экономическим, культурным, политическим и военным причинам, а также в целях поддержания порядка требуют полной эвакуации и запрещаются для поселения и передвижения"¹⁰. В этой зоне жили преимущественно курды и, следовательно, речь шла о полной их эвакуации.

Совету министров предоставлялось право разместить как оседлое, так и кочевое население из зоны № 3 в выгодных "с точки зрения жизненных и санитарных условий" районах других зон. Министр внутренних дел мог выслать из пограничных районов лиц, "заподозренных в шпионаже", а также удалить из страны иностранных подданных, странствующих цыган и кочевников, не приобщенных к турецкой культуре"¹¹.

Статья 10 закона, которая полностью касалась курдов, гласила:

а) закон не признает прав юридического лица за племенем, даже если эти права подтверждены судебным приговором, постановлением или каким-либо другим документом. Все полномочия вождя, аги, бея или шейха племени на каких бы документах, традициях или обычаях они ни основывались, отменяются;

б) все недвижимое имущество, даже если оно признавалось до издания закона на основании каких-либо документов или актов собственностью племени, как юридического лица, представленного его вождем, беєм, агой или шейхом, переходит в собственность государства. В соответствии с этим законом и принципами государства это недвижимое имущество распределяется между иммигрантами;

в) министр внутренних дел на основании решения правительства получил право переселять и размещать в определенных районах вождей, беев, ага, шейхов и их семьи, если пребывание этих лиц в пограничных районах с точки зрения безопасности вызывает опасение¹².

Пытаясь ликвидировать привилегии курдской племенной верхушки, турецкое правительство не намеревалось повысить экономический и культурный уровень трудящихся

курдов, защитить их от помещичьего произвола и тем более решить аграрный вопрос в интересах широких масс. Оно стремилось превратить курдское население в объект эксплуатации и ассимиляции.

В ст. II закона говорилось:

а) тем, для кого турецкий язык не является родным, запрещается создавать новые деревни и кварталы, образовывать организации ремесленников и рабочих...

в) число переселенцев, которым разрешено местожительство в поселках городского типа и городах, не должно превышать 10% их основного населения. Переселенцы не могут создавать особые кварталы¹³.

В целях увеличения численности турецкого населения в курдских районах правительство запрещало переселяемым туда иммигрантам из Греции покидать эти районы в течении десяти лет. "Иммигранты, ..кочевники, - отмечалось в статье 29, - а также размещенные правительством в первой зоне лица должны жить в указанных им районах не менее десяти лет. Они не могут поселиться в других районах, пока не получат разрешения министерства внутренних дел..."¹⁴.

А курдам и представителям других национальных меньшинств воспрещалось без разрешения правительства уходить из отведенных им для жительства районов даже по истечении десяти лет.

Однако закон о переселении оказался малоэффективным.

Согласно турецким официальным данным, к июню 1938 г. около 89 тыс. семей получили примерно 300 тыс. га конфискованной у выселенных феодалов земли¹⁵. Из многих сотен тысяч турецких малоземельных и безземельных крестьян лишь 48.4 II получили по ничтожному наделу в среднем около 3 га на семью¹⁶.

Турецкие правящие круги, издавая закон о поселении, пытались ослабить остроту аграрного вопроса в стране за счет курдов. Последующие события показали, что эта мера не дала желаемых результатов.

Для проведения в жизнь этого закона была создана правительственная комиссия, в которую входили министры внутренних дел, национальной обороны, экономики, а также

некоторые другие министры. Правительственная комиссия сразу же приступила к выполнению решения ВНСГ, в первую очередь к массовому выселению курдов.

Прежде чем перейти к широким административным и военным мерам по "решению" курдской проблемы турецкое правительство заручилось поддержкой шаха Ирана.

Летом 1934 г. после приезда шаха Ирана в Турцию было заключено соглашение о "разрешении" курдского вопроса. Оба правительства согласились закрыть свои границы с целью помешать проживающим на территориях Ирана и Турции курдам искать убежища в Ираке и Сирии.

Выполняя положения Закона о поселении (№ 2510), турецкие власти отдали жителям ряда курдских районов, в частности, Бохтана приказ приготовиться к эвакуации. Однако большинство курдов, не желая покинуть родные места, бежали в горы. В ответ начались массовые репрессии. В августе 1934 г. авиация в течение пяти дней бомбила район, где пытались скрыться курды. По признанию иностранных корреспондентов, в Харпите турецкие власти повесили многих курдов.

Выходившая в Дамаске газета "Аль-Кабас" 19 августа 1934 г. писала: "В Курдистане речь идет не о восстании, как утверждают некоторые газеты, а лишь о сопротивлении курдов турецким властям, которые хотят переселить их с родной земли на запад"¹⁷.

В условиях обострения курдской проблемы в первой половине июля 1935 г. премьер-министр Исмет Иненю вновь совершил инспекционную поездку по юго-восточным вилаетам страны. В течение двух недель он побывал в Диярбакире, Мардине, Сирте, Битлисе, Ване, Муше, Буланьке, Малазгирте¹⁸, где информировал местных руководителей о политике правительства в курдском вопросе.

В результате этой поездки турецкое правительство установило специальный режим в восточных вилаетах. Военный губернатор, который должен был содействовать насильственной ассимиляции курдов, генерал Абдуллах Альидоган, сменивший Ибрагима Толи-бея, был облечен чрезвычайными полномочиями.

18 ноября 1935 г. Великое национальное собрание Турции приняло закон № 2848 об изменении некоторых статей закона о поселении¹⁹.

В этой связи уместно привести отрывок из статьи "Турция и курдский вопрос", опубликованный во французской газете "Темпс" 18 августа 1937 г. Статья написана турецким журналистом. "Ассимиляция курдских племен, — писал автор, — осуществлена еще далеко не полностью, так как проблема несколько осложняется вследствие того, что она касается большого числа лиц... Около двух лет тому назад правительство (турецкое — М.А.) ввело в стране специальный режим, сконцентрировав всю власть в руках генерала Абдуллаха Альпдогана, задача которого состояла в умиротворении края всеми доступными ему средствами. С этого момента в прессе не публиковалось никаких сообщений. Несомненно, принятые меры были энергичны и чувства удовлетворения у населения не вызывали".

"Как бы то ни было, — заключает автор статьи, — хотя умиротворение, осуществлявшееся в 1934—1935 гг. генералом Альпдоганом, который, с одной стороны, начал проведение общественных работ, а с другой — вешал зачинщиков, чтобы утратить самых беспокойных в Элязизе, и стало приносить плоды, эффект оказался весьма недолговечным..."²⁰.

Шовинистическая и ассимиляторская политика правительства усиливала напряженность в Курдистане. Более того, все действия турецких властей свидетельствовали о том, что они пытаются спровоцировать новое крупное выступление курдов с тем, чтобы покончить навсегда с "курдской проблемой" в стране.

Восстание в Дерсима (Тунджели) (1936—1938)

В середине тридцатых годов турецкое правительство решило приступить к полному подчинению полунезависимых племен Дерсима. С этой целью оно стало проводить под полицейско-административные мероприятия "идеологическую базу". Турецкие "ученые" и журналисты объявили курдов заза Дерсима "переселившимися в древ-

ности с равнин в горы турками", которые, хотя и отстали от других турок в культурном развитии, тем не менее "страстно желают воссоединиться со своей родиной". В этой связи представляет интерес отрывок из статьи "Курды", помещенный в турецкой энциклопедии. "Большинство курдов Турецкой республики говорит по-турецки и живет как турки. Мы, турки, не считаем их принадлежащими к другой нации"²¹. Такова была официальная версия о национальной принадлежности курдов.

В Дерсиме в начальных школах преподавание велось на турецком языке, чтобы таким образом приобщить "забытых язык своих предков" курдов к турецкой культуре.

Слово "курд" было изъято из обращения. Ношение национальной одежды, пение народных песен – все это было категорически запрещено.

В то же время турецкое правительство попыталось ввести в Дерсиме налоговое обложение населения. Раньше жители этого района почти не платили податей. И, естественно, введение налогов не только не умиротворило население Дерсима, но и явилось одной из важных причин недовольства курдов.

Серьезное недовольство курдов вызвала также конфискация земель, принадлежавших племенам и издавна находившихся в фактическом пользовании дерсимских крестьян, и передача этих земель туркам – переселенцам.

Попытки ввести налоги и отобрать земли у племен встретили такое сопротивление курдов, что турецкой администрации пришлось временно воздержаться от осуществления своих планов. В то же время она прибегла к репрессиям. На улицах Элязига (Элязиз) турецкие власти повесили несколько курдов, оказавших сопротивление мероприятиям администрации. Это послужило поводом для открытого выступления курдов. Вскоре весь Дерсим оказался в огне восстания.

По предложению Ататюрка вопрос о Дерсиме был включен в повестку дня ВНСТ, заседания которого были закрытыми. По отрывочным сведениям, проникшим на страницы турецких газет, можно предположить, что на заседаниях

меджлиса обсуждался план "умиротворения". Под конец печать сообщила, что обсуждение вопроса о Дерсиме в ВСНТ закончено и что "смертные приговоры заменены другими наказаниями".

По предложению Ататюрка, Дерсим был преобразован в вилайет с особой организацией и переименован в Тунджели²². 6 июня 1936 г. была создана зона четвертой генеральной инспекции, в которую вошли вилайеты Элязиг, Тунджели и Бингёль²³, т.е. вся территория бывшего Дерсима²⁴. В этой зоне была создана специальная администрация во главе с генеральным инспектором генералом Альпдоганом. При правлении генеральной инспекции, находившемся в Элязиге, были созданы особые отделы: военных советников, разведывательная группа, специальная группа офицеров генерального штаба, военный трибунал (председатель и два члена) секретариат, финансовый и юридический отделы.

Генерал Абдуллах Альпдоган издал приказ о введении в вилайетах Тунджели, Элязиг, Бингёль осадного положения. Он потребовал от курдов под страхом сурового наказания сдать 20 тыс. винтовок²⁵. Курдские патриоты пытались организовать единый фронт племен против политики геноцида турецких правящих кругов, однако не смогли преодолеть разногласий между племенами, сплотить их в единую силу. Правда, Сеиту Риза удалось объединить под своим руководством племена абасан, ферхадан, карабальян, бахтияр, юсуфан, демнан, хайдан и частично калан. Однако курды районов Оваджык, Кочан, Шемкан, Мазгирт, Пилымор и Назимие решили остаться в стороне, объявить "нейтралитет". Более того, некоторые племена Хозата приняли решение перейти на сторону правительства. Их вожди прибыли в Элязиг и выразили Альпдогану готовность выполнить все указания турецких властей²⁶.

Вождь дерсимских курдов Сеит Риза направил генералу Альпдогану письмо, в котором требовал, чтобы правительство отменило новый закон в отношении Дерсима и признало права дерсимцев²⁷.

В ответ на это генерал Альпдоган направил против дерсимцев пехотную дивизию и жандармский полк. Войска

поддерживались десятью военными самолетами, которые ежедневно совершали полеты над Дерсимом. Тем не менее, решительных боев не было. Операции турецких войск по умиротворению Дерсима затянулись. Наступила зима 1936 года и турецкое командование вынуждено было приостановить операции в связи с непрерывными дождями и резким похолоданием, а затем снежными заносами.

С 7 декабря 1936 г. по 27 января 1937 г. в Анкаре состоялся съезд генеральных инспекторов²⁸ под председательством министра внутренних дел Шюкрю Кая. Наряду с другими обсуждались меры, которые должны были окончательно решить "проблему Дерсима".

Курдские патриоты понимали, что весной турки вновь начнут наступление против них. Поэтому в начале 1937 г. Сеит Риза направил своего сына Бра Ибрагима в ставку генерала Альпдогана для переговоров о прекращении военных действий на справедливых условиях²⁹. Однако по указанию турецкого командования Бра Ибрагим был обманчивым образом привезен турецким офицером Шевкетом в деревню дешт и там зверски убит. Тогда Сеит Риза обратился к вождям курдских племен с призывом объединить силы и совместно выступить против турецких войск. На обращение Сеит Ризы откликнулись вожди племен хасанан, юсуфан и некоторых других. Территория, охваченная восстанием, стала быстро расширяться. Повстанцы, армия которых выросла до 30 тысяч бойцов, нападали на турецкие подразделения, разрушали мосты, дороги и телефонные линии. Турецкое командование двинуло против курдов армейский корпус. В район военных действий выехали премьер-министр Исмет Иненю и министр внутренних дел Шюкрю Кая.

Весной 1937 г. военные действия в турецком Курдистане приняли небывалые размеры, обе стороны несли значительные потери.

Руководитель курдских отрядов Сеит Риза вновь обратился к генералу Альпдогану с просьбой "прекратить кровопролитие, признать национальные права курдов, выдать убийц сына", а сам в свою очередь обещал возвратить всех пленных турок и прекратить военные действия³⁰.

В ответ на это генерал Альпдоган потребовал полной капитуляции и сдачи всех видов оружия, имевшегося у курдского населения.

В то же время турецкое командование решило не терять времени и действовать путем подкупа отдельных вождей племен. Генералу Альпдогану удалось подкупить племянника Сеита Ризы — Рехбера, который, по указанию турок, стал вести подрывную работу среди племен Дерсима. В частности, Рехберу удалось войти в доверие вождя племени бахтияр и склонить его на свою сторону. Вожди некоторых других курдских племен, также поверив словам предателя Рехбера, согласились вместе с ним вести "борьбу" против турецких войск.

Только Сеит Риза, хорошо зная своего племянника, не доверял ему и продолжал вести борьбу против турок. Силы были неравными: во избежание поголовного уничтожения курдского населения Дерсима Сеит Риза решил переправить через границу в Ирак отряд во главе с одним из своих помощников Алишером и попросить там убежища для турецких курдов. Рехбер, узнав о планах Сеита Ризы, отправился в стан Алишера (в местечко Аглат) под предлогом "попрощаться" с ним. Ночью Алишер и его жена по указанию Рехбера были зверски убиты ставленниками турецкой разведки³¹. Рехбер с головой Алишера бежал к генералу Альпдогану в Элязиг.

Чтобы заставить курдских повстанцев выйти из горных убежищ, турецкое командование отдало приказ поджечь леса вокруг Дерсима. Повстанцы вынуждены были покинуть горы Дерсима и направиться к границам Ирака. Турецкая разведка, обнаружив место нахождения отряда Сеита Риза в районе Узун-Меше, двинула туда войска, артиллерию и авиацию. В районе Козлуджа произошел бой между турецкими войсками и курдами. В этом бою Сеит Риза был ранен. Отряд курдов понес большие потери. Наступила осень 1937 г. Начались снегопады в горах, затруднившие действия турецких войск. Генерал Альпдоган послал Сеиту Риза письмо, в котором от лица турецкого командования принимал условия курдов и выразил согласие прекратить огонь. Поверив

словам Альдогана, Сеит Риза прибыл в Эрзинджан для переговоров с турецкими властями. Сразу же по прибытии в Эрзинджан (5 сентября 1937 г.) он был арестован и предан суду. На суде Сеит Риза заявил, что он боролся за независимость курдов, не преследовал никаких целей, кроме свободы, высших интересов нации и родины. Во время судебного процесса Сеиту Ризе были заданы провокационные вопросы: были ли у него русские штабные офицеры? Посылали ли русские вооружение и боеприпасы? ³². В то же время в печати было объявлено, что к курдам племени кочан приезжали английские и французские штабные офицеры.

10 ноября 1937 г. военный трибунал в Элязиге вынес приговор по делу курдских повстанцев. Сеит Риза и 11 его соратников были приговорены к смертной казни. 18 ноября 1937 г. Сеит Риза, его младший сын Ресик Хусейн, вождь племени ксуфан Канбер-ага, вождь племени курейшан Сеит Хусейн-ага и другие были повешены в Элязиге. Перед смертью Сеит Риза громко крикнул на языке племени заза: "Мне 75 лет, я сейчас буду казнен и лягу в один ряд с жертвами борьбы за Курдистан! Дерсим побежден, но курды и Курдистан будут жить, курдская молодежь отомстит! Позор и презрение тиранам...". Стоявший рядом с ним сын Ресик Хусейн громко произнес: "Отец, да здравствует курдский народ!" ³³.

Таким образом, несмотря на отчаянное сопротивление курдов, восстание было подавлено, и власти приступили к кровавой расправе над населением Дерсима.

Полковник Эльфинстон в статье "Курдский вопрос" писал: "Сосредоточив значительные силы, турки в мае 1937 г. начали операции против мятежников... Министр внутренних дел Джеляль-бей сообщил правительству, что курдская проблема отныне не существует. Цивилизация, сказал он, была привита разбойникам силой... Такова официальная позиция по сей день, и курдов в Турции официально называет турками-горцами" ³⁴.

О том, что означает "прививка цивилизации силой" говорят следующие факты.

"Было применено самое совершенное оружие и заняты

главные стратегические пункты. Немакую роль сыграла также авиация, и теперь стало известно, что турецкой летчице Сабиха Гёкчен ³⁵ был выдан почетный диплом... за героизм, проявленный ею в районе Дерсима, где она, не ограничиваясь разведывательными полетами, разыскивала берлоги мятежников и обстреливала их из пулеметов. В мае 1937 г. войска стали хозяевами положения... Теперь вновь начнется претворение в жизнь программы (ассимиляции. — М.Г.), разработанной еще в 1935 г.", — писал автор статьи в газете "Temps" от 18 августа 1937 г.

Турецкие правящие круги в своих действиях против курдов руководствовались специальной разработанной программой, в которой были предусмотрены полицейские и военные акции, вплоть до физического уничтожения курдов. В июне 1937 г. турецкое командование бросило в наступление 20-ти тысячное войско против Дерсима ³⁶, которое имело целью уничтожить все курдское население этого района.

"Дерсим — центр движения, — отмечала турецкая газета "Тан" в июне 1937 г., — будет полностью разрушен, а жители переселены в другие районы... Таким образом, жители Дерсима — турки, чистые турки (курсив наш. — М.Г.), которые, спасаясь бегством от Тимурленга, прибыли в Дерсим, сольются со всем турецким народом...".

А вот меры, принятые для слияния курдов Дерсима — "чистых туток" — со всем турецким народом.

"Вселенцы Дерсима украсились мятежниками. Казни приводились в исполнение немедленно после вынесения приговоров". Сообщив эти сведения, автор статьи в "Temps" заключает: "Насколько можно судить, курдский вопрос является скорее вопросом полицейского характера" ³⁷.

Турецкая официальная печать, реакционная буржуазная печать в западных странах пыталась исказить причины курдского восстания, представить события в Дерсимах как борьбу между турецкой буржуазией, проводившей якобы прогрессивные реформы, и реакционными феодальными элементами.

Вот что писал в разгар восстания в июле 1937 г. некий Расим Даваз в статье, озаглавленной "Новое восстание курдов в Турции".

“Правительство Анкары потратило более двух месяцев, чтобы подавить новое реакционное восстание курдских племен в районе Дерсима. Несмотря на реформы, осуществляемые кемалистской партией, феодальным элементам удалось до сих пор сохранить свои позиции в этом недоступном уголке страны... Под давлением национальной буржуазии, которая хотела расширить внутренний рынок, народная партия (кемалисты) решила в прошлом году положить конец исторически сложившемуся положению вещей с помощью всех средств, находящихся в распоряжении республиканского государства. Специальным законом они установили в этой мятежной провинции военную администрацию, наделенную широкими чрезвычайными полномочиями, включая право утверждения смертных приговоров, что обычно является прерогативой Великого Национального собрания.

Вопрос сводился к проведению в жизнь плана реформ, ставящих своей целью заставить кочевое население осесть на месте и поселить вождей (шейхов, беев, ага) с их отрядами в Западной Анатолии.

Из сообщений прессы и заявлений премьер-министра Исмета Иненю в Национальном собрании следует, что вначале, т.е. в апреле, примерно 25-30 тыс. человек из 100-тысячного населения восстали против этих правительственных мер...

В числе этих мер кемалистское правительство провело через ВНСТ следующее решение: “Все принадлежащее племенам недвижимое имущество, которым от имени племен владеет вождь, бей или ага, независимо от того, чем подтверждаются права последних на владение (официальный документ, приговор суда или установившаяся традиция), переходит во владение государства”.

В настоящее время военные операции находятся в полном разгаре, причем в этих операциях принимают участие несколько эскадрилий самолетов³⁸.

В связи с курдским восстанием в Дерсиме, 16 июня газета “Таймс” поместила статью своего корреспондента в Стамбуле, озаглавленную “Курды против образования. Бунт, подавленный войсками”. В этой статье сообщалось, что пов-

станческое движение в Дерсиме якобы было вызвано враждебностью "к введению обязательного образования и других реформ"³⁹. Подобное объяснение причин восстания и тогда вызвало резкое осуждение лиц, которые знали чаяния курдского народа, были знакомы с курдской проблемой. В этой связи представляет бесспорный интерес письмо, направленное видным зарубежным курдологом В.Никитиным редактору газеты "Таймс". В этом письме, в частности, говорилось: "...Как человек, знающий курдов, их язык и историю, я бы хотел сказать Вам, сколь глубоко опечалило меня это сообщение. Курды, населяющие этот район, совершенно отличны от своих соседей турок как по расовым признакам, так и по языку, религии, обычаям и общественной организации. Любятя, происшедшие в Дерсиме, - еще одна попытка курдов вновь утвердить свою автономию как этнического меньшинства. Было бы ошибкой предпологать, что курды выступают против образования вообще, - они борются против отуречивания. Родной язык является единственно возможным средством обеспечить естественное и гармоничное развитие индивидуума и привить ему благородную привязанность к стране, в отношении которой он несет обязанности в качестве гражданина... Пока этими благородными принципами не будут руководствоваться повсюду, мы будем, к сожалению, свидетелями таких печальных конфликтов между "государственными соображениями" и требованиями национальных меньшинств, права которых в наше время едва ли можно отрицать"⁴⁰.

В связи с появлением в газете "Темпс" 18 августа 1937 г. статьи "Турция перед курдским вопросом", которая панично описывала турецкие зверства над курдскими повстанцами, В.Никитин 1 сентября 1937 г. послал письмо директору этой газеты, в котором со знанием дела подверг критике тенденциозный тон статьи, а также выступил в защиту курдов, боровшихся за признание своей национальной самобытности, за свои права. Ниже приводится это письмо с некоторыми сокращениями.

"...Я знаю курдов, - отмечалось в письме, - их язык, их историю и полагаю, что нельзя отрицать в наши дни

курдов как явное национальное меньшинство — понятие, которое содержит некоторые более или менее определенные права людей. Существует, наконец, вполне определенная курдская литература, весьма развивающаяся, которой мешают только неблагоприятные политические обстоятельства. Курдский язык отнюдь не наречие, производное от персидского, снабженное "армянскими, халдскими, турецкими и арабскими говорами", но такой же язык, как и иранский, или афганский и т.д., находящийся только в стадии диалектальной, не выработавшей еще общего литературного языка. Это не значит, однако, что у него нет литературных курдских произведений, особенно поэтических, которые являются предметом публикаций и специальных изучений и которые поражают богатством выраженных чувств и чистотой их лирического порыва... Курды являются, безусловно, национальным меньшинством, хотя они еще разделены на племена и не составляют государства, будучи разъединенными в различных странах. Никто этого не станет отрицать, так как же можно спрашивать: "Имеем ли мы право говорить о курдском национализме?"... Речь ведь не идет о каком-то отжившем феодальном властолюбии, но о ярко выраженном национальном сознании. Никто не спрашивает у шотландцев название нации, хотя в основе их социальной исторической структуры лежали кланы. Так же обстоит дело и с курдами. Это вопрос прогрессивного развития в силу обстоятельств, но это в то же время не оправдывает политику уничтожения, виселиц и гонений против этого меньшинства, которое не имеет никакого иного средства, чтобы защитить себя и привлечь внимание к своей судьбе, помимо оружия и храбрости. Очень печально и огорчительно читать фразу, вышедшую из-под пера журналиста: "курдский вопрос — это скорее полицейский вопрос". Если согласиться с такой точкой зрения, то всякий прогресс, достигнутый международным правом, будет уничтожен одним махом и никакое ущемленное человеческое право не будет иметь возможности апеллировать к правосознанию цивилизованного мира. Нет, курдский вопрос — это не просто полицейский вопрос. Речь идет о признании этнического, лингвистического и социального меньшинства,

минимума прав, что единственно может обеспечить ему нормальное развитие...»⁴¹.

Однако это письмо директору "Tempe" не было опубликовано, так как оно противоречило взглядам хозяев газеты, а также стоявших за ними империалистических кругов.

О политике геноцида турецких властей по отношению к курдам писали представителям великих держав и в Лигу Наций курдские патриоты, эмигрировавшие за границу.

Так, в обращении эмигрировавших за границу курдских повстанцев от 20 ноября 1937 г. представителям великих держав на Среднем Востоке и генеральному секретарю Лиги Наций подробно излагались все насилия и зверства турецких властей в Курдистане⁴². Мы вынуждены еще раз обратиться в вашу организацию, — говорилось в этом обращении, — являющаяся самым высшим судебным органом в мире, о той политике истребления и уничтожения, которую в течение 15 лет проводит в Курдистане турецкое правительство. В обращении говорилось, что курды по происхождению, языку, истории и культуре отличаются от турок. Курды на много веков раньше поселились на этих землях и имеют свою самобытную культуру. Турецкое правительство под предлогом развития этих районов проводит лицемерную политику на виду всего мира. В этом обращении говорилось о трагической судьбе 500-тысячного населения Дерсима. Курдское население, указывалось в этом документе, подвергается жестоким насилиям и физическому истреблению. Курдские деревни подвергаются воздушным бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу. Закрыты все курдские школы, запрещено говорить и писать на курдском языке, издавать книги, журналы и газеты. Турецкие власти ограничили для курдских юношей право поступления в средние и высшие учебные заведения. Турецкое правительство превратило в ад район Дерсима с 500-тысячным населением. В заключение от имени племен Дерсима курды просили прислать комиссию для расследования преступления турецких властей. Обращение курдов Турции в Лигу Наций и к великим державам осталось без ответа.

В июле 1937 г. правительства Турции, Ирана и Ирака

заключили Саадабадский пакт, оформивший создание так называемой Ближневосточной Антанты, ставшей орудием британской политики на Ближнем Востоке. Турция, игравшая в этой Антанте руководящую роль, сделалась, таким образом, проводником английского влияния на Ближнем Востоке⁴³.

Саадабадский пакт предусматривал совместную борьбу подписавших его держав против сепаратистских движений и, следовательно, против курдского движения. В статье 7 этого пакта говорилось:

"Каждая из Высоких Договаривающихся сторон обязуется принимать меры, каждая в своей сфере, против создания или деятельности вооруженных банд, сообществ или организаций, стремящихся подрвать имеющиеся институты и угрожающих порядку и безопасности в любом районе или на границе другой договаривающейся стороны"⁴⁴.

Заручившись поддержкой правителей Ирана и Ирака, турецкие правящие круги приступили к "завершению" начатой операции против курдов Дерсима.

После казни Сейта Рызы осенью 1937 г. глава турецкого правительства Исмет Иненю заявил: "Вопрос о Дерсиме ликвидирован; мы вышли из затруднений, связанных с Дерсимом и очистили его воинскими частями"⁴⁵. Однако немного времени спустя, в июне 1938 г. известный турецкий журналист Гнус Нади писал, что турецкое правительство в этом году снова займется дерсимским вопросом и что там будут проведены военные операции⁴⁶. Оказалось, что Дерсим еще не побежден, и что курды продолжают сопротивляться, скрываясь в труднопроходимых горных районах.

28 мая 1938 г. премьер-министр Турции Джемаль Баяр, сменивший в октябре 1937 г. Исмета Иненю, обратился к дерсимцам: "Эй, народ Дерсима, бросьте оружие, и мы протянем вам свои руки. Велькодушные наше велико, но гнев еще больше: выбор в ваших руках!"⁴⁷.

Однако у курдов практически не было выбора. Опыт всей истории антитурецкой освободительной борьбы подсказывал, что турецкие ассимиляторы не остановятся на полпути в деле "решения" проблемы Дерсима.

Заявление премьер-министра Джемалья Баяра в то же время свидетельствовало о том, что анкарское правитель-

ство к середине 1938 г. не смогло подавить курдское восстание и скрыло от общественного мнения действительное положение дел в Курдистане. Это же подтверждает и его речь на заседании ВНСТ 30 июля 1938 г. "Из внутренних дел этого года, — говорил он, — заслуживает вашего внимания одна тема. Это вопрос о Дерсимае. Там мы намерены провести реформы. Эта программа претворяется в жизнь. В прошлом году там проводились военные операции, об этом все знает со всеми подробностями. В этом году согласно нашей программе необходимо продолжить военные операции. По сравнению с прошлым годом нынче там (т.е. в районе Дерсима.—М.Г.) сосредоточено еще больше наших сил. Проведение в Дерсимае этой программы вызвано необходимостью решительно покончить с Дерсимским вопросом..."⁴⁸. Борьба курдов Дерсимаа во времени совпала с обострением турецко-французских отношений из-за санджака Александретты. Турецкое правительство, пытаясь отвлечь общественное мнение страны от событий в Курдистане, пыталось все свалить на происки французских колониальных кругов. Вместе с тем оно под предлогом "военных маневров" стало перебрасывать в Курдистан крупные воинские части. Против курдов турецкое командование направило три армейских корпуса, оснащенных новейшей техникой.

В район "военных маневров" выехали премьер-министр Джелиль Баяр и министр иностранных дел Тевфик Рюшту. Вот что сообщала в этой связи газета "Джумхуриет":

"Премьер-министр и министр иностранных дел вчера выехали в Элязиг (Элязиз)... Премьер-министр перед отъездом посетил великого лидера Ататюрка в Долмабахче. По приезде премьер-министра получившие задание войска примут участие в больших маневрах"⁴⁹.

На "маневрах" присутствовали также министр национальной обороны Кязым Озальп, начальник генерального штаба Февзи Чакмак, инспектор Третьей армии армейский генерал Кязым-паша и др. "Маневры" охватывали районы Элязиг-Дерсим-Палу.

Одновременно в августе 1938 г. в соответствии с Саадабадским пактом турецкое правительство провело кон-

сультацию с правительствами Ирана и Ирака по вопросу о совместных действиях против курдов с тем, чтобы не дать возможности расширения курдского национально-освободительного движения в приграничных районах трех стран.

Добившись поддержки правящих кругов Ирана и Ирака, турецкие власти начали жестокую расправу над дерсимцами. Турецкие войска, обладая численным и техническим превосходством, не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Зверства карателей были настолько жестокими и чудовищными, что командующий эрзурумским корпусом Тевфик-паша отказался от своего поста и был отозван в Анкару.

В сентябре-октябре 1938 г. сопротивление курдов было сломлено. В результате жестоких боев были уничтожены тысячи курдов.

Восстание в Дерсима во многом, как справедливо отмечает один из видных курдских деятелей И.Ш.Ванлы, "было вызвано политикой массового выселения, которое правительство Анкары пыталось осуществить по отношению к курдам. Население Дерсима отказалось повиноваться приказу Анкары о переселении в западные районы страны"⁵⁰.

5 июля 1939 г. ВНСТ одобрило законопроект, направленный на ограничение передвижения курдов, запрещавший высланным в западные районы курдам возвращаться когда-либо в родные края.

Этот закон запрещал племенам и лицам "не турецкого происхождения, не имеющим отношения к турецкой культуре" вновь поселяться в зоне № I⁵¹, куда входили главным образом курдские вилайеты.

В соответствии с законом № 3667, 24 ноября 1939 г. правительство приняло постановление (№ 2/12374) о переводе на оседлый образ жизни курдских кочевников и продаже им земельных участков.

О том, к чему привела политика кемалистов в курдском вопросе в 30-х годах свидетельствует, в частности, статья турецкого журналиста Османа Мете, опубликованная в газете "Сон Поста" в апреле 1948 г.

"Я поехал в Тунджели, - писал он. - Это - бывший Дерсим. Объездил эти безлюдные и опустошенные края. Беседо-

вал с жителями, обитающими от Калана (в прошлом — село Мамикан) до Арарата. Они не видели других правительственных чиновников, кроме сборщика налогов и хандарма... Здесь нет ни ремесла, ни земледелия, ни торговли. Я увидел лишь несчастных, жалких людей, вся жизнь которых связана с выращиванием коз. Тунджели живет в XV веке и ничего не знает о благах XX века. Центр вилайета Тунджели находится в Калане, расположенном на берегу реки Мунсур и состоящем из 50 домов. Почему эта деревня построена в таком неудобном месте? — спросил я. Мне ответили, что после дерсимских событий Абдуллаху-паше (Альпдоган)... было предложено основать административный центр для вилайета и, несмотря на возражения специалистов..., он выбрал именно это ущелье... Здесь население занято, как правило, выращиванием коз. Особенно много работают женщины. Никакой духовной жизни, нет ни школ, ни медресе. Цивилизация ни в какой форме не проникла сюда. Нет ни врачей, ни медикаментов. Между деревнями нет дорог... В этом районе живет более 100 тыс. человек. Ответственность за эти нечеловеческие условия жизни должна лежать на правительственных комиссиях, потому что мы, как правительство, берем от Дерсима, но ему ничего не даем. Мы не должны допустить, чтобы такое положение продолжалось".⁵²

В течение десятилетий курдский народ вел вооруженную борьбу против турецких угнетателей за признание своих прав, добиваясь равноправия в культурной, политической и экономической сфере жизни страны. Однако в результате сложившихся обстоятельств курды неизменно терпели поражения в открытой и неравной борьбе. Жестокое подавление бесчисленных восстаний разорило экономику восточных вилайетов страны, в значительной мере обескровило курдские силы. Жесткие репрессии и террор привели к гибели видных курдских деятелей и тысяч мирных курдов. Курдская проблема в Турции осталась нерешенной.

Некоторые выводы в связи с национально-освободительной борьбой курдов в 20-х 30-х годах.

Политику турецких правящих кругов по отношению к курдам в 20-х и 30-х годах можно резюмировать следующим образом: отрицание прав курдов как особой национальности, или даже самостоятельной этнической группы, отличной от турок, и осуществление политики национального угнетения.

"Эта политика, — как справедливо замечает видный турецкий деятель Исмаил Бешикчи, — часто превращалась в политику расизма, пантюркизма"⁵³. В полном соответствии с этой политикой, власти продолжали обманывать себя, заявляя: "нет курдов, есть только турки"⁵⁴.

Однако подобная политика не могла решить эту важную проблему, поскольку продолжали существовать объективные причины, которые вызвали курдское освободительное движение. Восстания на востоке страны были подавлены. "Однако восток оставался постоянно в качестве кровоточащей раны", — справедливо пишет Ш.С.Айдемир⁵⁵.

Почти непрерывный процесс повстанческого движения, наблюдавшегося в 20-х — 30-х годах в восточных вилайетах Турции, свидетельствовали о постоянно действующих факторах, обуславливавших закономерность курдских восстаний. В основе курдского повстанческого движения лежали следующие важнейшие причины.

I. Национальный гнет со стороны правящих классов турецкой нации, отказывающих многомиллионному курдскому народу в праве на самостоятельное существование, и стремящихся путем военно-полицейских, насильственных административных мероприятий ассимилировать курдов или карательными экспедициями истребить их.

Практиковавшаяся турецкими правящими кругами грабительская и ассимиляторская политика выселения курдов с родных мест, плодородных долин и яйл и переселения их в полупустынные центральные и западные районы с целью

поселить на их место мухаджиров (иммигрантов) вызвала резкое недовольство курдского народа, делало его активной повстанческой силой.

Переселение согласно закону № 2510 из восточных районов в западные около 500 ага и шейхов, не только не решало курдскую проблему, но и делало ее острой. Земли их должны были перейти к крестьянам. Однако распределение этих земель практически не было проведено в жизнь. Впоследствии шейхи и ага, высланные в соответствии с законом № 2510 в западные районы, были возвращены в свои места. Более того, они вернули себе и земли. Смогли вернуться в свой край и беи, убежавшие в Ирак, Сирию и оттуда управлявшие своими владениями ⁵⁶.

Такие меры турецкого правительства, как выселение определенного числа ага, беев и шейхов в западные вилаеты, почти полная эвакуация районов Дерсима, Арарата и некоторых других и превращение их в запретные зоны, размещение в некоторых восточных вилайетах турецких иммигрантов, продажа кочевникам и оседлому местному населению части земель ага и шейхов, бежавших за границу, главным образом в Сирию и Ирак, наконец, создание генеральных инспекций, не устраняли причин возникновения национально-освободительного движения.

Выселение вождей племен, ага и шейхов не только не решало курдскую проблему, но и укрепляло их господствующее положение в курдском обществе. Турецкое государство на востоке страны не создало каких-либо новых учреждений, которые соответствовали бы чаяниям курдских народных масс и заменили бы влияние высланных представителей курдского господствующего класса.

2. Экономическая эксплуатация курдов сочеталась с вымогательством и прямым грабежом со стороны турецких ландармов и различных чиновников, стремившихся по директивам анкарского правительства превратить курдов лишь в плательщиков налогов и не желавших принять меры по улучшению их хозяйственного положения. Факты свидетельствовали, что в курдских районах налоговое обложение кемалистским правительством в значительной мере превышало

налоговое обложение в султанской Турции. Эти факторы также обуславливали борьбу курдского народа за свое освобождение.

3. Административно-бюрократическое правление турецких властей в значительной степени усмливало недовольство среди курдов. Это недовольство, вызванное бездарным правлением турецкого бюрократического аппарата в восточных вилайетах, являлось не последней причиной курдского повстанческого движения. По признанию самих турок, в отдаленные провинции Курдистана всегда ссылали неинициативных или провинившихся перед правительством представителей военной и чиновничьей бюрократии, которые нисколько не заботились о нуждах местного населения, а лишь старались при первой же возможности покинуть эти отсталые окраины.

4. На положение курдских масс отрицательно влияло и так называемые административные реформы, осуществлявшиеся в восточных вилайетах страны. Продолжая политику централизации, власти Анкары в 20-х - 30-х годах создали в восточных вилайетах три зоны генеральных инспекций, которые по существу находились на осадном положении и управлялись генеральными инспекторами, наделенными чрезвычайными полномочиями. Подобное административное изменение способствовало централизованному управлению, а также усилению давления чиновническо-бюрократического аппарата на население страны. Санджаки в восточных районах нередко управлялись каймаками, выходцами из курдов, при этом местное население испытывало меньше правительственного гнета, чем после создания вилайетов - губернаторами (вали), которыми назначались, как правило, турки или ассимилированные курды-чиновники, практически не имевшие связи с курдской массой. Естественно, что губернаторы наделались гораздо большими административно-политическими полномочиями, чем прежний каймакам. Эти административные централизованные мероприятия, естественно, не вызвали восторга у курдских полувисимых племен.

5. Нежелание феодально-помещичьей верхушки курдов делить с представителями турецкого правительства свою власть над трудящимися массами своего района, отрицатель-

ное отношение ее к буржуазным реформам кемалистов являлись одним из основных факторов борьбы курдских вождей и шейхов за независимость. Курдские деревен, шейхи и ага не могли не понимать, что буржуазные реформы кемалистов противоречат их интересам, угрожают их безграничному господству над курдскими трудящимися массами.

6. Важной причиной восстаний было формирование курдского национального самосознания, феодально-буржуазного национализма у курдских националистов, конечной целью которых было создание "Великого независимого Курдистана" (программа максимум) за счет курдских территорий Турции, Ирана и Ирака (точнее, не только за счет курдских территорий). Стимулирующими факторами курдского национализма были - относительная общность языка, религии, исторических судеб, а также экономический, политический, административный гнет турецких господствующих классов. Идейным вдохновителем национализма была курдская интеллигенция, бывшие депутаты, чиновники, офицеры, писатели, журналисты и др.

Насильственное расчленение Курдистана между Ираном, Турцией и Ираком, отрезавшее турецких курдов от кинных портов Сирии, через которые ранее осуществлялась значительная часть импортных и экспортных операций, а также сделавшее невозможным традиционные перекочевки курдских племен, привело к экономическому застою в турецком Курдистане. Это обстоятельство также объективно содействовало активизации повстанческого движения и обуславливало активное участие в нем представителей курдской торговой буржуазии, которая проявляла недовольство нарушением традиционных торговых связей.

В ряде районов Курдистана в процессе разложения феодальных отношений некоторые феодалы, вожди племен уже успели превратиться в торговцев. Конкурентная борьба в области торговли между турецкой торговой буржуазией и курдскими кушцами также усиливала национальную вражду и порождала идею создания независимого Курдистана, в котором курдские господствующие классы могли бы монопольно эксплуатировать "свои" трудящиеся массы.

Курдское крестьянство ненавидело турецких националистов за их административный налоговый гнет и поборы; зарождающаяся курдская торговая буржуазия не могла терпеть кемалистов за то, что в результате их политики Курдистан по существу был изолирован от внутренних и внешних рынков и, несмотря на его богатства, оставался самым отсталым, забитым и нищенским районом страны; и, наконец, курдская интеллигенция была недовольна тем, что турецкие националисты не допускают ее к активной государственной и общественно-политической деятельности, не доверяют ей.

Так, по количеству населения курды должны были иметь в мидьянсе второго и третьего созывов около 60 депутатов, а на самом деле имели всего нескольких депутатов, которых не всегда пускали на заседания. Что касается остальных депутатов от восточных вилайетов, то они были или турки, или же отуреченные курды, не имевшие ничего общего с местным курдским населением. Правда, в начале 20-х годов для видимости в состав правительства Хусейна Рауф-бея (12 июня 1922 г. — 14 августа 1923 г.), Али Фетхи-бея (21 сентября 1924 г. — 2 марта 1925 г.) был включен отуреченный курд Февзи-бей в качестве министра общественных работ.

Таковы важнейшие факторы, которые, вытекая из экономического и общественно-политического положения турецкого Курдистана, обусловили курдский национализм. Все эти факторы определяли активную борьбу и выступления всех слоев курдского народа за свое освобождение. В то же время некоторые из этих факторов создали предпосылки для развязывания и углубления не только национально-освободительного, но и антифеодальной борьбы курдских трудящихся масс за свое социальное освобождение⁵⁷. Таковы те важнейшие причины, которые обуславливали движение курдов 20-х и 30-х годов в Турции.

Анализ причин освободительного движения курдов показывает, что различные социальные слои в турецком Курдистане имели основания быть недовольными своим положением. Для курдских восстаний 20-х и 30-х годов XIX в. была характерна их массовость, в которых принимали участие все слои курдского общества, объединенные общей ненавистью к национальному гнету, к турецкой господствующей буржуазной клике. Массовость этих восстаний объяснялась активным участием в них курдского крестьянства: земледельцев и скотоводов. Следовательно, основной движущей силой курдского освободительного движения было курдское крестьянство. Это и понятно, ибо основу курдского вопроса в Турции, его внутреннюю суть все же составляли вопросы крестьянский. Крестьянство представляло основную армию курдского движения, без крестьянской армии не было бы и мощного национального курдского движения.

Однако гегемоном восстаний выступала, главным образом, феодальная, торгово-ростовщическая верхушка курдов: шейхи, вожди племен, торговцы скотом - представители зарождавшейся торговой буржуазии. В то же время идеологом, вдохновителем национально-освободительного движения выступала курдская интеллигенция: офицеры турецкой армии, врачи, юристы, студенты и др. Этим можно объяснить и задачи курдского освободительного движения, руководители которого в 20-х и 30-х годах в основном требовали признания существования курдской национальной общины, предоставления курдам культурной автономии (курдские школы, издание журналов и газет на курдском языке и др.) и прав нормального развития, уважая территориальную целостность заинтересованных государств ⁵⁸.

Вместе с тем следует отметить, что в тот период были широко использованы национальные лозунги ⁵⁹, требующие предоставления независимости Курдистану.

Тот факт, что восстаниями руководили главным образом шейхи, ага, вожди племен, курдское движение пытались использовать империалистические державы в своих целях. Империалистическое влияние, как правило, осуществлялось через отдельных шейхов, видных вождей племен,

а также торговцев, которые в первые годы Турецкой республики были связаны с торговыми рынками Ирака и Сирии.

Вместе с тем, по мере развития курдской освободительной борьбы в ней стали приобретать все больший удельный вес курдская торговая буржуазия и интеллигенция.

Тем не менее, в результате господства феодальных и полуфеодальных отношений, а также военно-политического и налогового гнета со стороны турецких властей, курдские трудящиеся массы продолжали следовать, как правило, за вождями и шейхами, которые пытались изобразить себя единственными "защитниками" курдов от турецкого гнета. Это обстоятельство в известной мере задерживало, тормозило социальное, классовое расслоение курдов, что отрицательно сказывалось на освободительном движении в Курдистане. На курдское освободительное движение отрицательно влияло отсутствие политических организаций, имевших четкую организационную структуру, программу действий. Такие организации, как Общество возрождения Курдистана, Центральный комитет Курдистана, "Хойбун", другие курдские политические группы, хотя и объединяли на том этапе в своих рядах передовых людей — политических и общественных деятелей курдского народа, организационно, идеологически и теоретически были слабо подготовлены. Эти организации, как правило, выражали идеологию курдского феодализма, или в лучшем случае, идеологию зарождавшейся курдской буржуазии. Многие курдские общества и комитеты не имели определенной программы и потому действовали стихийно. А те из них, которые имели свои программы, не всегда учитывали конкретные исторические условия, расстановку политических и классовых сил в самой Турции и на Ближнем Востоке.

Курдские деятели, среди которых были и истинные патриоты, посвятившие себя освобождению курдов, не смогли найти наиболее реальные пути решения курдской национальной проблемы. Курдские политические организации в рассматриваемый период не выдвинули практически ни одного антиимпериалистического лозунга и не смогли установить контакты с прогрессивными, антиимпериалистическими силами других народов Турции.

Все это означало, что на той социальной базе, при том руководстве повстанческим движением, при той международной ситуации освободительная борьба не могла достигнуть цели — национальной независимости курдского народа в пределах Турции. Движение курдов в 20-х и 30-х годах, которым руководила главным образом феодальная верхушка, объективно было обречено на провал. Народные массы, принимавшие участие в этих восстаниях, не имели ясного представления об их целях и задачах, а курдские вожди восстаний не были способны выдвигать конкретные лозунги, которые отвечали бы национальным чаяниям широких слоев курдского народа ⁶⁰.

Помещичье-буржуазная, националистическо-шовинистическая сущность правительства Турции исключала возможность разрешения им курдского вопроса как социально-национальной, этнической проблемы. Наряду с репрессивными мерами, турецкое правительство постоянно искало себе опоры в феодально-реакционной прослойке курдского общества. Более того, было ясно, что по мере роста революционной активности курдской интеллигенции, трудящихся масс и развертывания антифеодального движения, курдские феодалы будут сотрудничать с турецкими властями в подавлении курдского крестьянства.

Из всего этого вытекало, что национально-освободительное движение курдов может добиться успеха только в совместной борьбе с турецкими рабочими и крестьянами против феодально-клерикальных элементов, против империализма, гнета правящих классов господствующей нации, против общих эксплуататоров — феодалов, шейхов, помещичье-буржуазного режима в Турции.

Лишь одновременная совместная борьба курдских и турецких трудящихся масс против эксплуататоров, угнетателей, а также империалистов может поднять курдское освободительное движение на новую высшую ступень и содействовать решению курдской проблемы в Турции.

В то же время успех освободительной борьбы курдов зависит во-многом от поддержки ее турецкими рабочими, крестьянами, прогрессивной интеллигенцией, а также всей прогрессивной мировой общественности.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I - Курдское восстание 1925 года

- 1 - M.Toker, Şeyh Sait ve İsyanı, Ankara, 1968, s.35.
- 2 - Хасананлы Халит-бей был вождем одного из наиболее могущественных племен хасананлы. В одно время он командовал четырьмя полками "хамидие". Хасананлы Халит-бей собирал ашар со всех сел округа Малазгирт, что давало ему возможность содержать при себе отборную кавалерию в 100 человек. Кроме того, его поддерживало племя хасананлы, насчитывавшее сотни воинов иррегулярной кавалерии (M.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, Ankara, 1961, s. 128).
- 3 - Х.Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы (канд.дисс.), М., 1971, стр.45.
- 4 - Шейх Саид родился в уезде Палу (вил.Элязиг) в 1865 г. Дед его Шейх Али Септи в конце XVIII в. переехал из деревни Септи (вблизи Диярбакира) в Палу, где продолжал свои обязанности шейха. Шейх ордена "Нахшбанди" Али Септи имел пятерых сыновей. Одного из них звали Махмудом - отец шейха Саида. После смерти Али Септи шейх Махмуд переехал на местожительство в Хымыс, где Саид получил религиозное образование. Некоторые из наследников шейха и ныне проживают в Пиране. (M.Toker, Şeyh Sait ve İsyanı, s. 31).
- 5 - Этим паролем была фраза "Абдулла Тевфик-заде Бекир Сидки". Руководители курдского движения должны были иметь при себе визитные карточки с этой фразой.
- 6 - M.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s.126.
- 7 - Впоследствии один из руководителей курдского восстания у Арарата.
- 8 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, Halep, 1952, s. 173-174.

- 9 - М.Ş. Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s.127.
- 10 - L.Rambout, Les Kurdes et le droit, Paris, 1947, p. 26.
- 11 - К.Сасуни, Национальное движение курдов и армяно-курдские отношения, Бейрут, 1969, стр.246 (на арм.языке).
- 12 - М.Ş. Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 123.
- 13 - М.Н.Дерсимі, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.174; Х.Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы (канд.дисс.), М., 1971, стр.46.
- 14 - "İstanbul", 17, 18, 21. VIII. 1925.
(по производственным соображениям турецкие газеты, вышедшие по 1928 г., также даны латинским шрифтом).
- 15 - Ş.S.Aydemir, Tek adam. Mustafa Kemal, cilt III, (ikinci baskı), İstanbul, 1961, s. 225.
- 16 - М.Ş. Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 131.
- 17 - М.Н. Дерсимі, Kürdistan Tarihinde Dersim, s. 189.
- 18 - М.Ş. Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s.131-
- 132.
- 19 - Пиран находится в уезде Эргани вилайета Бингёль (бывший вилайет Гендж).
- 20 - М.Н. Дерсимі, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.176.
- 21 - М.Ş. Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s.132.
- 22 - С.С.Аванесов, Положение национальных меньшинств в Турции, Ереван, 1963, стр.54.
- 23 - М.Токер, Şeyh Sait ve isyanı, s. 40-41.
- 24 - Ş.S.Aydemir, İkinci adam. İsmet İnönü, cilt I, İstanbul, 1968, s. 308.
- 25 - Таблица составлена по данным: "İstatistik yıllığı", cilt 5, 1931/32, № 21, s.70-71.
- 26 - Вилайеты даны по административному делению того периода.
- 27 - Н.С.Аrmstrong, Grey Wolf. Mustafa Kemal, London, 1934, p. 264.

- 28 - М.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 133.
- 29 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 83.
- 30 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.247.
- 31 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 87.
- 32 - Б.К.Бамкочян, Аянн, стр.313 (на арм.языке).
- 33 - "Акşam", 27. IV. 1925.
- 34 - М.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 134.
- 35 - Ş.S.Aydemir, Tek adam. Mustafa Kemal, cilt III, s.226.
- 36 - М.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s.135.
- 37 - М.Н.Дерсими, Kürdistan Tarihinde Dersim, s. 180.
- 38 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s.87.
- 39 - "Vakit", 27.V.1925.
- 40 - М.Н.Дерсими, Kürdistan Tarihinde Dersim, s. 187.
- 41 - М.Н. Дерсими, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.187.
- 42 - М.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 135-136.
- 43 - М.Н.Дерсими, Kürdistan Tarihinde Dersim, s. 178.
- 44 - М.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 137-188.
- 45 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.250.
- 46 - Осман-паша до 1960 г. был депутатом от Малатьи, умер в Анкаре.
- 47 - М.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 143-145.
- 48 - М.Н.Дерсими, Kürdistan Tarihinde Dersim, s. 178-179.
- 49 - Курдский патриот Хасананлы Халит-бей весной 1926 г. вместе с 25 всадниками вернулся в Турцию (Малазгирт) с целью поднять новое восстание. Однако товарищи его сдались каймакаму Малазгирта, а Хасананлы Халит-бей со своими двумя сподвижниками был ночью схвачен в селе Ширваншейх и повешен 31 июля 1926 г. в Диярбакыре.
- Что касается Али Ризы, то он из Ирана уехал в Ирак, а затем в Сирию, где вступил в курдскую военно-политическую организацию "Хойбун"(М.Ş.Fırat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s. 146).
- 50 - В.Семал, Şeyh Sait isyanı, İstanbul, 1955, s.39.
- 51 - "Заря Востока", I. III. 1925
- 52 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s.12.
- 53 - Ibid., s. 12.
- 54 - Тогда еще выходным днем оставалась пятница.
- 55 - "Hakimiyeti Milliye", 24.II.1925.

- 56 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 22.
 57 - "Akşam", 26.II.1925.
 58 - "Hakimiyeti Milliye", 24.II.1925.
 59 - "Tanin", 26.II.1925.
 60 - "İstanbul", 24.II.1925.
 61 - "Akşam", 24.II.1925.
 62 - "İstanbul", 25.II.1925.
 63 - B.Cemal, Şeyh Sait isyanı, s.47.
 64 - "Düstur", cilt 6, s.107.
 65 - "Akşam", 27.II.1925.
 66 - "İstanbul", 2.III.1925.
 67 - T.Z.Tunaya, Türkiyede Siyasi Partiler, İstanbul, 1952, s. 617.
 68 - См.М.Кемаль, Путь новой Турции, т.IV.Примечания, стр.315.
 69 - Ş.S.Aydemir, Tek adam. Mustafa Kemal, cilt III, s. 220.
- 70 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 45.
 71 - "Tanin", 27.II.1925.
 72 - B.Cemal, Şeyh Sait isyanı, s. 47.
 73 - "Tanin", 1.III.1925.
 74 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 66.
 75 - В него не был введен по существу ни один представитель из курдских вилайетов. Все министры были главным образом из центральных и западных районов Турции.
 76 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 69.
 77 - "Hakimiyeti Milliye", 6.III. 1925.
 78 - "İstanbul", 5.III.1925; "Gazet", 5.III.1925.
 79 -
 80 - B.Cemal, Şeyh Sait isyanı, s. 59-60.
 81 - "Vakit", 6.III.1925.
 82 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 81.
 83 - Ibid., s. 82.
 84 - Ibid.,
 85 - "Vakit", 9.III.1925.
 86 - Цит.по журн."Аграрные проблемы",1931,№ 9-10,стр.108.
 87 - "Заря Востока" 13.V.1925
 88 - "Gazet", 31.III.1925.
 89 - "Journal d'Orient", 1.IV.1925; "Tanin", 1.IV.1925.

90 - Кемалетдин Сами-паша родился в 1885 г. в Синопе в семье инженера-строителя Абдурахмана Сами. Получил высшее военное образование в Стамбульской военной академии. В первую мировую войну участвовал в защите Дарданелл и в боях на Кавказском фронте. По заключении перемирия был комендантом Стамбула, затем командовал дивизией. После оккупации союзниками Стамбула бежал в Анатолию, где принимал участие в войне против греков. В августе 1924 г. был назначен турецким послом в Германию.

В марте 1925 г. и в августе 1930 г. временно отзывался в Турцию и назначался командующим турецкими войсками по подавлению курдских восстаний. Был близок к Кемаль-паше. (М.Кемаль. Путь новой Турции. Приложения т.П, стр.393-394).

91 - См. А.А.Кузнецов. Курдский вопрос на первом этапе общего кризиса капитализма, стр.221-222.

92 - К.Сасуни. Национальное движение курдов, стр.248

93 - "Journal d'Orient", 24.III.1925.

94 - Б.К.Хамкочян. Айни, стр.319.

95 - "Akşam", 5.IV.1925.

96 - "Akşam", 13.IV.1925.

97 - "İstanbul", 14.IV.1925.

98 - "Düstur" cilt 6, s.566, 567, 568-569.

99 - Ş.S.Aydemir, Tek Adam. Mustafa Kemal, cilt III, s. 227.

100 - В.Семал, Şeyh Sait isyanı, s. 73-75.

101 - См. С.С.Аванесов, Положение национальных меньшинств в Турции. Ереван, 1963, стр.55

102 - К.Сасуни. Национальное движение курдов, стр.249.

103 - К.Ататурк, Mutuk, cilt II, s. 893.

104 - "Akşam", 26.II.1925.

105 - "Tanin", 11.IV.1925.

106 - Кёр Абдулла Саади с 1912 г. участвовал в организации курдских обществ и принимал активное участие в их работе.

107 - "İstanbul", 26.VIII.1925.

108 - М.Токер, Şeyh Sait ve isyanı, s.53.

- IO9 - "Istanbul", 26.III. 1925.
 II0 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 56-58.
 III - "Istanbul", 26.VIII. 1925.
 II2 - "Istanbul", 26.VIII.1925; M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı s. 59.
 II3 - "Istanbul", 7.V.1925.
 II4 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s.113.
 II5 - Ibid., с р. 117.
 II6 - "Akşam", 12.V.1925; "İstanbul", 12.V.1925.
 II7 - M.Toker, Şeyh Sait ve isyanı, s. 118.
 II8 - "Journal d'Orient", 29.V.1925.
 II9 - Доктор Фуад-бей-сын курда Хаджи Ибрагима, который происходил из племени заза (Чермик).Фуад-бей родился в 1887 г.в Диярбакире.Он учился в военно-медицинском училище в Стамбуле. Затем эмигрировал в Европу. Оттуда он тайно вернулся в Турцию. В 1921 г.он был назначен на работу в госпиталь в Урфе,но так как не получал длительное время заработной платы, оставил госпиталь и стал заниматься частной практикой врача в Диярбакире. В предшествовавшие восстанию шейха Самда месяцы Фуад-бей организовал в Диярбакире "курдский клуб" и собирался издавать газету под названием "Месопотамия" (" Akşam ",7.V.1925).
 I20 - "Akşam", 7.V.1925.
 I21 - См.М.А.Асратян, Политика турецких правящих кругов по отношению к курдскому населению (1924-1939).Краткие сообщения, 1961, № XXX, стр.125.
 I22 - К.Сасуни. Национальное движение курдов,стр.252.
 I23 - В.Семал, Şeyh Sait isyanı, s.97.
 I24 - К.Сасуни. Национальное движение курдов,стр.252
 I25 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.185.
 I26 - "Gazet", 25.IX.1925.
 I27 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.181.
 I28 - "Gazet", 15.III.1925.
 I29 - Б.К.Хамкочян, Аяни, стр.308.
 I30 - Н.С.Armstrong, Grey Wolf.Mustafa Kemal, London, 1934, p. 26.

- I31 - "L'Asie Française", Paris, 1926, № 238, p.86.
- I32 - Ibid.
- I33 - L.Rambout, Les Kurdes et le droit, p. 28.
- I34 - "The Near East and India", 27.VIII. 1925.
- I35 - "Tanin", 28.II.1925.
- I36 - "Hayat ansiklopedisi", cilt 20, Istanbul, s. 4359.
- I37 - B.Cemal, Şeyh Sait isyanı, s. 52.
- I38 - Цит. по кн.: L.Rambout, Les Kurdes et le droit, p.27
- I39 - "Gazetesi", 9.III.1925.
- I40 - По данным турецкой печати, к середине февраля 1925 г. ПРП насчитывала около 10 тыс.членов. В партию не принимали(сь государственные чиновники и кадровые офицеры (Istanbul", 16.II.1925).
- I41 - Ataturk, Nutuk, cilt II, s.891.
- I42 - Один из руководителей повстанцев.
- I43 - Ataturk, Nutuk, cilt II, s.892.
- I44 - Ş.S.Aydevir, Tek adam. Mustafa Kemal, cilt III, s.229.
- I45 - Правда, в 1930 г. были созданы Либерально-республиканская партия, Народно-республиканская партия (ахали джумхуриет фиркасы), Турецкая республиканская рабочая и крестьянская партия, но они просуществовали весьма недолго.
- I46 - "Международная жизнь", 1926, № 2, стр.137.
- I47 - В.Никитин, Курды, стр.293.
- I48 - Цит. по рук.: А.А.Кузнецов, Курдский вопрос на первом этапе общего кризиса капитализма, стр.235.
- I49 - "Times", 12.II.1926.
- I50 - В.Гурко-Кряжин, Мосул и Ирак, "Международная жизнь" 1926, № I, стр.42.
- I51 - См. В.Никитин. Курды, стр.293.
- I52 - "Hakimiyeti Milliye", 15.III.1926.
- I53 - "Международная политика новейшего времени в договорах, нотах, декларациях", ч.Ш, вып.П, М., 1929, стр.310-311.
- I54 - "Report by His Britanic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the administration of Iraq for the Year 1926", London, 1927, p.9.

ГЛАВА II - Политика "умиротворения" в Курдистане
и Араратское восстание

- I - "Gazet", 24.V.1925
- 2 - J.Rizzo, La Législation Turque, t.IV,Istanbul,p.5.
- 3 - "Akşam", 26.XI.1925.
- 4 - J.Rizzo, La Législation Turque, t.IV,p.21-22.
- 5 - Нух-бей бежал в Мосул к шейху Махмуду. Здесь он пробыл два года.Весной 1928 г. брат его Хаджи Муса и Хайдер-анли Хусейн-паша бежали из ссылки (Кайсери) в Мосул к шейху Махмуду. Последний, оставив у себя Нух-бей, отправил Хаджи Мусу и Хусейн-пашу с сыновьями в район Арарата для их участия в новом курдском восстании. Однако Хаджи Муса в дороге заболел и умер.Несколько позже, уже на территории Турции, сын Хаджи Мусы - Медени предательски убил спавших Хусейн-пашу и его сыновей,а отрубленные головы принес генеральному инспектору восточных вилаетов Ибрагиму Тали-бей и тем самым добился для себя помилования. Узнав об этом, шейх Махмуд,чтобы отомстить за Хусейн-пашу, в мае 1928 г. повесил Нух-бей (дядя Медени) (см. М.Ş.Firat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s.149).
- 6 - О Сенте Таха см.: М.А.Камаль, Национально-освободительное движение в иракском Курдистане, стр.109.
- 7 - M.Erdost, Şeyh Sait karşı ihtilalinden Nehri isyanına, - "Jön", 1966, № 174, s.13.
- 8 - ЦГАОР СССР, ф.391, оп.2, ед.хр.94, л.6; "Times" 23.VI.1925.
- 9 - M.Ş.Firat, Doğu illeri ve Varto tarihi, s.149.
- 10 - "Vakit", 19.III.1926.
- 11 - "Daily Telegraph",3.VI.1926.
- 12 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, д.277, л.153; " Akşam " 26.V.1928.
- 13 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, д.61, л.24.
- 14 - "Republique", 6.X.1926.
- 15 - "Journal d'Orient",8.XI.1926.

- 16 - ЦГАОР, ф.4459, оп.2, ед.хр.161, л.540-541.
- 17 - Адвокат Мелек Парсо еще раньше был приговорен к трем годам тюремного заключения в Йозгаде по обвинению в антиправительственной деятельности, бежал из под конвоем, перебрался в Сирию. Вернувшись в Турцию для участия в курдском движении, был схвачен, судим и казнен.
- 18 - Хаджим Мухамеддин-бей был избран на этот пост 14 ноября 1925 г. вместо заболевшего Мазхар Мифид-бея.
- 19 - Али Саиб был активным участником национально-освободительного движения в южных вилайетах страны, депутатом меджлиса первого созыва от Урфы. В период работы меджлиса второго созыва Али Саиб в качестве члена суда независимости был послан в Диярбакыр для участия в подавлении курдского восстания ("Hakimiyeti Milliye", 7.XII.1926).
- 20 - "Journal d'Orient", 29.XII.1926.
- 21 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, Halep, 1952, s. 190.
- 22 - См. о нем: I.N.Ulug, Atatürkün çizdiği portreler, Istanbul, 1968, s.202-203.
- 23 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.191.
- 24 - Ibid., s.192-193.
- 25 - См. закон в сб.: Naci Kökdemir, Eski ve yeni toprak, iskân hükümleri ve uygulama klavuzu, Ankara, 1952, s. 25-28; J.Rizzo, La Legislation Turque, t.IV, Istanbul, 1938, p.510.
- 26 - "Times", 30.III.1926.
- 27 - "Akşam", 3.V.1926.
- 28 - "Echo", 3.V.1926.
- 29 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.44.
- 30 - Bedir-han Celadet Ali, Mektup Türkiye Reisi Cumhur Gazi Mustafa Kemal Paşa hazretlerine, 1933, s.26.
- 31 - "Republique", 9.II.1927.
- 32 - М.Кемаль, Путь новой Турции, т.Ш. 1934. Примечания, стр.275.
- 33 - Выборы в ВНСТ третьего созыва состоялись в сентябре 1927 г.

- 34 - "Akşam", 3.II.1927.
- 35 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2,ед.хр.161, л.522.
- 36 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2,ед.хр.161, л.523.
- 37 - "Akşam", 2.XI.1926.
- 38 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2,ед.хр.161, л.523.
- 39 - J.A.Rizzo, La Législation Turque, t.V, p.89.
- 40 - См.закон: Н.Кökdemir, Eski ve yeni toprak, iskân hükümleri ve uygulama klavuzu, s.28-30.
- 41 - В.Никитин, Курды, М.,1964, стр.90.
- 42 - М.Н.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.199.
- 43 - Ibid.,s.200.
- 44 - Ibid., s.200.
- 45 - Али Джемаль направил курдам Оваджика в сопровождении капитана Фанка 150 грузенных боеприпасами мулов. Этот капитан, по замыслу Али Джемали, должен был следить за распределением боеприпасов. Однако по настоянию курдов он был отозван.
- 46 - М.Н.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.201.
- 47 - Ibid., s.202.
- 48 - "Milliyet", 1.XIII.1927.
- 49 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2,ед.хр.161,л.119; "Milliyet" 6.XII.1927.
- 50 - См.закон в сб.: "Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi", İstanbul, 1939, s.68.
- 51 - J.A.Rizzo, La Législation Turque,t.V, p. 839; "Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi", s. 69.
- 52 - "Düstur", cilt 9, s.44.
- 53 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2,ед.хр.161, л.129.
- 54 - В результате власть генерального инспектора распространилась на зону, охватывающую более 107 тыс. кв.км, где, согласно переписи населения 1927 г., проживало около 900 тыс. человек ("Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi",s.450.
- 55 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2,ед.хр.161, л.129.
- 56 - "Düstur", cilt 9, 1931, s.20-23; J.A.Rizzo, La Législation Turque", t.V, p. 839-844.

- 57 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.161, л.70-71.
- 58 - Ибрагим Тали-бей (Онгёрен) родился в 1874 г. в Стамбуле. Врач по образованию, активно работал в партии "Единение и прогресс". В начале 1919 г. назначен санитарным инспектором в восточные вилайеты и вместе с Мустафой Кемалем выехал 16 мая 1919 г. в Анатолию. В мае 1920 г. в составе первой анкарокой миссии был командирован в Москву; в сентябре 1920 г. присутствовал на Бакинском конгрессе народов Востока. Осенью 1921 г. назначен турецким генеральным консулом в Баку. С 17 декабря 1923 г. занимал пост советника министерства иностранных дел. Летом 1924 г. - посланник в Варшаве. Трижды избирался в ВНСТ (см. М.Кемаль, Путь новой Турции, Примечания, т. I, 1929, стр. 440; "Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi", İstanbul, 1939, с. 85-86).
- 59 - "Milliyet", 21.I.1928.
- 60 - "Düstur", cilt 9, с. 188-190.
- 61 - "İkdam", 8.II.1928.
- 62 - "Journal d'Orient", 28.III.1928.
- 63 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.276 л.23; "Milliyet", 27.III.1928.
- 64 - "Düstur", cilt 9, 1931, с. 804-805.
- 65 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.277, л.247.
- 66 - Там же, л.230
- 67 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.276, л.156.
- 68 - "Milliyet", 2.V.1928.
- 69 - "Republique", 8.VIII.1928 .
- 70 - "Journal d'Orient", 9.V.1928.
- 71 - "Times", 7, IV.1928.
- 72 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.277 л.14; "Düstur", cilt 9, с. 834.
- 73 - "Republique", 8.VII.1928.
- 74 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2 ед.хр.276, л.24
- 75 - "Istanbul", 4.III.1929.
- 76 - "Akşam", 29.III.1930.
- 77 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, с. 207-210.

- 78 - В состав делегации, кроме шейха Хасана (старший сын Сехта Ризы), входили глава племени карабаган Канго-оглу Мехмет Али, глава племени ферхадан Джемшит-ага, вождь племени аббасан Зейнооглу Ахмет. Вместе с делегацией в Диярбакыр прибыл и Мехмед Нури (см.: M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.211).
- 79 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.212.
- 80 - Ibid., s.213.
- 81 - Ibid., s.214.
- 82 - Ibid., s.223.
- 83 - "Istanbul", 5.VI.1925.
- 84 - "Gaset", 21.VI.1925.
- 85 - "Vakit", 24.V.1925.
- 86 - "Journal d'Orient", 14.IV.1928.
- 87 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.161, л.441-442.
- 88 - "Düstur", cilt 10, 1934, s.1793.
- 89 - N.Kökdemir, Eski ve yeni toprak, iskân hükümleri ve uygulama klavuzu, s.165.
Согласно постановлению Совета министров от 18 марта 1931 г., это положение распространялось на весь район Первой генеральной инспекции (Ibid., s.116), т.е. на вилайеты Агры, Ван, Муш, Битлис, Хаккари, Сирт, Мардин, Диярбакыр, Урфа, Элязиз (включая район Дерсим) (Ş.S.Aydemir, İkinci adam, cilt I, Istanbul, 1968, s.321.)
- 90 - Ş.S.Aydemir, İkinci adam, cilt I, s.321.
- 91 - Bedir-han Celadet Ali, Mektup Türkiye Reisi Cumhuriyet Gazi Mustafa Kemal Paşa hazretlerine, s.82-83.
- 92 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.276, л.209; "Milliyet" 30.I.1928.
- 93 - Ş.S.Aydemir, İkinci adam, cilt I, s.399.
- 94 - "Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi", s.453.
- 95 - Bedir-han Celadet Ali, Mektup Türkiye Reisi Cumhuriyet Gazi Mustafa Kemal Paşa hazretlerine, 1933, s.26.

- 96 - Ş.S.Aydemir, İkinci adam, cilt I, s.399-400.
- 97 - Ibid., 317.
- 98 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, Halep, 1952, s. 247.
- 99 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.270.
- I00 - К.Васильев, Причины и движущие силы курдских восстаний. - "Аграрные проблемы", 1931, кн.9-10, стр.109.
- I01 - По данным М.Нури Дерси́ми, первый съезд организации "Хойбу́н" состоялся в августе 1927 г. в гор.Бихамдуне (Ливан) (см. M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s. 255) . Турецкий автор Сади Коча́н считает, что он проходил в Ираке (см. S.Koçağ, Tarih boyunca Ermeniler ve Türk-Ermeni ilişkileri, Ankara, 1967, s.265). Однако, по утверждению участника съезда Блача Шерко, съезд состоялся в августе 1927 г. в самом Курдистане (см.Х.Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы (канд. диссерт.), М., 1971, стр.48.
- I02 - J.Blau, Le probleme Kurde, éssai sociologique et historique, Bruxelles, 1963, p.36.
- I03 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.270.
- I04 - Х.Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы, М., 1971, стр.48-49.
- I05 - В это время курды Ирака вели вооруженную борьбу против английских колонизаторов за свои национальные права.
- I06 - См.Блач Шерко, аль-Кадия, аль-Курдия, Каир, 1930, стр.31. - Цит.по канд.диссерт.Х.Барзани, Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы. М.:, 1971, стр.50.
- I07 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.278.
- I08 - Цит.по ст.:А.Акопов, Курдский вопрос и дашнаки, - "Большевик Закавказья", Тифлис, 1931, № 2, стр.38.
- I09 - В.Никитин, Курды, стр.282-283.

- II0 - Цит. по ст.: А.Акопов, Курдский вопрос и дашнаки,-
"Большевик Закавказья", 1931, № 2, стр.37.
- III - Там же, стр.38
- II2 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.247.
- II3 - S.S.Gavan, Kurdistan: Divided Nation of the Middle
East, London, 1958, p. 21.
- II4 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.281.
- II5 - Там же.
- II6 - Там же, стр.280
- II7 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.284-285.
- II8 - H.Arfa, The Kurds, London, 1966, p.41.
- II9 - E.K.Bedir-Khan, La Question kurde, Paris, 1959,
p. 14.
- I20 - K.August, Le pays de Kemal Ataturk, Leipzig, 1938,
p.30.
- I21 - D.Kinnane, The Kurds and Kurdistan, London - New
York, 1964, p. 31.
- I22 - К.Васильев, Причины и движущие силы курдских вос-
станий. - "Аграрные проблемы", 1931, кн.9-10, стр.III.
- I23 - Там же, стр.II2.
- I24 - Бюллетень прессы Среднего Востока, Ташкент, 1930,
№ 8-9, стр.36.
- I25 - Там же.
- I26 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.251.
- I27 - Ibid.
- I28 - "Cumhuriyet", 30.VI.1930.
- I29 - "Hakimiyeti Milliye", 8.VII.1930.
- I30 - "Republique", 6.VII.1930.
- I31 - C.A.Bedir-Şan, Mektup Türkiye Reisi Cumhuriyet
Gazi Mustafa Kemal Paşa hazretlerine, 1933, s.76.
- I32 - Ş.S.Aydemir, İkinci adam, cilt I, s.399.
- I33 - S.S.Gavan, Kurdistan..., London, 1958, p.26.
- I34 - Цит. по ст.: А.Акопов. Курдский вопрос и дашнаки.-
"Большевик Закавказья", Тифлис, 1931, № 2, стр.39.
- I35 - См. Бюллетень прессы Среднего Востока, 1932,
№ 13-14, стр.18-20.

- I36 - См.: "Memorandum sur la situation kurdes et leurs revendication", p. 18.
- I37 - "Milliyet", 31.VIII.1930.
- I38 - "Milliyet", 19.IX.1930.
- I39 - Цит. по журн.: "Бюллетень прессы Среднего Востока", 1932, № 13-14, стр.73.
- I40 - "Atatürkün söylev ve demeçleri", cilt I, İstanbul, 1945, s.349.
- I41 - A.Kemali, Erzincan, 1932, s.167.
- I42 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.256.
- I43 - A.Kemali, Erzincan, s.170.
- I44 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.257.
- I45 - A.Kemali, Erzincan, s.171.
- I46 - Ibid.
- I47 - "Akşam", 2.V.1931.
- I48 - См. Бюллетень прессы Среднего Востока, 1931, № 12, стр.14.
- I49 - Ф. Рост-н, Заметки о курдах, - Бюллетень прессы Среднего Востока, 1932, № 13-14, стр.73.
 22 мая 1932 г. Аданский суд вынес приговор по делу повстанцев, схваченных в районе Арарата. 30 человек были приговорены к смертной казни, 58 - к различным срокам тюремного заключения.
- I50 - J.Ch.Vanly, Le Kurdistan et La Question kurde, Paris, 1960, p. 11.
- I51 - Ф., İkinci Kürt isyanı - "İnkılâp Yolu", 1930, № 1-2, s.10.
- I52 - "Milliyet", 17.X.1931.
- I53 - Программные документы Коммунистических партий Востока, М., 1934, стр.151.
- I54 - Там же.
- I55 - См. "Заря Востока", 9.IV.1926.
- I56 - "Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях", под редакцией Ю.В.Ключникова, А.В.Сабанина, ч.Ш, вып.П, М., 1929, стр. 310-311.
- I57 - Там же, стр.304-305.

- I58 - Цит. по рук.: А.А. Кузнецов, Курдский вопрос на первом этапе общего кризиса капитализма, стр.97-99.
- I59 - ЦГАОР СССР, ф.4459, оп.2, ед.хр.161, л.280.
- I60 - "Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях", ч.Ш, вып.П, М., 1929, стр.309-310.
- I61 - См. Выявление прессы Среднего Востока, 1929, № 3(II), стр.80-82.
- I62 - См.: "Düstur", cilt 13, s.673-686.
- I63 - Ibid., s. 687-699.
- I64 - Ibid., cilt 15, s.134-135.
- I65 - Ibid., cilt 13, s.1027-1042.

ГЛАВА III - Усиление политики подавления курдов в 30-х годах.

- I - См. закон в кн.: L.Rambout, Les Kurdes et le droit, Paris, 1947, p.32-33; R.Maurids, Le Kurdistan ou la mort, Paris, 1967, p.62.
- 2 - Bedir-han Celadet Ali, Mektup Türkiye Reisi Cumhuriyet Gazi Mustafa Kemal Paşa hazretlerine, 1933, s.84.
- 3 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.242.
- 4 - "Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi", İstanbul, 1939, s.61-62.
- 5 - M.N.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.244.
- 6 - Ibid., s.245.
- 7 - В.Никитян, Курды, стр.294-295.
- 8 - "Düstur", cilt 15, Ankara, 1934, s.1122-1123.
- 9 - Ş.S.Aydemir, İkinci adam, cilt I, s.321-322.
- 10 - "Düstur", cilt 15, Ankara, 1934, s.1156.
- 11 - Ibid., s. 1157, 1158.
- 12 - Ibid., s.1158-1159.
- 13 - Ibid., s.1159.
- 14 - Ibid., s.1165.
- 15 - "Türkiye Cumhuriyeti. On beşinci yıl kitabı", Ankara, 1938, s.402.
- 16 - А.Д.Новичев, Крестьянство Турции в новейшее время, М., 1959, стр.126

- 17 - Цит. по кн.: L. Rambout, Les kurdes et le droit, p. 24.
- 18 - "Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi", İstanbul, 1939, s.63-64.
- 19 - "Düstur", cilt ..., Ankara, 1936, s.28-30.
- 20 - "Tempe", 18.VIII.1937.
- 21 - "Hayat Ansiklopedisi", cilt 7, İstanbul, 1932, s.2966.
- 22 - См.: "Düstur", cilt 17, 1936, s. 165-182.
- 23 - "Güney Doğu. Birinci Genel Müfettişlik Bölgesi", İstanbul, 1939, s.66.
- 24 - Вторая генеральная инспекция была создана 19 февраля 1934 г. в Европейской Турции. Третья - 6 сентября 1935 г. с центром в Эрзуруме. В зону Третьей генеральной инспекции входили вилайеты Эрзурум, Карс, Ризе, Трабзон, Гюмюшане, Эрзинджан и Агры (см.: "Güney Doğu. Birinci Müfettişlik Bölgesi", s. 66), т.е. почти вся территория Западной Армении и Лазикстана. Эта зона была объявлена запретной. Там никто не мог поселиться без разрешения военных властей.
- 25 - M.M.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.270.
- 26 - Ibid., s.268.
- 27 - Ibid., s.270.
- 28 - К тому времени в стране были четыре генеральные инспекции.
- 29 - M.M.Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.272.
- 30 - Ibid., s.273.
- 31 - Видный руководитель курдского освободительного движения поэт Алишер происходил из племени шейх-хасанан, родился в уезде Умрание (Кочкири) в 1862 г., образование получил в Сивасе. Алишер написал много стихов, в которых воспевал курдский народ, призывая его бороться против тирании, за свое национальное освобождение.
- Во время первой мировой войны (1914 г.) Алишер перешел на сторону русской армии с намерением вести борьбу за освобождение Курдистана. В качестве курдского представителя от районов Сивас, Малатья и Дерсим работал по созданию автономного Курдистана под

покровительством России. После отхода русских войск Алишер вернулся в Дерсим, а затем переехал в Кочкири, где продолжал деятельность по объединению курдов вокруг идеи завоевания независимого Курдистана. Весной 1920 г. он вновь вернулся в Дерсим. Здесь, вместе с другими курдскими лидерами, он направлял телеграммы анкарскому правительству о предоставлении автономии Курдистану в соответствии с решением Севрского договора.

За непосредственное участие в восстании в Кочкири он был приговорен турецкими властями заочно к смертной казни. Поэтому решил остаться в уезде Оваджик, где, невзирая ни на какие трудности, он многие годы продолжал работу по воспитанию курдской молодежи, созданию патриотических организаций.

В 1937 г. во время дерсимского восстания тесно сотрудничал с Сейтом Риза, содействовал единению курдов во имя национальных интересов (M.N.Dersimi, *Kürdistan Tarihiinde Dersim*, s.278-281).

32 - M.N.Dersimi, *Kürdistan Tarihiinde Dersim*, s.284, 288.

33 - Ibid., s.283, 289, 290.

34 - "International affairs", 1946, № 1, pp. 96-97;
R.Mauride, *Le Kurdistan ou la mort*, Paris, 1967, p.63.

35 - Сабиха Гёкчен - приемная дочь Ататюрка, училась в американском женском колледже, в 1935 г. поступила в школу гражданской авиации и стала пилотом, а в 1936 г. окончила военно-воздушное училище, принимала активное участие в подавлении дерсимского восстания. После смерти Ататюрка она вышла замуж за капитана военно-воздушных сил Али Кемаля Эсинера, который принял ее фамилию "Гёкчен" (*Leventoğlu, Atatürkün vasiyeti*, İstanbul, s.65).

36 - К.Сасуни, Национальное движение курдов, стр.324.

37 - "Tempe", 18.VIII.1937.

38 - "International Press Correspondence", 31.VII.1937.-
S.S.Gavan, *Kurdistan; Divided Nation of the Middle East*, London, 1958, p. 27-28.

- 39 - "Times", 16.VII.1937.
- 40 - "Times", 22.VII.1937; В.Никитин, Курды, стр.405-406.
- 41 - В.Никитин, Курды, стр.406-407.
- 42 - См. текст обращения в кн.: М.Н. Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.296-299.
- 43 - А.Ф.Миллер, Очерки новейшей истории Турции., М.-Л., 1948, стр.184.
- 44 - "Düstur", cilt 19, Ankara, 1938, s.300-302.
- 45 - Цит. по кн.: М.Н. Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, s.307.
- 46 - "Cumhuriyet", 30.VI.1938.
- 47 - Цит. по газ.: "L'Orient", 7.VIII. 1938.
- 48 - "Cumhuriyet", 31.VII.1938.
- 49 - "Cumhuriyet", 24.VIII.1938.
- 50 - I.Ch.Vanly, Le Kurdistan et La Question kurde, Paris, 1960, p. 11-12.
- 51 - "Düstur", cilt 20, s. 1556.
См. постановления в кн.: Н.Кökdemir, Eski ve yeni toprak, iskân bükümleri ve uygulama klavuzu, Ankara, 1952, s. 166-171.
- 52 - "Son Posta", IV, 1948.
- 53 - I.Beşikçi, Doğu Anadolunun Düzeni, İstanbul, 1969, s. 213.
- 54 - Ş.S.Aydemir, İkinci adam, cilt I, s.313.
- 55 - Ibid.
- 56 - Ibid., s. 325.
- 57 - См. К.Васильев, Причины и движущие силы курдских восстаний.-"Аграрные проблемы", 1931, кн.9-10, стр. 99-100.
- 58 - В.К. Bedir-Khan, La Question kurde, Paris, 1959, p.11-12.
- 59 - I.Beşikçi, Doğu Anadolunun Düzeni, s.212.
- 60 - И.О.Фаризов, Вступительная статья к кн.В.Никитин, Курды, стр.13.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<u>Стр.</u>
Предисловие	5
ГЛАВА I - Курдское восстание 1925 года (Восстание шейха Саида)	7
ГЛАВА II - Политика "умиротворения" в Курдистане и Араратское восстание	64
ГЛАВА III - Усиление политики подавления курдов в 30-е годы	122
СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	152

Редколлегия

Подписано к печати 6/У1 - 1975 г.
Объем 10,75 п. л. Тираж 275 экз. Заказ 248.
Эфсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2